
В.В. Зарубанов
Это было недавно...
Это было давно
2024

Оглавление

Оглавление....1
Немного о себе....3
Сказка-монография....4
Хмурое утро....6
Об академике Я.Б.Зельдовиче и не только о нем....8
Картинка с выставки....10
Кольцо....12
Вместо эпилога....23
Рукопись, найденная в ИЗМИРАНе....28
Глава 1. 29
Лежандр....39
Памяти М.П.Громова и Л.Д.Опульской....40
Бабушка....45
Фаршированные раки. Рецепт моей бабушки....51
“Очей очарованье”....52
Коломенское....53
Каролино-Бугаз....55
Рукопись, найденная в бузине....56
Белая печаль....57
Деревня Ломижено....62
Дорога к храму....63
Сицилия....65
Кубистетеры....86
Ги де Мопассан. Сицилия....86
Притча о слепых....90
Бурбакѝ....92
Моденов П.С. 92
Тёща....94
После 40 дней....95
Как я «побывал» Эйнштейном....96
Два мира. В Воронцовском парке....96
Декабрьский ноктюрн....97
Алтарь Перусси....99
Утоли моя печали....100
Бурбакѝ. Продолжение....101
Незнакомка или как обманчива внешность....102
Нюрнбергские впечатления дилетанта....104
Два лекарства 119

Два павлина 121

Прогулка с Черным 128

После прогулки с Фиником 131

Мимолетная зарисовка 137

Казусы симметрии и C_2H_5OH 138

Вспоминая Alma Mater: Футбол и Фредгольм 1-го рода 140

Падре 142

Послесловие Издателя 144

P.S. О пользе длительных поездок 147

Список произведений 148

1. **Владимир Вавилов** 148

   Истина и высшая точка величия русского духа 149

2. **Bellini."Casta Diva"** 149

3. **Verdi."Nabucco"** 149

Etc - Ещё 150

19 июня. Сценка у подъезда 151

Напарник Коля 154

Кое-что про Аккерман 156

Старичок. Мимолетная зарисовка 168

От автора

Немного о себе

1966

2016

2022

Родился 1 сентября 1948 г. в г. Балта Одесской области. Отец – учитель русского языка, мать – преподаватель химии и немецкого языка. Дед – учитель математики, умер, когда мне было 2 года. Бабушка – учительница. Отец – 100% белорус, остальные предки из Полтавской губернии, украинцы. Когда дед умер, по настоянию бабушки семья переехала на юг Одесской области, к морю из-за моего слабенького, полудохлого здоровья. В город Аккерман, а после присоединения Бессарабии к СССР Белгород-Днестровский. Город находится в устье Днестра, поэтому так назвали. В семье говорили на русском языке, но часто бабушка переходила на чистый (полтавский) украинский язык. В шутку часто говорю, что я на 3% еврей, потому что все произошли от Адама и Евы и я не уверен в своих далеких предках. Люди без юмора иногда спрашивали, почему 3% и почему число нечетное. Отвечал, что число e мало, а число π велико, причем оба иррациональные. Поэтому округлил до 3-х.

С детства у меня было билингва. Все равно на каком языке говорить и думать: русский или украинский. Остальное можете прочесть в моем рассказе «Бабушка». Школу окончил с золотой медалью, с первого класса был круглым отличником (но не идиотом, так как по поведению часто получал колы и два раза за хулиганство до 8-го класса успел побывать в милиции).

В 1966 г поступил на физфак МГУ, сдавал все экзамены, так как получил 4 по математике. После окончания - аспирантура на Кафедре физики атмосферы. Затем 15 лет работал ведущим инженером в п/я, потом перевелся в ИЗМИРАН, где и работаю до сих пор. Обработка телеметрии со спутников, сейчас что-то спутники научные по изучению ионосферы не запускают. Науку оставил лет 15 назад. Компьютеры стали и работой, и хобби. Все рассказы так или иначе связаны со мной, моими товарищами и друзьями.

e-mail	vsevolod.zar@gmail.com

Сказка-монография
О прекрасной ругозе и семи кораллитах

В некотором царстве, в некотором государстве, в верхнем Эмсе нижнего Девона жили-были старая ругоза с уже немолодым конусовидным кораллитом. На раннеанической стадии, проведя бурный онтогенез, приведший к отшнурованию септ, захотели они омолодиться, обзаведясь дочерними кораллитами, дабы род Сошкиной продолжить. Но вот уж девон кончается, карбон в дверь стучится, трабекулярная линия все извилистей, а продолжения рода все нет и нет. Печалятся ругоза с кораллитом, от горя асептальные трубы гнуться начали и стереоплазма *слегка немного утоньшаться*[*]. Стал даже укорять кораллит ругозу, что у нее стенки тонкие, чашка с выположенным днищем, происхождение темное, и предок-дед раза два был на мшанках женат.

Однажды закинул кораллит тонкоструйчатую сеть-эпитеку в зафрентоидно синее море, попалась в сеть прекрасная *Ufimia Leptoconicus*, септа одна другой краше, а одна сверкает золотом, вся построена мелкими непростыми трабекулами. И говорит она кораллическим голосом: Отпусти меня, ругозы ради, в синее море, а я выполню твое желание. Удивился кораллит, выпустил Уфимию в ее стихию, пожелав продолжения рода. И что же, приходит он в родные пенаты, встречает его ругоза с глубокой чашкой, полной старого вина: Выпей, старче, радость у нас. От меня отпочковались дочка-ругоза и семь сыновей-кораллитов, один другого лучше!". Обрадовался тут кораллит, даже шлиф от радости вспотел, и септы стали заплетаться.

Начали они детишек пестовать-миловать. Не по эпохам, а по часам-периодам растут братья, и сестра от них не отстает. Но недолго счастье длилось, забрела раз прекрасная младая ругоза в верхнее турне острова, там и похитил ее злой *Hibernicum*.

Пошли братья сестру выручать, поцеловали родителей-предков в морщинистые щеки-эпитеки, не печалиться велели. Шли они, шли, но не видать сестры, как зеницы ока. Далеко-далеко, в отложениях нижней

[*]Реалия Т.Г.

подсвиты спрятал ее *Hibernicum*, опутал усиленными протосептами, закрыл фоссулу, замел все следы от нижнего намюра до верхнего девона. Никак не могут братья-кораллиты дорогу к сестре отыскать.

Раз брели они, брели с поникшими септами, вдруг видят: голотип на дороге стоит, узкоконический, в верхней части почти цилиндрический, шлиф грязный, часть септотеки оборвана, осевая колонна булавовидно утолщена, в приподнятом состоянии, вся в лонсдалевидных диссепиментах. Да еще в уголке клинотабулы полустертая надпись, похожая на клеймо библиотеки: "Экз. ПИН АН". "Из колоний, беглый, сбежал из пинакотеки", подумали братья. Хотели они его ланцетовидными септами изрубить, да взмолился голый тип: Не бейте меня, добры молодцы, разве я виноват перед вами, что от своего отряда отбился и у меня лектотип такой? Пожалели типа братья, отпустили его, обругав необщепринятой семиярусной терминологией: "Топай-ка отсюда к своим предкам по материнской линии, пока мы тебя в самом деле под ревизию не подвели!".

Пошли они дальше, весь Мергель обошли и в дальнем апикальном углу Джульфинского яруса на гривке, замаскированной мшанками, нашли вход-выход в царство Хиберникума. Испугался их Хиберникум да и окаменел от страха. И стоит с тех пор на р. Игримьюз, *левый сверху борт близ устья снизу*, окаменевший конодонт, наводя ужас на аммоноидей от Болорского яруса до Дорошамского. Никто не выходил дважды из той реки! Редкая ругоза осмеливалась появиться в соседнем урочище, а одинокий брахиопод вздрагивает, услышав зловещий шорох детритового известняка, и плотнее закутывается в свою кочусуйскую свиту. Вызволили братья сестру-ругозу и домой вернулись. А вскоре и свадьбу ее сыграли с принцетипом Шиндевольфа. Потом и сами на табулятах женились. И пошли отсюда всякие роды и семейства. А после триаса через долгие-долгие лета появился и *Homo Palaeontologicus*. Тут и сказке конец, а монографии - только начало...

27.05.1989 г

.©1. Любимой Теще - палеонтологу из ПИН АН СССР –Ильиной Тамаре (Томе, Бабе Оме) Геннадиевне на память об общих муках гносеологического познания нереальной действительности.

©2. Все авторские права на анекдот про тещу сохранены, не зависят от содержания и от ее настроения и не караются.

©3. Зять-физик. (Перепечатка 1995 г. с незначительными дополнениями, навеянными новой тещиной статьей).

Хмурое утро

…понедельника. Не хотелось писать два последних слова с большой буквы! Что же пришло Богу в голову, когда в этот день он начал создавать мир? Где был он накануне? Почему не выспался?

Пасмурно. Почти темень. Обессилевшая к утру гроза набросила на город плотную сетку дождя. Идут созданные по образу и подобию божьему спасшиеся от потопа, … , научного коммунизма и от бог знает от чего еще спасущиеся люди. Очередной день насущный. “И будет день, и будет пища”. Надо идти, от каждого по способностям – каждому по везению. И надо приходить вовремя. Есть ли где-то в мире памятник будильнику? Мне – неизвестно.

Зонтики, зонтики… Мокрый ритм. Сверху тарабанят капли дождя. По мокрым людям хлещет свет авто. Зазевался – лужа стекает с твоих штанов. Уворачиваюсь, пока удается. Спасибо идущим впереди, саперов не нужно обгонять. Пыль дождя сечет лицо. А все равно хочется спать! И погода способствует. Повезет – подремлю на работе. Среди добрых людей в любую погоду хорошо.

Метро “Белорусская”. Видимо, только что подошла электричка. Толпа у касс. Три окошка – три спрессованных хвоста. Это наша особенность – в очереди каждый последующий физически ощущает предыдущего, и наоборот. Счетное, всюду плотное множество. Математики поймут. Очередь полна. Промежутка нет. Дышат в затылок. А с меня еще и дождь стекает.

Час пик. Три эскалатора глотают и выплевывают людей. Вспоминается школьная задача по математике. Бассейн и три трубы, 5-й или 6-й класс. Но та задача имеет решение, а данный случай имеет свои нюансы.

В узкой горловине входа эскалатора, в сжатом заторможенном людском потоке повышается давление, скорость падает. Гидродинамика, однако. Люди прессуются в толпу. Мобильный мыслящий тростник, стесненный в свободе движений, начинает вправо-влево раскачивать головами. Точно камыш, который никогда не растет поодиночке и раскачивает при порывах ветра своими метелками. Удивительно, но все практически синхронно покачивают головами. Видимо, подстраиваются под входящих на эскалатор. У кого-то звонит мобильный.

Попал в ситуацию. Как и все, раскачиваюсь. Притягивает взгляд озорное личико мальчишки, сидящего на плечах у папы. Оглядывает все вокруг, все ему интересно. Подмаргиваю. Получаю ответ. Вот бесенок! Подмаргиваю второй раз. А он уже смотрит в другую сторону. Кругом – камыш. Все одинаковы. Ему сверху виднее.

Задумался, вышел из ритма и ... возвращаюсь в этот мир. Кто-то сзади наступил на ногу. Возмущенно оборачиваюсь. Обидные слова застряли ниже пояса. А ведь приятно увидеть на сером фоне веселое лицо молодой, не мыслящей девушки! Болтает по мобильному. Единственная улыбка вокруг… Прелесть! Крашеная блондинка с бархатными глазами брюнетки. Молчу. Может, наступит на вторую ногу. Тогда буду знакомиться. Не наступила. Странно, перхоти нет, со спины кариес не виден. Ногами шаркал не хуже других. Рубашка не глаженная, но и не мятая. Вспомнил анекдот:

Ругаются две одесситки. Одна другой: - А ты старая б...! В ответ: А при чем тут возраст?! Ясно. Все-таки возраст имеет значение.

Короткий батник открывает младое тело. Полоска плоти притягивает взгляд. А пирсинг-то там ей зачем! Может ведь и поцарапать! Нет, не буду знакомиться! Волочу ногу, чтоб не потерять туфлю. Надо бы родимую, стоптанную, поберечь. На новые денег жалко. Месячная задержка с жизненным пособием.

Сон прошел, мысли не так обрывисты. Погружаюсь в толпу. Я с вами одной крови. Такой же Маугли. Раскачиваю головой влево-вправо, стою справа, прохожу слева.

Все. Выплеснуло с эскалатора. Красивы все-таки старые станции! Узорчатый гранит под ногами, мозаики панно, но любоваться некогда. Устье эскалатора опасно, нельзя задерживаться. Теперь за мной – лысый плотный хмырь с сумкой. Очки с толстыми стеклами и жвачка во рту. Такой снимет кожу с пятки вместе со второй туфлей! Туда-сюда-оттуда текут плотные людские потоки.

Давление упало, скорость возросла. Уже согласен на пирсинг. Увы, девушку унесло потоком. Со спущенной туфлей не догнать. Утешил себя: не первую от меня унесло, пора бы привыкнуть. Отошел от края платформы. Дежурная в униформе, в красной фирменной шапочке, толстые икры в черных чулках, следит за посадкой заспанными глазами. Не успели выйти из поезда, как хлынули “все входящие”. Странное дело. Все столпились у дверей. Почему? Ведь в середине вагона пусто. Вошел последним, когда схлынуло, даже сел. “Осторожно, двери закрываются”. “Тростник” сидит молча, стекают капли с зонтиков. Кто полуспит, кто крутит в руках мобильник, кому-то в голову слева-справа-справа-справа стреляет долбиритм из наушников. Кое-кто даже читает под “обстрелом”.

Давно заметил, что друг другу в глаза никто не смотрит. Почти все внутри себя. Отсутствующий взгляд – типичная картина. При встрече взглядов отводят их как клинки. Если такое случается со мною и визави – женщина, более трех-пяти секунд в глаза не смотрю, опускаю взгляд на остальное, если оно имеется и заслуживает оценки. А вот визави редко отводила взгляд. Почему? Когда-то читал Бальзака, но ответа не нашел. Кстати, возраст дамы здесь ни при чем. Молод я еще, не понимаю всего, надо бы перечитать Мопассана. И практики бы побольше. “Суха теория … а древо жизни…”. Где-то еще зеленеет.

Так. Злой я сегодня. Насмотрелся на женщин, заболело ребро Адама. Плотная тетка напротив, образ и подобие женщины, окольцованные безымянные пальцы, глубокий жирный треугольник декольте, две цепочки на шее, одна с золотым грузом. Проваливающийся в глубокую ложбинку между грудями крестик, она его якобы теряет и тут же оттуда вытаскивает, с набитыми шоппинговыми сумками, плюс еще и вгрызается в яблоко. А руки держат сумки! Дочь Евы, однако! Какой грех! Как она их попрет! Ясно, едет на вокзал либо на рынок. Сумки грязные. Постирать бы их надо. Под коленкой сбоку видна дырка в чулке. Видна и вторая дырка, поменьше. Не жарко, но и не холодно. Зачем чулок, зачем дырки? Разволновался. А ей – хоть бы хрен. Сошла на “Курской” вместе со мной. Связанные ремнем сумки – на плечо, сумочку – под мышку. Я бы сломался под этими сумками. А тетка, некрасовская женщина, обогнала поток! Потерял из виду. Слава богу, Некрасов мне со школы не нравился. И картина “Белинский у постели Некрасова” не нравится! Не чуткий Белинский, какой-то фальшивый, нет в нем сострадания, тоже не выспался, наверное.

Пересадка. Народу поменьше. Некоторые спят сидя. Купе-люкс из двух коротких противоположных сидений в конце вагона занимает бомж. Лежит на одном, но занимает два. Единство пространства и времени воочию.

Отвлекаюсь от этой грустной картины. Приходит в башку дурацкая мысль. Как же так можно? Человек – это звучит гордо!? Горький! Значит, не сладкий! Как же этот Homo остался один? КТО потерял в него веру? ГДЕ потерял он свое человеческое достоинство? КОГДА он своим так надоел? Зачат он был в любви или нет? Эх, “по образу и подобию своему”…

Что-то в жизни не так. Но что? Не я первый не могу дать ответ. А сам-то я многим ли от него отличаюсь? Бритым к работе лицом, лосьоном после бритья, дипломом, общественным положением?.. От меня не шарахаются, вчера дали горячую воду, помылся. Тьфу, хватит. Вышел

из полудремы на свою голову! Тянул бы траекторию до работы! А скоро и обед. А завтра уже и вторник. А в неделе – пять дней! А между неделями положено отдыхать! И еще. Вне отпуска “есть только миг между прошлым и будущим” – и этот миг называется суббота и воскресенье! Особенно перед понедельником это чувствуешь.

05.08.2007 – 07.08.2007

Об академике Я.Б. Зельдовиче и не только о нем

https://7iskusstv.com/2014/Nomer6/Zeldovich1.php

Интересная статья Зельдовича. Упоминает в ней Линде и Старобинского с инфляционной теорией происхождения Вселенной. Вспомнилась моя единственная встреча с ним. Довольно анекдотичная была ситуация.

Прочел интересную статью Зельдовича. Упоминает в ней Линде и Старобинского, моих однокурсников, в связи с инфляционной теорией происхождения Вселенной. Вспомнилась моя единственная встреча с ним. Довольно анекдотичная была ситуация.

После окончания физфака (кафедра математики) в аспирантуру было рекомендовано 8 или 10 чел. из 25-ти (точно уже не помню). На кафедру математики пошел Митя Соколов, этоточно. К Позняку на геометрию. Кто-то еще, не помню. Остальных «распихали». Мне предложили аспирантуру на кафедре физики атмосферы. Это было неожиданно, я уже договорился работать в «магнитке« Троицка у ядерщиков, но не на «Токамак» а на теоретику, именно к ядерщикам. Им нужен был парень, имевший опыт работы с некорректными задачами по Тихонову. ЭВМ у них были на уровне.

А я как раз диплом делал в ВЦ МГУ, фазовый синтез антенных решеток, тогда это была новая тема, Численное решение интегр. у-й Фредгольма 1-го рода. Причем, решалось сразу много задач, надо было найти минимах. Градиентный спуск, как сейчас помню Считаешь функционал, отступаешь на дельта вверх, потом на дельта вниз. Куда градиент показывает, туда и идешь. Попыток масса, оптимал выбирается не сразу.Замучил расчет функционала с быстроосциллирующей функцией. Для этого, что занимало основное время, подправил стандартную библиотеку численного интегрирования БЭСМ-6.

Алгоритм Гаусса_Кронрода. Алгоритм - чудо, но сейчас почти не используют. Шуруют стандартами типа МАТЛАБ, МАТЕМАТИКА или похожими. Главное, чтобы графика результата была красивая. Стыд один. Даже ошибки интегрирования не рассматривают. А на хрена? Сделаем сетку погуще, машина быстрая, чё заморачиваться. Тем более на столе стоит PC, раз в 10 мощнее БЭСМ6. А вот дайте задачу подсчета минимакса с быстроосциллирующей функцией – загнутся, несмотря на мощность.

Итак, предложили тему распространения сверхнизкочастотных акустических волн в атмосфере. Сначала показалась тема неинтересной. 5-8 Гц.частота. Математика — диффуры 2-го порядка. Модель: дельта выплеск энергии, вокруг земного шарика бежит акустическая волна. Решается обратная задача: как по рез-там регистрации волн (а шарик обегают несколько волн) определить мощность и что-нибудь еще этой «дельты». Физически — это мощность взрыва, к-й представлен математически дельта-функцией. И учитывать лучше 2-3 волны. Дальше уже нечеткая фиксация данных, рост ошибок.

Плюс еще там оказалось интересное явление, сверхнизкие колебания (6-8 гц.), плохо влияющие на человека. Чувство тревоги, плохо с сердцем и т.д. Потом меня как-то нашли и пытались вербовать на эту стезю. Но я отказался, сказал, что источник для искусственного излучения будет размером с Москву.

Короче, «обратные» задачи с прикладным значением. Далее не буду отвлекаться, скромно вернусь к Зельдовичу.

Экзамен в аспирантуре по моей новой специальности на каф. атмосферы. Английский и философия позади, без труднотей.

Прихожу, объявляют состав приемной тройки. Мой руководитель, д.ф.м.н Л.А. Дикий, академик А.М. Обухов, зав. кафедрой и директор Института физики атмосферы, и академик Я.Б. Зельдович.

Захожу в большой кабинет, мне мой шеф дает задание, все по его монографии по распространению акустич. волн..

Академиков не видно. Он:

— Идите готовьтесь, полчаса вам хватит?

Говорю, что хватит. Думаю, что кранты.

Готовиться бесполезно в таких случаях. Пошлялся минут 20 по знакомым этажам, зашел в сортир на всякий случай. Прихожу, открываю дверь, на диване сидит вся троица, пьет кофе, беседуют о чем-то. Внутри у меня холодец, ножки у меня дрожат, но поздоровался бодро. Происходит такой диалог:

Зав. кафедрой:

- Леонид Александрович, что Вы хотели бы спросить?

- Нет-нет, я научный руководитель, мне неудобно. Спрашивайте Вы.

Обухов;

- В таком случае правильно будет, если Яков Борисович как наш гость спросит. Как Вы, Яков Борисович?

Зельдович:

- Да. Молодой человек, объясните нам, что такое ротор.

Я не понял, юмор это, подвох или что-то другое. Объяснять это двум академикам и доктору наук! Это ж первый курс физфака! На несгибаемых ножках подошел к доске, криво нарисовал две окаймляющие детерминант вертикальные палки, успел только написать 3 вектора i, j, k первой строки, написал вторую, хотел робко произнести, что ротор — это вектор, как Зельдович сказал:

- Ну хватит, хватит, достаточно.

Я:

- Вы знаете, я еще про дивергенцию скалярную могу объяснить

Зельдович:

- Хватит, хватит. Видно, что предмет знаете. Вы же с кафедры математики, не так ли?

- Да.

- Вас кто на кафедру принимал? Тихонов?

- Да. АкадемикТихонов и Свешников. Третьего не помню. Кажется, Шишкин или Арсеньев.

- Коллеги, я считаю нецелесообразно мучить далее молодого человека. Ситуация ясна. Раз он рекомендован кафедрой и научный руководитель уже с ним поработал, предлагаю поставить ему «отлично». Мне понравилось, что он даже пытался дерзить насчет дивергенции академикам. Возражения у коллег есть?

Естественно, кто ж будет супротив трижды Героя соц. Труда Зельдовича возражать. Сказал, как мне показалось, бодро:

- До свидания.

Вышел я оттуда уже не помню как. Но в туалет зашел. Это было нервное. Вот такой был невероятный случай.

Картинка с выставки

Мои впечатления

Д.Уистлер (1834—1903). Портрет Т.Карлейля (1795 - 1881)

Мне очень понравился портрет Томаса Карлейля, написанный художником в 1881г., незадолго до смерти Карлейля. Музейная атрибутика скупая. Годы жизни, кто изображен – и все. Не густо. Кто же персонаж? Фигура интересная, непонятная, XIX век, Шотландия. Ректор Эдинбургского университета. Писатель или философ – спорят до сих пор. Но личность незаурядная. У Карлейля-философа главное – молчание. Только в нем вызревает существенное, только оно способствует пониманию истины. «Мысль изреченная есть ложь», - так у Тютчева. Суета жизни прикрывается словами, а молчание обнажает душу. И этим он мне и запомнился по* истории философии.

Композиция и колорит картины практически повторяют другой шедевр Уистлера – “Портрет матери” (к сожалению, на выставке не представлен).Приглушенные тона. Игра

нюансами красок. Мягкие контуры. Время импрессионистов, но Уистлер – своеобразный, другой, он не из них, он – и до них, и впереди них. Все художники самобытны, но некоторые, как и он, неповторимы. Впрочем, у каждого художника есть своя «черточка».

Далее нужно вглядеться в “нутро” картины. Что хотел выразить художник, что ему показалось главным в характере героя, ведь каждая деталь в его понимании имеет смысл.

О жизни персонажа все уже известно. Все устоялось. Обреченное спокойствие. Источник света в левом нижнем углу, 50-70 см. от пола. Канделябр, скорее всего. Картина делится на три горизонтальные области (светлую-темную-светлую). Не знаю, есть ли тут символика троичности или нет. Низ и верх по колориту мало отличаются друг от друга. Пол, сидящий на стуле персонаж, стена с картинами, на стене за спинкой стула медальон с бабочкой – логотип художника. Связующее звено – персонаж, отдельная область. Он вторгается на стену своей тенью, как главный (портрет все же!) захватывает часть другой области и как вертикально-горизонтально-вертикальный объект пускает взгляд зрителя по задуманному автором плану.

Тени не совсем соответствуют источнику освещения. И геометрически, и по цвету. Что-то художник этим нам хотел сказать. Мало верится, что это игра случая. Непонятно. Прикрытие шляпой нижнего правого угла картины на стене, минорное поднятие "черного" снизу наверх – блестяще!

Какая же перспектива, пытаюсь понять. Пока определиться не могу. Есть и прямая, (шляпа, во-первых), есть и обратная, “иконная”.Персонаж “выпячен”, светлыми частями – воротником, рукой и лицом - оторван от фона. Светлое пятно левой руки, профиль лица и бьющие белые цвета воротника рубашки – вот доминанта картины. Именно все три объекта. Даже не светлая рамка полей нижней картины – она вторична, вызывает вопрос о безликости картины и только переводит взгляд зрителя на лицо персонажа. Выброс любую составляющую доминанты – портрет потеряет в выразительности. Взгляд уже оббегал поверхность картины, но притягивается сюда и снова сканирует картину. Кстати, снизу вверх – или наоборот, результат одинаков.

Композиция совершенна. В пространстве картины минимум предметов. Отвлекающих подробностей нет. Фактуры мазка не видно, ясно, что главное в нашем случае не техника. Мастерство исполнения здесь скрыто и полностью направлено только на передачу психологии героя. Персонаж скуп на проявление чувств, не смотрит на зрителя. “Печально я гляжу на наше поколенье!”. Годы прошли, вопрос о смысле жизни остался без ответа.

Зритель герою глубоко безразличен. Сижу, позирую…Расслабленность, сгорбленность позы. Выдавленный горбатой складкой спереди сюртук. Разочарование? Индифферентность? Сожаление? Печаль? Покорность судьбе? Чувство завершения жизни? Усталость, отказ от борьбы? "К добру и злу постыдно равнодушны"? Пожалуй, разочарование или спокойное примирение с жизненными страстями. На яркую вспышку чувств уже нет сил. Прожита почти вся жизнь, а жизненные простые вопросы так и остались без ответа.

Известно, что Карлейль испытывал неприязнь к художнику. Почему же он согласился позировать? Возможно, хотя бы с одной стороны “ушло” раздражение? Не здесь ли разгадка расслабленности позы и колорита картины? Хотя, колорит портрета матери тот же, что и в этой работе. И мать тоже не смотрит на зрителя. И поза, и композиция похожи! Но мы ведь понимаем, что здесь не ремесло, а мастерство! Значит, что-то другое. Все-таки персонаж не безразличен художнику!

Но вернемся к Уистлеру. Вернее, к его герою. Он знает себе цену. Пессимизм? Пожалуй, нет. Герой погружен в себя. В нем зреет истина. Молчание вокруг. Посторонние ему не нужны. Но взгляд, надо сказать, отрешенный, направлен все-таки из тени в свет. Мрак – за спиной. Картины на стене не случайны. Скорее всего, связаны какими-то ассоциациями с художником или

персонажем. Мало верится, что Карлейль пришел позировать в чужую квартиру (весна, осень, теплая зима, судя по одежде). Не знаю. (Был заинтригован, смотрел в Интернете, ничего не нашел.) Скорее всего "ка́нуло в лету".

Портрет, на первый взгляд, пессимистичен. Но это не так. Такие "прижизненные" портреты, фиксирующие персонажа "для будущего", не имеют успеха у современников. Это и не фамильный портрет. А художник тогда был уже известен, знал себе цену, "с отчаяния" не писал.

Изображен мудрый человек. За его плечами не один десяток лет. Общество его ценит, уважает и таким его себе и представляет. Вдумайтесь – не все так плохо и не все потеряно. Второй канделябр – и было бы ярче. Но художник не захотел "осветлять" картину.

Свет – он вне героя. Для героя истина – внутри. Свет не важен. Диоген со своим фонарем не поможет. Внутри себя – все равно темно. Внутри – только "я".

Больше вопросов, чем ответов. Все-таки гениально схватил Уистлер сущность Карлейля! Одна картина сколько прибавила эмоций и заставила задуматься!

04 февраля 2007г.

Кольцо

Ушедшим одноклассникам: Володе Гражанцеву и Володе Калиону

"Ловить раки, выпить стакан вино, копать черви, ловить бычки." Именно так говорили в Аккермане, Белгород-Днестровском по-новому, бывшей столице Бессарабии при румынах. Когда-то "шаланды, полные кефали, отсюда Костя приводил". Вернее, с маленьких лиманов, где откармливается летом и осенью кефаль у гирла Днестра. Там, где он впадает в море, рядом с Аккерманом, км. 19– 20 от него.

Город был своеобразным. Маленький, уютный, всегда чистенький, независимо от праздничных и выходных дней. По карте всего-то км. 80 южнее Одессы. Однако, речь коренного аккерманца отличалась от речи одессита. В общем котле с надписью "Народ" здесь варились украинцы, русские, молдаване, евреи, румыны, цыгане, гагаузы, греки, болгары, албанцы. А ведь национальностей было больше, кого-то забыл. И все они имели одесский гонор, хотя жили южнее. Вавилонскую башню не строили, Нимрода не нашлось, манией величия не страдали, но каждая народность вносила свою лепту в местную разновидность языка. Многих языков не знаю, но понимаю как собака с умными глазами.

С годами воспоминания не потускнели. А город стал другим, колорит вместе со временем почти ушел. "Иных уж нет, а те далече". Обнимаю тех, кого люблю, перечислять не буду, их «пока есть», как говорили аккерманцы, вспоминаю тех, кто уже ушел. Прошло более сорока лет, но беззаботность того прекрасного времени не выветрилась из памяти.

Итак, я в Аккермане, в родном доме, в отпуске. Вырвался из душной Москвы на природу. Лето, все распрекрасно, рядом моя семья, папа с мамой, школьные друзья. Папины, мамины и мои знакомые здороваются на улицах. Омрачает одно: вот отпуск скоро кончится, а уезжать в Москву не хочется, ведь школа, юность здесь прошли, оттянуть бы отпуск, еще побыть. Придумать что-нибудь дельное не могу. А тут жена и советует:

- Чего ты маешься, томишься как-то? Не узнаю тебя. Где твой оптимизм? У тебя же здесь полно знакомых врачей, есть и два одноклассника. Кстати, говорил ведь, что один работает хирургом. Пойди, возьми больничный, чего тебя учить простым вещам. Что? Опять честный? Кому ты, несчастный инженер, придурок сознательный, нужен в такую жару в твоем институте! Поверь, пользы от тебя будет больше, если хорошо отдохнешь. Кто будет вглядываться в твой бюллетень, где почерк врача мало кто разберет? И кто там в такую жару работает. Уважать перестану, если этого не сделаешь!

Женская напористость творит чудеса. Но гадко подумал, что и женщины могут ошибаться.. Но в тот момент на 100% она была права. Но, ежели одноклассник хирург, так что же, ломать и мотать в гипс часть своего тела, или как? А вдруг не ту часть сломаю и гипсом обмотают. Как тогда быть? Ведь отпуск. В ответ:
- Ты не волнуйся, ты такой гад, что никогда не сломаешь свою «удовлетворительную» часть.

И ведь опять права! Ничего ломать не буду! Оценила правильно, чует своей женской интуицией! Пошел к Володе Калиону. Как хирург он вел в поликлинике прием. Говорю все как есть, начистоту:

- Вовка, я здоров, все члены, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, работают исправно, по-вашему функционируют нормально. Отпуск вот-вот скоро кончится, надо бы оттянуть его.

Он чуть-чуть подумал, гаденько так заулыбался. Белый халат его немного полнил, хотя в школе был «шкилетом». Сухарь, а пошутить любил, помню, по математике у него было “пять”. Мы с ним по этому поводу даже иногда «соперничали». Слегка надо мной поиздевался.

- Отпуск – это святое. Правда, Аккерман летом хорош? На хрена уехал отсюда? Как, жена довольна? Как ей город и море? Ладно, повспоминали школу, теперь давай по делу. Оперировать и класть на койку не буду, хотя лишнее оттянуть и отрезать можно. Наркоз дам, даже не почувствуешь. Еда будет нормальная, родители у тебя здесь, уверен, питание будет отличное, получше, чем в нашей столовке, не отощаешь! И операцию сделаю почти не полостную. Хватит дней трех, потом реабилитация.

- Ах ты гад! К тебе пришли за помощью, советом, как к однокласснику, а ты тут выкобениваешься! Да пошел ты! Пойду к Витьке терапевту, скажу какой ты гад!

- Да погоди ты! Не заводись. Уже и пошутить нельзя. Ко мне на прием табунами бабки из деревни прут. А с ними разве пошутишь? Даже слово обронишь не то – тут же «телега» к главврачу. Слушай, а по блату поставлю-ка я тебе отличный диагноз – геморрой. К геморрою еще добавлю какой-нибудь отягчающий этот диагноз медицинский термин. Учти: говорить про диагноз, если спросят, лучше с растянутой, двойной “р”, так будет лучше и длиннее. Ни самому полюбоваться, ни людям показать! Внешний вид обманчив, а копни вглубь… Работник ты умственный, сидячий, это у всех назревает. Море соленое, юг, жара, тело воспалено, даже местные не выдерживают. Песок на пляже «туда» заползает, ракушки – вот тебе и рецидив. Не было – так будет. Все у тебя там висит на волоске. Пусть проверяют. Диагноз напишу разборчиво, не как обычно врачи пишут. Все будет чисто, как в нашей аптеке. Песок скрипеть не будет. И мне спокойнее. Десять дней к отпуску! Тем более, ты же в Москву обратно на плацкарте? Еще тебе аргумент: сутки на твердом. Поможет, все заживет, пока ехать будешь.

Целых десять дней! На такой срок даже не надеялся! Больше Вовка даже по блату дать не мог. Молодец, впаял по-полному. Легенду свою понял, все у него аргументировано. И у меня совесть чиста, взятки не давал, стыдно, но жить можно. Лишнее при мне, не отрезают. Пригодится! Проверил волосок, не оборвался, висит, проблем нет! С диагнозом согласился, но слова “песок туда” и “там” мне почему-то не понравились. Хотя между “там” и ”здесь” в моем случае есть маленькая разница.

По блату называется! Однако, вставил мне диагноз! Интересно получается, по документу геморрой есть, а на самом деле – нет! Эта растянутая двойная ”р” меня достала. Я не “ррецидив”!

Показал жене больничный, диагноз отчетливый! На всякий случай напугал жену. Пррочитал два ”р”. Сама посоветовала, вот и сходил. Иногда “здесь” все висит у меня на волоске, серьезное лечение раза два в десять дней! Сказали “не нервничать”, береги меня. А как лечиться? Главное – не перечить. “Нет” не говорить, организм знает, сам потребует! Красное сухое вино? Это я могу и в здоровом виде для профилактики. Тебе бы клизму с песком и ракушками!

И вот в конце июля в “оттянутое к отпуску» время пошли мы “ловить раки” к Красному домику, на “мастер класс”, как сейчас говорят. Что за домик – объясню потом. Мы – это жена Таня, сын Лешка шести лет, я и мой школьный друг Володя, по прозвищу Гражик, так как фамилия Гражанцев.

Вышли утром до жары. До места ехать минут 20 на автобусе до села “Переможне”, що в перекладі на російську мову “Победное”, потом топать через плавни по грунтовой дороге еще минут сорок. Природа очень красивая. Плавни – это заболоченные мелкие места с камышом по обочинам у самого лимана, с ериками-протоками сквозь камыши. Весной туда заходят и нерестятся карп, плотва, красноперка. Словом, всякая рыба, выкладывающая икру на мелководьях. Тепло и есть куда прикрепить икру. Летом же и осенью там полно пиявок, лягушек и ужей. Попадаются и гадюки, но те очень осторожные, избегают людей. А вот комары – наглые, могут выпить беззащитного человека. Весна и осень были, как правило, теплыми. Эти времена мы обожали. Не жарко. А с комарами боролись одеколоном “Гвоздика”. Уж очень он им не нравился.

Днестровский лиман в том месте образует залив. А вообще лиман – вытянутое громадное пресноводное пространство, км. 25 в длину от устья Днестра до гирла у моря и 5-12 км. в ширину. Глубина – 3-6 м., не больше. На берегу залива в окружении старых тополей и верб стоял разрушенный дом под красной черепицей, бывшая румынская таможня, так как до войны Бессарабия принадлежала Румынии и по лиману проходила граница. Поэтому у местных пацанов развалины и назывались Красным домиком. В лиман перед Красным домиком уходит длинная отмель, куда приползают линять раки. Еды полно, моллюски, мальки бычков – рай для раков. Надо сказать, что с июня и до середины августа во время линьки лов раков всеми средствами запрещен. Но про руки как средство забыли. А если руки да не без головы…

На другом берегу залива – город Аккерман с древней (XIV в.) крепостью на высоком мысе, которую, по преданию, заложили генуэзцы в XIII в., строили молдавские госпòдари, потом достраивали турки. У входа в крепость – раскопки древнегреческой колонии Тиры, в те давние времена Днестр называли Тирас. С другой стороны лимана – поселок Овидиополь, после русско-турецких войн назвали в честь Овидия, а он тут и не был. Вот такой парадокс.

Все здесь дышит историей. Люблю я этот город! Ему уже более 2500 лет! Один из древнейших городов по ЮНЕСКО. Финикийцы, греки, скифы, геты, римляне, готы – кто только в древности не прошел через эти места! Здесь прошли мои детство и юность! Белый город! Вернее – “Белый камень”. Кстати, крымский Инкерман по-тюркски ”Черный камень”.

Процесс лова проходил так. Два человека-старшеклассника покупали бутылку портвейна местного завода. Обычно “Біле міцне”, в переводе “Белое крепкое”, “Биомицын” по-простому. Два полиэтиленовых пакета прикручивались к боковинам плавок – и вперед, пешком на глубину. Дно пологое, метров через 200 тебе только по шею. Мелкие волны бьют по носу, не дают отдышаться. Набираешь воздуха, ныряешь. Плывешь практически надо дном, расставив руки и щупая окрестности. Вода очень мутная, Днестр несет взбаламученный ил, глину, мелкие водоросли. Глаза закрыты, ничего не видно. Полагаешься только на тактильные ощущения и хватательную реакцию пальцев.

Попался рак, в пакет его. Воздух кончается, в ушах стучит сердце. Не хватает кислорода – всплыл, глотнул воздуха – и вглубь. Иногда за один нырок по три рака попадалось. Если промахнулся, рак обычно уходил. Не так уж они медленно пятятся, при опасности подгребают шейкой, пешком не ходят, убегают вприпрыжку. Но уж если нащупал, хватило воздуха, погнался за ним, – он твой! Вынырнул, минуту отдышался – и дальше. А после получаса ныряния кожа синяя, гусиная, зубы начинают стучать, хотя на поверхности в тени более 30-ти градусов. Да и раки клешнями прорывают пакеты, колются, кожу раздражают, все бедра в красных пятнах. Больше двадцати штук в пакетах трудно удержать. Выходишь на берег, погреешься у костра, три глотка портвейну, полчаса отдыху – снова пошел. За три-четыре захода, когда мы были юными, ловили по 60-100 раков на двоих. Но это только при наличии второй бутылки и при хорошей погоде. Противно сидеть в воде, когда ветрено, прохладно и пресной водой в лицо хлюпает. К соленой морской были привычнее.

Лов бычков руками мало отличался от ловли раков. Также реакция пальцев. Кажется, с детства о бычках знаю все. Все детство у лимана жил. Пескари, линяки, мурзаки, жебраки, болотняки. Это разновидности бычков, у всех своя конституция и свои повадки. Каждый мимикрирует под свою среду обитания. И у каждого вида свой характер. Болотняки невкусные, у них чахлое тонкое тело, бледно-серый окрас. Кстати, на удочку клюют вяло. Мурзаки черные, чуть получше. А самые вкусные – пескари. Под камнями не сидят. Бело-золотистые, толстенькие. Их руками не возьмешь, только на свинчатку (палка, леска, свинцовое грузило, крючок) или на удочку. Не любят замкнутого пространства. Самые крупные – линяки. Обожают норки. Поймаешь такого, чернота его тела постепенно сходит на нет, поэтому их так и прозвали. Горбатые, уменьшенная копия дельфина. Жебрак всегда рыжеватого цвета, с большой головой, тело с пятнами, вытянуто, похож на морских бычков. Если сидит под камнем и крупный, то обычно один, злой. Не терпит соседей, конфликтует с другими разновидностями. Редко разные породы сидят в одной норке, но случалось. Обычно линяки и мурзаки сидят под камнями или под черепицей. Ушлые мужики специально в своих заповедных местах (например, для ориентирования с лодки азимут “труба – труба” в городе пересекается с азимутом “крыша дома – дерево”) клали в свою точку на дно лимана камни, старые скаты, черепицу, пустые банки.

Бычки в жару клюют лениво, их ловить легче, чем раков. Можно ловить на мелких местах с мая по сентябрь. Добыча есть всегда, дяди с удочками смотрят с завистью. Ныряешь, тело горизонтально надо дном, ощупываешь камень или черепицу со всех сторон, затыкаешь дырки левой рукой, блокируешь пути ухода, правой шаришь под убежищем, вытаскиваешь добычу. Уютная норка, рука просунулась – можно схватить два-три бычка. Под черепицей просторнее и легче. Единственная гадость при этом – битое стекло, а иногда бывают и пиявки, если долго шарить. При порезах заклеивали руку пластырем, а пиявок просто отдирали и выкидывали. Бывало и похуже. Вовка как-то сильно порезал живот раскрытой раковиной беззубки, а я пальцы разбитой бутылкой.

Сквозь плавни к Красному домику ведет насыпная дорога, утрамбованный крупный щебень с громадными лужами. По бокам дороги – зеленые стены высоченного камыша. Справа сквозь камыш просвечивает лиман. Слева – корова на берегу канала, прорытого для дренажа плавен, заросшего кувшинками и ряской.

- Бизон, отбился от стада, пока бродил, рога отпали, – не моргнув объясняет Вовка Лешке. Понятно, за камышом вымя у “бизона” не видно, хорошее настроение, можно и пошалить, оба в восторге: ребенок после книг увидел настоящего бизона, а дядя ребенка разыграл.

Ну-ну, Фенимор Купер. Вместо индейцев сойдут цыгане. А плавни и раки в лиманах есть в Америке?

Два захода позади, жара спадает. Раки уже есть, нам не стыдно, мы пока бодренькие. Но не согрелись, знобит. Традиционный третий заход. В этот раз добыли несчастный десяток раков. Нанырялись, замерзли. Пошли на берег погреться. “Биомицин” уже кончился, в воду больше не хочется. И вдруг у самого берега спотыкаемся о канистру. Белый мутный полиэтилен, в такую бензин для моторных лодок брали. Емкость – 20 литров. Вся такая потертая, несчастная, битая об дно. Открываем. Не бензин!!! Оно! Домашнее! Красненькое, прохладненькое бессарабское “Каберне”! Как раз для сугреву!

К счастью, или к несчастью? Прояснится потом! Наши вопли раздувают потухший костер. Жена вскакивает из полудремы, сначала не понимает, не верит, потом понимает, верит. Этим не шутят! Вертит всем телом. Наш торжественный выход на берег и танец трех дикарей у костра при виде добычи. Клад из воды, государству никаких процентов!

И всем нам было хорошо! Потом чудо обретения канистры в плавнях аккерманских стало приобретать банальные качества. Гуляет хмель по организму, вспоминаются дела бесполезно минувших дней. Если ударят по правой щеке, подставлять левую не хочется. Но не ударяют, а дурь выплеснуть нужно.

Пока мы плескались в лимане, коварная жена взбеленилась, захватила с собой сына, добытых раков, сумку со всей нашей одеждой и ушла, крикнув в нашу сторону “хрен с вами”. А новой добычи не будет. Темнеет, прохладно, да и раков распугали, ушли с косы. Никакой логики с ее стороны и, как говорят, толерантности. А мы и без нее переживем! Мы не правы, правы не мы. Такие мы. Но канистра с вином и плавки с нами, жить можно.

На моей руке обручальное кольцо напоминает о супружеском долге. Не люблю быть должным, долги надо отдавать. Разбежавшееся по жилочкам тела вино притупляет вину,

предчувствие семейного суда без присяжных и отлучения от тела. Верить в это не хочется. Забрала бы и плавки, если б смогла! Это ж надо так озлиться! Немного утешает, что на апелляцию и обжалование есть еще 10 дней.

Диск солнца прячется за горизонтом, сгущаются быстрые южные сумерки. “Кирра́, кирра́”, – вскрикивают последние чайки над сидящими в парной воде на мелководье нетрезвыми джентльменами. Не понимают, что тут теплее и что гнус в воде не донимает.

Остывает нагретый за день песок. Наконец-то задышал нос после ныряния. Вечерний бриз принес запахи нагретой за день степи: чабреца, сухой полыни, спелых помидоров. А все равно у нас нет ни соли, ни хлеба…

Бриз набирает силу. Покрыл сеткой волн гладь лимана, раскачал метелки камыша, разметал облачка над закатом. День гаснет. Хорошо! Плеск волн у берега, шелест тополей у Красного домика, концерт лягушек в плавнях и шум ветра, зацепившегося за камыши. Детская радость свободы, неосознанная необходимость. Должен ли переживать джентльмен, если он остался без денег, в одних плавках, но с канистрой вина! Эйфория от теплой синевы вечера, размытые сумерками башни и зубцы старой крепости, халява домашнего вина кружат голову. Глоток вина, глоток еще – джентльмену лучше. Будущее светло, жизнь прекрасна и удивительна! Расплата будет потом, прочь тревожные мысли! Плавки на кустах высушил бриз, Пойдем сухими, костра не будет, брюки со спичками унесли.

На небе – яркие южные звезды и половинка луны. Мы на берегу, на узенькой полоске песка перед кустами. На загривках мелких волн пляшут искорки света, лунная дорожка притягивает взгляд, вблизи распадается на мириады глаз, следит за нами, тянется к нам. Над лиманом “дремлют плакучия ивы”, подмигивает Венера, мерцают светлячки огоньков на том берегу, где Овидиополь. Трепет тополиных листьев передается потихоньку и нам. Ночную прохладу мы с Вовкой встречаем стоя в гусиной коже, “трепетно” голыми, вздохами с матом и с полупустой канистрой. Вспомнил про доктора и песок. Сядем – он ведь, зараза, туда приползет! А плавки понадобятся потом, когда выйдем к людям. Мы ведь пойдем своим путем, обманчивая нам не нужна дорожка. Человек приходит в этот мир голым, в чем мать родила, а в тот уходит обеспеченным, торжественно одетым. А мы сюда пришли одетыми, а уходим почти голыми, в плавках, зато без песка “там”, где позвоночник кончается.

Дорога обратно, успеть бы на автобус. Мой хмель прошел, шатать перестало, а Вовку еще терзает змий. Опорно-двигательный аппарат у него распался на две части. Двигательная часть работает отлично, опорная сбоит. Иногда его заносит, он спотыкается, падает. Знаю, он из наших, человек крепкий, канистру не выпустит из рук, донесет! Я его чищу, смываю прилипший к телу песок. Естественно, на канистру не претендую, про песок не говорю, воду беру пригоршнями из луж, в них же потом умываю руки, стряхиваю капельки воды. Прошу Вовку больше не падать, опираться на меня. Он смеется, ему весело, у него завтра и послезавтра жены нету и не будет расплаты. В этом ему повезло.

И вдруг, после очередного отряхивания рук, чувствую, как со сморщенных от долгого пребывания в воде пальцев соскочило в лужу кольцо! Резко обернулся! А куда оно упало – не видел! Вся лужа рябит от ветра. Вовка, тревога! Без паники, разберемся!

Не нашли мы этот атрибут брака. Полчаса искали – все бестолку. Лужа хоть и мелкая, но большая. И вдохновение канистры не помогло. Ну и …правильно! Домой!

Спешим на автобус, быстро идти не получается. Дорога, такая длинная гадюка, хрустит под ногами, битое стекло попадается, все время норовит уйти с нашего пути. Спотыкаемся, бьем ноги о колдобины. Включил обратный отсчет. Отсчитываю лужи, чтобы завтра найти свою: чувствую, что вернусь. Ничего-ничего, щебень уже кончается, скоро пойдет асфальт, ногам будет полегче. А пока все в тусклом свете, во дворах гавкают собаки. Видимо, для храбрости. Если мы босиком, то по-ихнему – враги, подкрадываемся. Я их понимаю. У них своя, собачья логика.

Вот и остановка автобуса, сели на лавочку. Тусклые фонари, под более ярким жужжит рой мошкары, спорадически меняет форму. “Твою мать” – почти как плазма в “Токамаке”! Надо выстроить спины в одном направлении, устойчивости будет больше! Тут как физик я иссяк. А Вовке курить охота, стрельнуть не у кого, терпит. И еще. Разозлил его принцип неопределенности. Идем-то мы домой! Решено! Я тоже стал сомневаться: не понимаю, при чем тут он, зачем страдает. Все отягчающее беру на себя. Он же не женат, а получает “за того парня”! Якобы он эту канистру нашел, а я помню, что не так это было. Виноват больше я!

Глаза слипаются, дрожим, но прохлада не дает заснуть. Цикады и комары неистовствуют, бьем комаров и слушаем цикад. Выясняем, “что делать и кто больше виноват”. Зря, что в школе Чернышевский не произвел впечатления. Времени не знаем, по звездам точно определять не умеем, но видим перевернутую М Кассиопеи, Полярную звезду и упорно ждем автобуса. Пешком в плавках через город не хочется. Поговорили с канистрой, согласились с ней.

Последнее на сегодня благо для нас – вынырнувший из темноты старенький львовский автобус. Успели. Прошмыгнули на заднее сиденье, там у него мотор. Пыльно, но тепло, прижались друг к другу, отогрелись, плавки совсем высохли, стали дремать. Будит кондукторша, молодая крепкая хохлушка, шлепает нас ладошкой по коленкам.

- Хлопці, звідки ви такі?

Вовка первым проснулся и негодует:

- Ловили раки, от нас жена ушла с нашими штанами.

- А де ж раки? Чому босі? Що, зразу від двох збігла? Від таких гарних? Мої не бігуть, обіцяють та чекають. Вона часом не злякалася? За проїзд будете платити?*

- Отвечаю последовательно. Мы приличные, вынужденно едем в плавках, денег нет, платим натурой, вином. Бесплатно не ездим. Раки напуганы, ушли с косы, снова наловить не смогли. А жены иногда бегут, вместе с раками и штанами. И сигареты уносят! Ждать не можем, надо домой.

Тут Вовка показывает канистру.

- Та ні, я на роботі не пью.

Я подтверждаю, что там не бензин, готовы это доказать, и что мы в отпуске, пока неверующие, но в плавнях с нами было чудо. Правда, чудо в нашей жизни!

Короче, доказали и уговорили. Ехали недолго, расстались с ней дружелюбно. У рынка вышли из автобуса, пошли. Экономное освещение, для нас эксклюзивное, фонари горят через

*А где же раки? Почему босые? Что, сразу от двух сбежала? От таких хороших? Мои не бегут, обещают да ждут. Она случайно испугалась? За проезд будете платить? (Укр.)

один. Асфальт не остыл, мягок, пятки его продавливают. Вовке с канистрой налево, мне с поникшей головой направо.

Пару раз шваркнул ногами по коврику у двери, но асфальт от подошв не отстал. Вхожу. Немая сцена… Суд семейной истории. То ли “Возвращение блудного сына” Рембрандта с отягощающими сына обстоятельствами, то ли “Не ждали” Репина. Насколько помню, блудный был по правую руку от отца. У меня такая же позиция. Но у Рембрандта сын на коленях и в глазах у папы – прощение и мучительная радость встречи. Да, много с тех пор времен утекло. Не похоже на мою ситуацию. Пожалуй, сюжет ближе к Репину. Точно. Третьяковка вспоминается: “Иоанн Грозный и сын его Иван”. Там убитый сын на ковре лежал. Обнадеживает, что батя у меня не такой сатрап и ковра нет, линолеум. Лучше я босиком на полу постою, буду молчать, скоро иссякнут. Вижу, все родные приготовились, с осуждением и ехидным любопытством смотрят на меня. А не дождетесь!

И все-таки я – дома. Желаю помыть ноги и попить горячего чаю. Возражений не услышал. Ног коснулся отчетливо, переглядывания и ироничные взгляды уловил, но даже не покачнулся. Но имидж так и так уже испорчен. Поздно младший папа пришел. Но что в плавках и босиком – я не виноват! В смысле, что не одет, что волею жены мои штаны раньше меня пришли. И встретили неласково, предвзято. Понял, что много плохого было рассказано. Трудно им было не поверить. А ведь хорошего у меня больше, но я после канистры на второе чудо и не надеялся. Нету резона, правда у всех своя, что захочет кто услышать – услышит. Всегда почему-то быстрее доходит плохое, хорошим потом интересуются. И то иногда.

Твердо, четко пошел в душ. Бесстрастно помыл руки и ноги, но пятки все равно не отмыл, чернота асфальта прилипла. Потом принялся за шею и остальное тело. Все помыл с мылом. На всякий случай, в жизни все бывает. Голову тоже вымыл. Вода прохладная, запах лаванды понравился. А чаю так никто и не предложил! Вышел, гордо погулял у дома, послушал цикад, собак, подумал, обсох. Теплый ветерок. Фонари и раскачивающиеся ветки деревьев отражаются в темных окнах дома. Тело согрелось… Волшебная южная ночь…

Понял, со мной чудес точно не будет. Коты к сухому подошли, рядом ходят. Погладил… Замурлыкали. Эти-то всегда свои, ценят ласку… Пошел спать. Слышал где-то, что дома и стены помогают. Лег на место, пошарил рукой. Вроде бы, все как обычно, но ни стен, ни помощи. Вблизи – никого. Только мысли прыгают и коты за окном поют свою мур-мур. Я – дома, и я – тоже папа, остальное – потом.

Хочу только предварительной ласки, на большее сейчас не способен, ни себя преподнести, ни отказаться не смогу... Согласен на все. Сумбур. Все мутно. Где я? Бедра после раков пощипывают, тактильные ощущения – никакие, в руки никто не попадается. Ладони ласково ощупывают окрестности, уже спать хочется. Это вам не раки ловить! Еще пощупал. Линяки и гадкие жебраки тоже не попадаются. Реакция есть, а толку нет. Схватить некого. Вынырнул, глотнул воздуха – темень.

“А поутру они проснулись”. Семейный совет, вернее суд. Трибунал. Гаага. Прокурор-жена мечет в меня стрелы испепеляющих взглядов. Приговор вынесен – искать кольцо. А Толкиена она читала? Властелин колец называется! Фатум неверия в меня. А без кольца – развод и фамилия

испачканная, не девичья. Не понимает, что человек не должен жить один. Ишь ты, разыгрывает уязвленную добродетель! Кто-то вчера радовался, многообещающе вертел верхними и нижними частями тела, извивался у потухшего костра, исполнял танец дикаря, когда нашли эту злосчастную канистру. А? Кто это был?

Глаза б мои не видали этих раков! Вкусно, понимаю. Старый рецепт друзей моряков. Мало воды, соль крупная, черный перчик, петрушечка, укропчик. Варятся почти в собственном соку. Настоялись за ночь. Едят с удовольствием, обсасывают клешни и шейки, попутно спокойными голосами, что бесит страшно, судят меня при этом. А ведь запрет на ловлю раков, пока они линяют! Кто же догадается, что некоторые придурки их руками ловят! Слюнки потекли, самому захотелось.

Сдержался. Понимаю, что выгляжу глупо. Поток доказательств моей “правоты” превращается в ручеек, иссякает. Чтоб отстали, прикинулся потерянным и беззащитным. Изобразил страдание и раскаяние на лице – не помогло. Не верят, Станиславские! Заиграли желваки. Наконец, сообразили, что хватит, парень вроде бы осознал, чистосердечно раскаялся. То, что обещал, постарается сделать. Пилить его бесполезно, тарахтенье слов не доходит уже.

Короче. Бери подельника, то есть “соканистрика”, руки за спину и вперед – за кольцом. Обратил внимание: с сочувствием на меня смотрят только мама и Лешка. А я отвожу взгляд, мне неловко, но не стыдно. Зачем же так меня унижать! Виноват, согласен, как провинившийся муж буду полезнее в хозяйстве. Но не надо повторно макать в осознанную вину! Я очень и очень… Да не сподличал я, не предал, просто был честным дураком. Ну не найду кольцо, но я ведь такой же, как и был прежде. Я люблю, я отвечаю за себя, а при настоящей любви атрибуты не важны. Эх…

Захлебываясь такими горестными мыслями, потащился я к подельнику Вовке. Полдень, жаркий солнечный день, я снова в плавках, даже в брюках, одет прилично, обут и неприлично трезв. В голове – опилки. Босоножки удобные, но после вчерашнего хождения босиком ноют пятки. Ну и черт с ними, привыкну! Хорошо, что мама дала в дорогу любимые пирожки с капустой, пусть жене будет стыдно. Мне перед Вовкой тоже стыдно: идти минут десять, а 3 шт. организм по дороге уже сожрал, есть хотел.

Вовка уже проснулся и за неимением другого пил чай. После пирожков узнаю, что вчера ночью мой батя ворвался к нему и стал пытать, где канистра. На что Вовка вызывающе ответил, словно в молодые годы ремня получал: “Она не виновата!”. Канистру батя все-таки нашел, вылил вино в сортир и ушел. А как бы оно нам сейчас пригодилось!

И пошли мы, обреченные, на поиски кольца в плавни. Надо сказать, что Вовка, без вины виноватый, был менее трагичен, мою патетику не поддерживал, коварство женщин отрицал, о них отзывался с восторгом, подбадривал всячески и сразу, в первый же день купил бутылку белого сухого.

Дошли, отсчитали лужи, обнажились, залезли в нашу, ищем в четыре руки. Игра в дурака. А дурак – я. Вместо козырей подкидывают всякую дрянь. Жара дикая, налетели слепни, жалят как “Овод” австрийцев в Италии. Атакуют со всех сторон. Не могут только из-под воды жало воткнуть. Все тело водой не покрыто, мелко, хорошо хоть ноги спрятали. Хвоста нет, отвлекаемся от поисков, отбиваемся как можем руками, вся лужа в битых насекомых. Бизоны скажут спасибо: вон, сколько гадов ухлопали. Несладко ощущать себя в их шкуре! Вовка из лужи периодически

выходит покурить, попить винца, а я сижу без перерыва, руками хлопаю по телу, думаю о жизни пока ноги не затекли.

Уже не так жарко. Налет прошел, слепни улетели. “Мессеры” хреновы. Нервный отдых в тени кустов, сижу в ожидании укусов, а их нету. Лужу запомнил точно, но оптимизм тает пропорционально уровню вина в бутылке. Есть хочется, но придется потерпеть. Час на дорогу, а с честной мордой в шесть вечера мне уже можно и дома появиться.

На второй день мимо лужи идут цыгане. Видимо, поблизости табор.
- Ребята, что ищете?
- Золото высокой пробы, - рубит Вовка.
- Ха-ха-ха! В плавнях? Помочь?
- Сами справимся!

На третий день, утром, жена не выдержала.
- Вы там ерундой занимаетесь, надо решить вопрос. Пойдем вдвоем в ваши “Лужники”.

Ну очень понравилось ее “решение”! Корректно для себя поставила задачу. Чуть-чуть поковырялась с краю, а я под ее бдительным оком пропустил через себя всю эту вонючую лужу как кит через усы планктон! А ведь в этой луже я был уверен! Но ничего! Пара пробок от пива. Как они сюда, в плавни, попали? Человек принес, больше некому. Мусор только эта тварь разносит. Мысли кипят – а я молчу! Странно, но слепней нету. И ее не кусают. Но от этого не легче…Нервы…

Боюсь жене в глаза посмотреть. Затрепыхали ноздри – признак гнева. Пошла, нахмуренная, на берег лимана. Села прямо в песок, на ракушки. Весь берег в ракушках. Сменить позу неуютно, в ситцевом платьице нельзя даже поерзать, на полушариях царапины будут. Вперила пустой взгляд в низкий горизонт. Там – устье Днестра и братская Молдавия…Тоже нервы…

И я тоже тонко чувствую. Целиком из лужи не высовываюсь, взгляд фокусирую, выглядываю…

Какое солнце! Еще не печет, ласковое, греет ей спину. Ни ветерка, ни облачка. Пред ней – зеркало лимана с карими пятнами водорослей, неподалеку чернеет пара рыбацких лодок. Белый брег в крошеве ракушек, у ног – ленивый-ленивый накат волн. Инерция после бриза. Их даже и волнами назвать трудно. Раза два в минуту лизнут кромку ракушек на берегу и откатываются назад, на большее сил не хватает. Слева – кусочек бледной луны над камышом, справа – домики Овидиополя на том берегу. Сзади хуже: я в луже и зубцы крепости, темные против солнца. Листья тополей не шевелятся, своим серебром не хвастаются. Ивы плачут в легкой дымке, дорога с лужами петляет вдоль камыша. Звенящая тишина. Удивительно: ни комаров, ни слепней. Пахнет рыбой, камышом, мокрым щебнем. Лягушки молчат и чайки над берегом не кричат. Ее боятся, не иначе! А я с утра опять в луже и жрать желаю! Малодушно подумал, что ей не хочется развода. Так, придумал себе в оправдание. Так легче. Ни боже мой!

И вдруг, сидя на пятой точке, облокотившись двумя руками в дно лужи, чувствую, как мне на мизинец левой руки надевается кольцо! Никто не верит, но было так! А случай ведь почти типичный, вспомните Геродота. Тиран острова Самос Поликрат бесился с жиру и выбросил свое

кольцо в море, а потом оно вернулось к нему в желудке пойманной рыбы. А я его потерял, хотел найти, страдал, искал – и нашел! А Поликрату было все равно. Но тоже нашел! А кому было хуже? Я б этому придурку все высказал! Проблем с женой тиран не имел! И канистру ведь тиран не выбрасывал! Двойное чудо в плавнях! Два “к”: канистра и кольцо!

Штрафник. Согласен. Но, искупил. Должен быть оправдан! И что я сделал? Осмелел! Во все горло крикнул в камыши, но тихонько, чтобы она не услышала: “Не дождешься! Хочу жареных бычков, и чтобы был свежий хлеб, помидоры, и молодой лук!” Эхо заглохло в камышах… И правильно. Оставили пока в браке…

Епитимью еще не сняли. Через пару дней, перед сном: она сквозь зубы: “Спокойной ночи, дорогой”. Сразу почувствовал: простила! Ага! Хочется! Слова вроде бы и без сарказма, но воспитывает, однако. Знает, спокойней ночи не бывает. Тело после пляжа не остыло, неловко, пока терплю, но скоро взорвусь.

Я ей в ответ, сдержанно: “Взаимно дорогая! Спи любимая”. Специально запятые не расставляю! “Казнить нельзя помиловать!” Два-три дня потерплю. Но это я ей не сказал. Голова стала лучше думать. Зачем нарываться.

Тягучее молчание, душно. На пальце – чудом обретенное кольцо. А толку? Моя наказанная плоть кипит, отброшена на жесткое ложе на полу. Увы, стены далеко, не помогут. Один плюс – здесь хоть не так жарко. А за окном заливаются цикады и коты мурлычат. Ласки они захотели. А я? Опять издеваются?

На мне – пятно лунного света, уже четыре ночи лежу на полу запятнанный! Поскрипывает диван в темном углу комнаты. Ворочается... Утром диван был темно-синего цвета, сейчас я согласен на любой! Повернется то с правого бока на левый, то обратно. Не спится. Так и скажи, помогу заснуть. Полнолуние здесь ни при чем! Сколько же можно! Ее вздохи навевают фантазии. Что-то потерял, но кольцо нашел, искать больше нечего.

Влачу последние дни отпуска, от жены ни на шаг не отхожу, предупредителен и толерантен, исполняю прихоти. Не хочу, но приходится вести здоровый образ жизни – укрепляю на жестком ложе позвоночник и накапливаю супружеский долг. Здоровее он уже не будет. Кто кого наказал! А южная ночь шепчет, что плохо спать одному. И ведь глупо. Так повезло нам с канистрой или нет, кто бы ее ни нашел? Таки да или таки нет? А ответы на вопрос… днем и ночью разные… надо подумать…

Из эротических фантазий выдергивает надоедливое жужжание прорвавшегося сквозь оконную сетку комара. Никак не могу его прибить, пока промахиваюсь. Вон там, сопит на диване жена обнаженная. А этому гаду почему-то понравился я! Пьет мою кровь! Пей, пей, утром рассчитаюсь за все. Пока фантазировал, свои бока отлежал. Лег на живот, все равно больше чуда не будет, спать пора.

Вместо эпилога

Канистра, изначально новая, закрыта была хорошо. Слетела с моторки, когда на майский праздник наш одноклассник, Витя Терещенко, мчался на пикник. Тряхнуло на волне – и тю-тю канистра. Ныряли, но не нашли. Полтора месяца ее по дну лимана туда-сюда таскало, пока мы не наткнулись. Это уже потом узнали. А ведь все так и было, сюжет не выдумал. Потерпевшему потом сказали “спасибо” и вернули пустую канистру.

С женой тогда помирились, но лет через двенадцать все-таки разошлись. Не судьба. Никто не хотел уступить. Порвать легче, чем склеить. Жалею ли я – не знаю. Правда, не знаю! Ответ нырнул и сидит где-то на дне моей души. Вынырнуть и глотнуть воздуха я ему не даю. Мы с ней теперь – две параллельные прямые, а в нашем мире они не пересекаются. С некоторых пор палец свободен, о луже помню, кольцо не ношу. Понятия не имею, куда оно делось. А от раков с пивом не откажусь!

Через годы диагноз догнал. Но больничный больше не беру. Зачем он мне?

18.03.2009 – 25.09.2009, Аккерман – Москва

Вид на крепость со стороны Красного домика. Слева – цитадель XIII в., справа – «башня Пушкина»

Вид Аккерманской крепости. Акварель из дома-музея А.С. Пушкина, Санкт-Петербург. М. М. Иванов, 1780 г

Первый двор крепости. Минарет и Оружейная башня. Вдали – незаметные на фото плавни и Красный домик

Вид на плавни из «башни Пушкина»

Цитадель. Торчащий обломок скалы (справа на фото) назывался «Львиная пасть»

Ров крепости

Раскопки древнегреческой Тиры. На том берегу лимана – Овидиополь

Раскопки Тиры

Рукопись, найденная в ИЗМИРАНе*

Опубликовано в лит. альманахе “Весенняя радуга”, № 4, 2003г. Изд-во “Тровант”

Будучи научным сотрудником, как-то дождливым осенним днем я посетил свой институт. На одном из этажей в углу лестничной площадки мое внимание привлекла стопка макулатуры, которую кто-то из сотрудников приготовил для растопки печки на даче. Безнадежно устаревшие книги по программированию, старые распечатки, газеты и прочий хлам. Словом, куча уже ненужной пожелтевшей бумаги. Рядом, на полу, валялись несколько белых листов, исписанных мелким почерком. В наш компьютерный век встретить исписанный человеческой рукой лист бумаги становится редкостью. Помня, что рукописи не горят, неравнодушный к писчей бумаге, влекомый любопытством я поднял листы. И в самом деле, это оказалась чья-то неоконченная рукопись, которую я тотчас же и прочел. Вот она.

ПРЕМУДРЫЙ КАРП. ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДИССЕРТАЦИИ

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе, –
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.

Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,
И ропщет мыслящий тростник?

И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест?

Ф.И.Тютчев

Найди 10 отличий. 2001 год

- Институт Земного Магнетизма, Ионосферы и Распространения Радиоволн АН, г. Троицк, 40-й км. Калужского шоссе

Глава 1. Виртуальный день из жизни Александра Трофимовича Карпачева, или метод наименьших квадратов.

— Как избавиться от корней сорняков на огороде?
— Надо возвести огород в квадрат.

Знаете ли вы, что такое, пройдя экватор жизни, писать докторскую диссертацию самому? Просыпаться по ночам, часами глядеть в темный потолок, искать предпоследнюю ошибку в своих формулах? Пролистывать в уме гомеровский список цитируемых работ? Прислушиваться к сопящему дыханию давно заснувшей, похрапывающей жены, утром уверяющей, что всю ночь ей не давали спать и что именно вы, а не мужик в соседней квартире, безобразно храпели, ворочались, хрюкали заложенным носом и тяжко вздыхали, вместо того чтобы спать или, как человек мужеского полу, заняться прямым своим делом? Нет, вы не знаете, что это такое!

Дождливое утро нескончаемой холодной весны, первой весны нового тысячелетия. С погодой творится нечто странное. На запятнанном Солнце беспорядки, магнитные бури бушуют одна за другой. Ионосферу лихорадит.

Накануне у людей было воскресенье, и Карп решил побездельничать, почувствовать себя одним из них. В конце концов, нельзя же денно и нощно ощущать себя натянутой струной!

Увы, для приятного ничегонеделанья тоже нужны силы. Сладкая жизнь быстро кончилась. Рюмочка коньяку и кофе после ужина должного результата не возымели, сразу после “Итогов” началось недержание век. То ли “вода на киселе” была заряжена, то ли подействовало убаюкивающее журчание речи ведущего, время от времени поверх очков всматривающегося в зрителя, будто проверяя, не спит ли тот, — поднимать веки не было сил, голову клонило набок. Поймав раза два сочувствующий взгляд жены, он понял, что пора спать.

Перед тем как потушить свет жена что-то сказала, но смысл сказанного до него не дошел. Щелчок выключателя, минута, другая — и перманентная усталость бросила его в объятия Морфея мимо объятий жены.

С улицы проникал слабый свет. В комнате было свежо, под шум дождя прекрасно спалось.

Из глубокого субпровала сна Карпа выдернуло оживленное чириканье воробьев. Похоже на то, что он проспал будившую его по утрам возню дворников у железных баков с мусором, обычно приправленную лязгом и громким матом.

Утренний ветерок заструился в зыбком мыслящем тростнике. Педантичный ум вырвался из призрачной паутины сновидений (твою мать, приснится же такое!) и сразу же вцепился в объективную реальность окружающего мира. А приснилось Карпу в числе прочей галиматьи и то, что он ненастоящий счастливый мужчина, хотя де-юре считался им. И будто бы это изрек глухим голосом, еле-еле шевеля мраморными губами, бюст Гераклита, принимая у Карпа кандидатский минимум по философии.

Молодцы древние! Не ошиблись, прозвав Гераклита “Темным” за краткость и загадочность суждений. Поэтому Карп попытался было возразить, сказав, что “мысль изреченная есть ложь”, но в ответ бюст молча посмотрел на него слепыми выпуклыми глазами — и в ведомости появилось “отлично”.

Спорить с умным и выпирающе надменным мрамором, авторитетом, не имело смысла. Карп заволновался. Бюст как бюст, нормального размера. Выглядит натурально, на современную силиконовую подделку не похож. Не император, не генсек, лысины не видно. Вроде бы Гераклит лысым не был. Сетка морщин на широком лбу, нависающим над греческим носом, античная, колечками, борода все-таки вызывали уважение. Интересно, настоящий ли это Гераклит или

римская копия с греческого оригинала? Зачтет ли оценку Ученый Совет? Явь это или сон? Настоящий ли он сам?.. И в этот момент он услышал воробьев и открыл глаза.

Для выспавшегося человека с чистой совестью, не утратившего любознательности и способности удивляться, мир интересен даже в начале рабочей недели.

Из-под широкой двойной шторы, закрывающей окно и балконную дверь, выглядывали холодные ребра батареи отопления. Супруги теплого бока рядом не ощущалось, чего не скажешь о другом атрибуте — пепельнице с окурками у дивана. Халат на подушке и сложенное одеяло свидетельствовали о том, что жена ушла на работу. Детей, старшенькой дочери и младшего поганца, тоже не было слышно. Мальчик вчера в очередной раз запорол систему на домашнем компьютере; теперь в слякоть придется тащиться в этом пыльном 24-м автобусе, чахнуть над III-й главой в институте, так как время поджимает, а дел до хрена.

Мало того, что текло за окном, так еще и плакал кран на кухне. Повисев на кончике крана и набрав вес, созревшая капля смачно плюхалась в оставленную детьми посуду. “Так вот что жена хотела мне сказать — все течет! Вот Гераклит и приснился”.

Справедливости ради отметим, что текло не все. За месяц до этого Карп разобрался с течкой бачка в туалете и подтянул капающие на репутацию краны в ванной, чем укрепил свой пошатнувшийся авторитет. Все-таки не только голова, но и руки у него росли из правильных мест; шурупы всегда вкручивал отверткой, а не забивал молотком, как некоторые мужики. И зря жена корила его за то, что он совсем забросил дом и бомжует где-то в Интернете. Утюги-чайники чинил и свои носки стирал сам, к неудовольствию тараканов мусор в ведре не задерживался, картошку и другие овощи с рынка таскал тоже он, а вчера без напоминания вытряс плед, заменил в люстре перегоревшую лампочку и вытер пыль с пианино и телевизора.

Попивая кофе, — а Карп обожал кофе свежий, хорошо сваренный, — и посматривая на часы, чтобы не пропустить 24-й, он стал прокручивать в мозгу заботы предстоящего дня.

После сна мозг еще не набрал оборотов. Сконцентрироваться на чем-то одном, отделить зерна от плевел не получалось. Как у всякого интеллигента, в башку лезла ерунда, непосредственно его не касающаяся. Холодной буквой трудно объяснить боренье дум. Мысливозникали, дробились и тут же исчезали, не доходя до логического завершения. Точно барашки волн, которые при свежем утреннем бризе вскипают на мелководье и оставляют после себя лишь пену, не достигая берега.

“Надо меньше пялиться в ящик, — промелькнула, не задерживаясь, еще одна мысль. — На всем печать этой пенистой[1] клиповости, недоделанности. Теперь вся культура поражена этим. Какая-то крикливая, легковесная, безличная. Уроки прошлого ничему не учат, связь времен порвалась. Мнемозина нас забыла. Нет органического чувства времени, желание будущего пропало. Нет любви и трепетного отношения к делу, к творчеству. Всюду эрзац с лейблом “супер”. Бронзовый век прошел, серебряный тоже. А сейчас какой? Алюминиевый? Фанерный..?

За державу обидно. Суетливость мелких птиц, и в науке, и …тс-с-с-с!.. в политике. Суета спасет мир — слоган времени. Элитарность культуры утеряна, последние “зубры” вымирают. Поголовное ремесло с маленькой буквы, клипание. Безудержная погоня за новыми формами, бегство от реальности. “Бритва Оккама” затупилась — плодим сущности без необходимости. Игра ради самой игры…”

Сказывалось бодрящее действие кофе. Окружающие детали быта стали восприниматься по-другому, обрели некий смысл. И капля на кране, застывшая перед падением и цепляющаяся за кран из последних сил поверхностного натяжения, и вечно отстающий старый будильник, который при каждой Генеральной уборке жена грозилась выбросить на помойку. Но он лет двадцать назад

[1] слово латинского происхождения

был подарен Карпу на день рождения, и для него это был не хлам, а частичка прожитой жизни. Методом проб и ошибок немного разобравшись в юности с таким тонким и деликатным вопросом как женская психология, Карп гасил конфликт, временно убирая предмет раздражения в укромное место. До скандалов дело никогда не доходило.

“Вязкое, неспешное течение времени стало турбулентным, его напор усилился. Энтропия все растет, — ветерок всколыхнул тростник и вырвался на простор.

“Сейчас” потеряло цельность, остались какие-то отдельные моменты, на которые распадается жизнь. Текущее важнее будущего, остановиться и подумать некогда, все откладываем на потом. Разъедающая душу виртуальщина. Движение без цели, странная диалектика... Как похоже на сизифов труд… Пожалуй, нет. Ведь это для физика пример перехода потенциальной энергии в кинетическую…

Бредущие вместе бараны, впереди которых на гоночном велосипеде козел в галстуке и в желтой майке лидера! Это вернее. А переднее колесо, с “восьмеркой”, от затерявшейся в прошлом, попавшей в аварию гоголевской птицы-тройки. Козел покрикивает на баранов, рыскает в поисках дороги и обречен крутить педали. Стоять нельзя, только вперед! Движение — жизнь! Не покрутишь — упадешь! Бараны затопчут…

Упал…отжался… Твою мать, это уже не мысль, а крылатая лебединая фраза. Хватит! Лучше еще кофе сварю. А краном займусь вечером.”

Понятно, почему дворников слышно не было — они устали после воскресной схватки с Бахусом. Не магнитная же буря повлияла на них! Ясно — здесь нет никакого созвучья с природой. Но эти воробьи, радующиеся новому дню…

Середина весны позади, брачные и внебрачные отношения потеряли прелесть. Дождь, холодно, погода мерзкая. Нашли чему радоваться! Что-то в их дразнящем чирикании казалось необычным и смущало Карпа.

Неожиданно он подумал о собаке академика Павлова. Экземпляр попался недогадливый, но ей упорно хотели бы привить рефлекс, раз за разом повторяя попытки.

Сопоставление не понравилось, и он тут же прогнал эту ассоциацию. Смутная аналогия бродила где-то рядом, в джунглях интуиции, рассудку никак не удавалось ее схватить, но та же интуиция подстегивала рассудок и придавала ему уверенность.

Воробьев собралось много. Хотя некоторые из них были в мокрых перьях и в своем *одеоне* сидели на неудобных местах, — чирикали все. Каждый на свой лад, не коррелируясь с соседом, но звуки их стихийного чириканья, в том-то и дело, образовывали цельную картину упорядоченного шума. Лишних в хоре не было, гармонии и певучести, правда, тоже.

“Твою мать”, — опять пробормотал Карп. Кстати, у некоторых людей в качестве слова-паразита выступает “значит”, у других “бля”, а у третьих — “однозначно”. Независимо от родителей и образования, к кому что прилипло.

“…Твою мать, так это же экспериментальные точки на моем графике из III-й главы!”, — дошло наконец до Карпа. Как должна пройти кривая он знал, вернее хотел, но ни сплайны, ни параболическая интерполяция, ни любимый метод наименьших квадратов не давали нужного результата.

Некоторые точки “чирикали” невпопад и портили всю картину. Этот синдром лишних точек уже давно его достал. “Милостей от природы ждать не буду. Попробую сегодня еще раз, не пойдет — снесу на хрен эти точки, нет времени с ними ковыряться”, — решил Карп и вышел из дому.

Подъезд только что вымыли. Пахло хлоркой, влажной пылью и подъездам присущим неистребимым аммиаком. В скупом декоре интерьера ничего лишнего — гудящий светильник

дневного света с разбитым плафоном да пара скукоженных окурков, прилепленных к потолку. В росписи стен, выполненной в технике граффити на мотивы спора западников со славянофилами, преобладал маргинальный стиль. На любовно выписанные, с завитушками в стиле рококо, “ихние” *fuck’*и налезало похожее на иероглиф краткое угловатое слово, начертанное перстами славянофила. Для слова выбрали зеленый цвет, желая показать западникам, что древо славянской жизни вечно зеленеет. Все зеленеет и зеленеет…

Кто первый начал, западники или славянофилы, Карп не помнил. Во всяком случае, после каждой косметической покраски первой стен касалась кисть славянофила.

Удивительно, но почтовый ящик был пуст. Опостылевшая реклама отсутствовала. Портящие настроение пожарные сообщения тоже. Они всегда начинались с требования погасить задолженность, для тушения отводили небольшой срок, заканчивались угрозами и печатались на плохом принтере. Наверное, чтобы углу̀бить коммунальную реформу. Самыми неприятными, раздражающими в сообщениях были строки с цифрами. И хотя в роли “гашетки” в семье выступала жена, Карп реагировал на них, при всей своей внешней сдержанности, более эмоционально, чем она. Одним только “твою мать” тут нельзя было обойтись — чутье подсказывало как лягут цифры при хорошем принтере.

Дождь то затихал, то шел с новой силой. Сейчас из низких плотных туч сыпалась холодная морось. Порывистый подмосковный Борей хватал ее на лету, уплотнял и швырял на зонтик, на самодельные козырьки над балконами, на подержанные иномарки у подъезда.

Со стороны мусорных баков в шум дождя вклинилось позвякивание стекла — это в сыром тумане закопошились дворники. По причинам нерелигиозного характера утро понедельника для них началось не вчера, как решил Карп, а еще в субботу. Души отчаянной протест вылился в двухдневный алкомарафон, после которого они были, как говорится, почти никакие.

Грядущее тоже было в тумане, былое полно мук и зла. Однако зябкая прохлада хмурого утра благотворно действовала на метаболизм клеток. Уже практически восстановилась высшая нервная деятельность и включилась вторая сигнальная система. До мерцающего сознания стали доходить слова.

Трудовой процесс напоминал хождение по мукам и находился на стадии селекции бутылок. Приоритетом пользовались темные стандартные бутылки из-под пива. Суеты и томления духа не было, энтузиазма первых пятилеток тоже, на энергичный мат сил не хватало. Дворники устало переругивались, к двум хриплым небритым баритонам примешивалось помятое крашеное сопрано.

Полтора века борьбы за эмансипацию даром не прошли. Именно “сопрано”, судя по начальственным ноткам в голосе, была в троице руководящей и направляющей силой. Все трое поносили жильцов, “этих тупых интеллигентов”, бросающих в баки пустую посуду, и агрессивно посмотрели на спешащего к автобусу Карпа, намереваясь выплеснуть скопившуюся горесть обидными словами. Они безошибочно учуяли интеллигента, хотя был он не в шляпе, а в китайской трикотажной шапочке “Adidas”. Однако увидев на его лице, кроме очков, наглое выражение презумпции невиновности, отвернулись и занялись своим делом.

Возле баков стояла старая импортная детская коляска с грязным синим кузовом, прикрученным отечественной проволокой к никелированной раме. Чья коляска и был ли мальчик когда-то в ней — неизвестно, а вот известный русский вопрос “что делать?” дворники вновь ничтоже сумняшеся решили в форме категорического императива — на вечный зов Бахуса необходимо ответить! Дворник — не кухарка, управлять государством не может, но в экономике кое-что понимает. После двух урожайных дней бутылки едва помещались в коляске; прослеживалась классическая формула рыночной экономики “товар — деньги — товар”.

Обсуждение же второго извечного вопроса “кто виноват?” дворники отложили до полной поправки здоровья.

Подошел автобус. В основном, ехали молчаливые пенсионеры с рассадой, для которых этот вид транспорта стал льготной колесницей жизни. Отдав с некоторой жалостью кровные рубли за проезд, Карп сел на свободное место у окна, потревожив молодого сонного сапиенса с бритым затылком и расставленными под тупым углом ногами, и стал рассеянно глядеть на мелькающие березы с первыми изумрудными листочками, на мокрые лапы елочек, на обнажившийся после таяния снега мусор на обочине шоссе. Уродливые плоды цивилизации, унесенные ветром старые полиэтиленовые пакеты висели на деревьях. “Люблю отчизну я, но странною любовью, не победит ее рассудок мой…Что за народ! Да, скифы мы. Нет, в этой стране порядка не будет! Четвертому Риму не бывать!”

В патриотических раздумьях пролетели полчаса. Перестал дождь. Первым заметил это водитель и выключил дворники.

С черных проплешин сожженной прошлогодней травы к шоссе стекали грязные ручейки. Туман почти рассеялся, его причудливые тающие хлопья низко висели над большими квадратами полей с зеленой озимью. Выключили освещение, и почетный караул фонарей у шоссе стал похож на погасшие согнувшиеся спички.

Но вот и институт, с тлеющими искрами науки, с двумя уныло глядящими в небо куполами-обсерваториями, расположенными по краям главного здания.

Омытые дождем свежевыкрашенные ворота тщеславно выглядели на фоне ржавого забора с покосившимися облупленными столбиками. На чрезвычайном институтском собрании торговцы были изгнаны из храма науки, а пары шекелей из скудного бюджета на весь забор, видимо, не хватило. У столбиков сквозь трещины в асфальте кое-где пробилась съежившаяся от непогоды первая мать-и-мачеха.

“Твою мать, и тут дурят честной народ”, — посмотрев на новые автоматические ворота хмыкнул Карп, поздоровался с вахтершей и пошел к своему корпусу.

По бокам главной аллеи высокие ели приветливо кивали верхушками. На подходе к корпусу к приятному запаху хвои добавился кисло-пряный запах полусгнившей листвы, слежавшейся под старыми яблонями со времен последнего субботника. Сквозь разрыв в тучах выглянуло и тут же скрылось солнце, пошел сильный дождь.

На площадке у лестницы дрыхла, свернувшись калачиком, рыжая институтская дворняга. Рядом валялась отвергнутая псом чья-то гуманитарная помощь — бледно-фиолетовая сосиска. Услышав хлопок двери пес лениво поднялся, завилял хвостом и культурно обнюхал Карпа.

Крем для обуви, влажная одежда с запахами автобуса, польский “французский” дезодорант, кофе… Бутерброды в сумке пахли невкусной колбасой, ради этого не стоило беспокоиться. И псина, потянувшись и зевнув, приняла исходное положение.

Старенький паркет отзывался радостным поскрипыванием на каждый шаг. Карп разделся, аккуратно поправил знакомую выскочившую паркетину, сел за свой стол у окна и прислушался.

Основным шумом в комнате был квазипериодический шорох шин по мокрому асфальту шоссе, что от работы не отвлекало. День был неприсутственный. Редкие шаги ученых и неученых в полутемных коридорах и отдаленное земноводное рычание унитаза на спектр шума практически не влияли.

Сотрудники не лезли с пустыми разговорами. Часть подалась на заработки в Город, другая часть, занятая экспортом интеллекта, издалека вдыхала “и сладкий, и приятный дым отечества”, так как вблизи у многих из них этот “дым” вызывал аллергию. На остальных то ли повлияла

погода, то ли они вообще не пришли в институт, так как получки, визуального контакта с начальством и свежей соросятины не ожидалось. Можно было спокойно поработать.

После включения старенький компьютер запел в два голоса. Вентилятор блока питания патетикой и пульсацией звука напоминал последнюю симфонию Моцарта “Юпитер”, а кулерок[2] процессора, в полном соответствии с тональностью, подхрюкивал ему в до-мажоре. После короткого удара справа по корпусу компьютера “Моцарт” вырубился, а его младший брат затравленно приумолк. Но ненадолго. *Andantecantabile* до-мажор перешло в еле слышное *Lento* после-минор. И тут же стала барахлить мышь. “Твою мать, как это надоело! — подумал Карп. — Бедность не порок, нет гранта — нет копеек на видеокарту”, — включил обогревалку и окунулся в работу.

Говорят, в начале было слово. А у нашего героя в начале был Word, причем 6-й версии. Карп вспомнил, какие штучки (умом этого не понять!) выкидывало с ним славное детище Билла Гейтса. Сколько крови попортили одни колонтитулы с 11-м или 12-м размером шрифта в нумерации четных-нечетных страниц!

Невозмутимость железяки, рожденной гением человека, ее искусы и неадекватность поведения вызывали неприятие, раздражающее непонимание а иногда просто бесили. Да, у Карпа всегда были непростые отношения с компьютером, и в некоторые вещи трудно было поверить. Своей электронно-цифровой душой компьютер прямо-таки чувствовал силу аналоговой души своего хозяина и, прежде чем подчиниться, желал немного поглюкать.

Воробьев слышно не было, дождь утих. Впрочем, поглощенный своим делом, Карп этого и не заметил.

Обогревалка пока не прогрела комнату, изо рта еще шел пар, стали зябнуть руки, лежащие на клавиатуре. На улице, пожалуй, было теплее, чем в комнате. Поежившись, Карп обмотал шею шарфом и придвинул обогревалку вплотную к стулу.

Под бременем познанья и сомненья на научном поприще шел третий час “карпенья”. Непокорная, изматеренная кривая капризничала и никак не хотела укладываться в отведенное ей ложе. При учитывании всех точек кривая становилась ломкой, при частичном — повторяла гладкую кривую из рекламы жвачки, крепко раздражающей Карпа. Истина опять ускользала. Но что есть истина? Она одна или их несколько?

Голова пока не болела. “Откуда, как разлад возник?”, — с издевкой всплыла из бездны подсознания на серую поверхность мозга строка любимого поэта. Отражение на бумаге геофизической реальности было явно хуже оригинала, невыразительное и какое-то непричесанное. Между тем, что должно быть, и тем, что есть, были две большие разницы. Не отраженье Нарцисса в зеркальной глади аркадского озера, а отражение увядшей тети Сони в пыльном, украшенном веточкой искусственных цветов зеркале парикмахерской на Малой Арнаутской в Одессе. Гармонии с природой не наблюдалось.

Избавиться от лишних точек, увеличив роль субъективного фактора, казалось рискованным. Снос мешающих точек был все-таки слишком отъявленным. “Не поверят! — почти с нежностью подумал Карп о сводном харизматическом хоре Ученого Совета. — Завалят как аспиранта-трехлетку! Потусуются, важно и вежливо почирикают, скучным голосом скажут пару слов про “актуальность и научную новизну” — и отправят *sine ira et studio*[3] на доработку. А какая титаническая работа проделана, сколько сил отдано!”

[2] Кулер, он же карлсон, — вентилятор на спине процессора.
[3] Без гнева и пристрастия (лат.).

Изредка потрескивал паркет вблизи обогревалки, теплом приятно обволакивало ноги. Глаза Карпа устало блестели сквозь стекла очков. Взгляд оторвался от дисплея и привычно заскользил по пыльным пустым бутылкам у корзинки с мусором в углу комнаты, бессознательно обежал надоевшие стеллажи с прямоугольными корпусами старой доперестроечной аппаратуры, оставшейся со времен Вернера фон Брауна, списать которую ни у кого пока не было ни сил, ни желания. Дойдя до прямоугольника забугорного календаря с волнующими округлостями женской натуры, взгляд оживился, встретившись с влекущим виртуальным взглядом шоколадки на открытой странице, и растекся по изображению.

Вот это отражение чьей-то действительности! Песнь Песней! Всего много — и ничего лишнего. Любая кривая хороша! Surfer, даже последней версии, здесь был бы бессилен как сотня Церетели против Родена.

Гибкая, грациозная поза сидящей породистой кошки. Волосы собраны и прикрыты тюрбаном. Овал смуглого лица. Ласковые темные глаза, широкие блестящие скулы. На влажных от помады губах застыла бесстрастная улыбка древних средиземноморских статуэток. Руки искусно опущены. Гладкая упругая кожа предплечий, маленькая ямочка между выступающими ключицами. Предательский индикатор возраста — шея замаскирована наклоненной головой и черным шарфом с блестками.

Бархатные серповидные тени под спелыми плодами Венеры, просвечивающие сквозь тонкую прозрачную ткань пигментные кружки с локальными максимумами проступающих сосков. Короткие двойные складки на талии, выпуклая поверхность голого живота с мягко очерченным провалом пупка. Остальное…

Остальное давало простор воображению. О достоинствах остального приходилось только догадываться, поелику оное от лукавого и начиная с треугольника “балалайки” над причинным местом и до самых лодыжек было сокрыто непрозрачными в оптическом диапазоне волн атласными шароварами синего цвета. Судя по отсутствию складок на шароварах, их форма соответствовала наполняющему содержанию.

Ракурс съемки не позволял оценить общую кривизну ног. Даже сквозь ткань видно: безупречная нижняя линия бедра аппроксимировалась с небольшой погрешностью ветвью параболы; преломившись на коленном сгибе, линия плавно достигала приподнятой ступни. Лодыжку правой ноги охватывала цепочка из желтого металла со стилизованным сердечком. Гладкость, перетекаемость форм подчеркивалась острыми красными коготками на руках и босых ногах.

Особого благородства в образе не было, дешевой вычурности тоже. Никакого заигрывания, намека или фривольного жеста. Негой и сладострастьем образ не дышал, хоть и косил под одалиску. Несмотря на определенную жанровость календаря, автору снимка удалось не скатиться к вульгарному материализму.

Усталая расслабленность позы говорила о доверии. Но в этом доверии было какое-то неантагонистическое противоречие, как говорили при истерическом материализме. Календарь пользовался успехом не один год, времени для выяснения этого вопроса хватило. Идейным центром изображения, его изюминкой, являлись не прелести, а глаза и губы. Основной диалог со зрителем вели они. Бесстрастная улыбка контрастировала с привлекающими глазами, как бы говоря: видит око, да зуб неймет.

Карп заглянул в их сладкую обманчивую глубину, еще раз пробежал взглядом по изображению, останавливаясь в наиболее интересных местах, и со вздохом посмотрел на свой опус.

Рисунок был далек от совершенства, изюминки не было. Форма не соответствовала содержанию. Полное отсутствие красоты и убедительной простоты, а к халтуре Карп не привык.

И вдруг процесс пошел. В недрах сознания из множества мыслей спорадическими толчками рождалась одна — нужная и важная, пока ускользающая. Нарастала мучительная эйфория творчества, в зрелом возрасте “приближающаяся по нежности и остроте своего факта к жизненным явлениям”[4]. Вот-вот должен был произойти тот внезапный, неуловимый фазовый переход от сознания созерцающего к сознанию творящему...

Эти лишние точки! Откуда только они взялись?! Логика и интуиция, увы, пока были бессильны. Природа любит скрываться. Как там у поэта: “Не то, что мните вы природа…”? Отголоски ли это первичного космического хаоса, флуктуации, нечто постоянно вспыхивающее и исчезающее во времени, возможные ошибки приборов, или же Природа в очередной раз хочет доказать настырному разуму свою неизмеримость?

Может, это априорная некорректность рационального подхода к иррациональной действительности? Судим о неведомом по хорошо известному? Избыточность самой Природы? Неполнота физической модели или, наоборот, ее переопределенность? Неправомерность формальной двухзначной логики? Неизбежные ошибки в процессе познания? И чего я прикипел к наименьшим квадратам!

Стоп, природа не делает скачков и не терпит прямых углов, зачем же квадраты и прямоугольники!? Как гениально использовал это Гаудù в своей архитектуре! А как же континуум классической механики и дискретность квантовой!? Дуализм волна-частица? Единство и борьба противоположностей? Человек — царь ноосферы или всего лишь имманентная часть природы? Причем, не лучшая. Творцы так называемой научной истины — мозг природы или… Стоп! Ну, понесло…

Поток сознания прорвал плотину рассудка. С такой дедукцией можно далеко зайти, да и предикаты спорны. Подобные прóклятые вопросы мироздания будоражили Карпа еще со студенческой скамьи. И не только его одного. Иногда жаркие споры в общежитии AlmaMater затухали только под утро. На всю жизнь он запомнил изречение на стене Центральной Физической аудитории: “ЭЛЕКТРОН ТАКЖЕ НЕИСЧЕРПАЕМ, КАК И АТОМ!”. Впоследствии фраза неоднократно попадалась ему на глаза в очень приличных местах. Частица “же” писалась слитно, писалась раздельно, семантика фразы для нормального человека, далекого от физики, от этого не менялась, но восклицательный знак в конце стоял всегда! Что это было? Лозунг или диагноз? Кто поставил этот знак? Зачем? А “черпать” ведь нам придется...

И вот еще вспомнилось: был бы метод, а явление природы под него найдется. Доказали ведь, и красиво доказали, что ионосфера провоцирует землетрясения. Магма даже и не пикнула! Чуть-чуть помучились с кривыми, нужные дали в цвете на хорошем принтере — японцы до сих пор балдеют. Против логики не попрешь.

“В науке нет широкой столбовой дороги”, - ага, помню, только масса извилистых троп. Попробуй-ка найти в этом лабиринте свою, ведущую к цели! Долго бродить будешь!

“Эврика, вернее, твою мать! Ведь все гениальное просто. Какой же я дурак, метод-то наименьших квадратов, а точки у меня на рисунке круглые и треугольные! Чертов Grapher! А сделаю-ка я точки ма-а-ахонькими квадратиками, а линию проведу жирную, глаз не оторвут!”

Карп сварил и попил кофе, с удовольствием съел свои вкусные бутерброды с колбасой, от которой встретившийся утром пес был невысокого мнения, повеселел, собрался было побродить

[4] А. Платонов, “Ювенильное море”.

по Интернету, но виртуальная реальность, эта вещь в себе, уступив в случае с кривой, на этот раз взяла верх — Интернет не работал.

Взгляд Карпа опять заскользил по привычному маршруту. Никого рядом не было, можно было встать со стула, перевернуть, не стесняясь, страницу календаря, но было лень, тем более что он прекрасно помнил, почти наощупь, скромное обаяние каждой страницы да и текущая имела достаточно высокий рейтинг.

В отдаленном уголке сознания вдруг заныл осколок воспоминания о супружеском долге. Проценты по нему росли и из-за диссертационной запарки дошли до вызывающе неприличной величины, равной процентам по государственным долгам. Кредитор, к тому же, настаивал на том, чтобы бренная плоть полностью вернула долг, и не соглашался на его реструктуризацию. Да, *fugit irreparabile tempus*[5].

“Распечатаю-ка я парочку страниц, если принтер позволит, — решил Карп, — и пойду. Скоро уже 19.00, вот-вот закроют проходную”.

Сидеть до упора, а потом мчаться сломя голову, чтобы не пропустить автобус, квантоваться через барьер забора у закрытого выхода на шоссе, как ему часто приходилось, сегодня не хотелось. Существовала опасность для брюк, да и забор стал после дождя слишком грязным, а руки пачкать и потом смывать с них в холодной луже чешуйки старой краски и ржавую слизь было противно.

После укрощения строптивой кривой настроение немного улучшилось. Даже гнусный компьютер, идиотское правительство и повышение цен почти не раздражали. А воспоминание о близком и родном человеке вызвало прилив добрых, искренних человеческих чувств. Утром сквозь сон он почувствовал, как заботливо, стараясь не разбудить, жена поправила на нем одеяло и набросила плед!

От долгого сидения за дисплеем “светильник разума” стал оплывать. Заслезились глаза; на лбу у правого виска запульсировала жилка — в резонанс с осторожными шагами подкрадывающейся головной боли.

Все! Карпение на сегодня закончилось. Хватит над собой издеваться! Больше никаких квадратов! Карп встал, с отвращением посмотрел на урчащую железяку, поправил ногой непонятно как вылезшую прямоугольную паркетину — “твою мать, вот привязалась, буратина плоская!” — и подошел к окну. Сквозь неплотно прикрытую фрамугу на усталое лицо подул холодный воздух.

Похолодало, теперь в комнате было теплее, чем на улице. Вчера симпатичный добрый профессор в очках, с оттопыренной нижней губой, которого Карп прозвал “Когда дождик идет, водичка в рот капает”, сказки о погоде не рассказывал. Вместо него холодная, с нарисованной улыбкой длинноногая метеобарышня накаркала заморозки ночью. Нередко связанные с женщиной причинно-следственные связи — темная вещь для *трезво* мыслящего физика.

У шоссе уже зажглись фонари. Холодный весенний день очередного тысячелетия заканчивался и по непостижимой для человека причине втягивался в воронку прошлого, через которую вечно все течет и у которой никогда не бывает засора …

Нижние половинки стекол были в мутных дождевых росчерках, вблизи окна раскачивались тонкие черные ветки. На маленьких еще не распрямившихся зеленых листочках искрились бусинки капелек.

При мягком освещении пасмурного раннего вечера контуры отдаленных предметов потеряли четкость, обросли бахромой. По ту сторону шоссе деревья слились в призрачную темную

[5] Бежит невозвратное время (лат.).

массу. Выползшие из лесу сумерки уже окружили ярко освещенную новую бензоколонку. Дрожащие красно-синие языки неоновых огней лизали мокрое шоссе.

На фонарном столбе у забора нахохлилась одинокая ворона. Бесстыжий ветер задирал на хвосте перья, но ворона была старой и умной и сидела молча: уж она-то знала, что на родине у природы нет плохой погоды. Зря эта глупая перелетная мелочь, рано прилетевшая, недовольная нашим климатом, жалобно кричала в кустах боярышника! Снующие по шоссе шумные вонючие жестянки и слабый шелест тростника в храме науки ворону не интересовали — она жила иной жизнью, в которой человек не был мерой всех вещей. И время для нее текло неторопливо, размеренно, как и сто лет назад. Вот поклевать бы чего-нибудь вкусненького! Но сыр под забором не валялся, а выползшие после дождя ошалевшие размякшие черви порядком надоели за день.

Карп помог принтеру захватить чистый лист бумаги, подождал пока выползет готовая страница и выключил импортную технику. В комнате остались два выделяющих тепло отечественных предмета с примерно одинаковой температурой: сам Карп и калорифер. Стучавшая весь день под темечком научная мысль с высот ионосферы сползала на землю, успокаивалась и стекала в подкорку. Всасывание мысли проходило явно быстрее, чем обратный процесс. Кипящий возмущенный разум релаксировался и переходил на щадящий режим.

Смолкли птицы в темных кустах. Вспомнились утренние воробьи. До предзащиты диссертации на Воробьевых горах оставались считанные дни. Пора бы подумать, что “чирикать” сразу, а что оставить про запас, на вопросы.

Он поглядел на распечатанную стопку листов с незавершенной главой как душа смотрит на оставленное тело. Заволокла извилины сладкая поволока усталости, затихал и уже не роптал утомленный мыслящий камыш.

Интеллектуальная фаза восприятия действительности сменилась чувственной. Сгустившиеся за окном сумерки, а скорее всего усталость, навеяли чувство легкой грусти.
Поблизости надрывно ревели турбины идущего на посадку самолета. Красный пульс огней бился в свинцовой вате туч над лесом, вырывая из серой тьмы ажурные башни высоковольтки и какие-то одиночные здания со слепыми окнами.

От низкого уходящего гула задребезжали стекла, и это дребезжание вместе с инфернальной подсветкой дальнего плана пейзажа породили в душе неосознанное щемящее чувство, грусть едва не перешла в меланхолию.

Подумалось, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше, просто станет другой. Захотелось скромных вечных ценностей: свежего белого хлеба, сыра и красного сухого вина. Хорошего, настоящего! С терпким тягучим вкусом, благородной горчинкой и тонким живым ароматом винограда! В хрустальном бокале на высокой ножке, с багряными отблесками цвета на гранях!

Но желаемая объективная реальность не была дана ему в ощущениях, так как из субъективных финансовых условий, “твою мать!”, необходимо и достаточно вытекала темного стекла бутылочка пи…

В этом месте рукопись обрывается. Больше ничего найти не удалось.

Москва – Аккерман (Одесса) – Москва, весна-осень 2001 г. Мелкие доработки 2002-2003.гг.
Опубликовано в лит. альманахе “Весенняя радуга”, № 4, 2003г. Изд-во “Тровант”

ЛЕЖАНДР

Вспомнили как-то свою студенческую жизнь. Зашел недавно разговор с однокурсником. Был у нас в 112-й группе один парень, Алексей. Какой-то нескладный, тощий. В футбол не играл, вино не пил, по девушкам не ходил. Почти все время в общаге проводил на диване. Питался, читал, валялся одним словом. Поэтому получил кличку Лежандр. С Лежандром были 2 интересных момента. Кстати, фамилия у него была Скакун. Так что юмор еще и здесь: Скакун - Лежандр. На 1-м курсе его поймали в читалке, выносил за пазухой учебники. Хотели его отчислить, мы всей группой ходили к декану, просили за него. На все вопросы, к примеру « на хрена он это делал», ответ был поразительный: оказывается, поймали его, кажется, не на 1-й раз, он *выносил* а потом *вносил* книги обратно.

"Я хотел испытать те же чувства, что и наши разведчики, которые выносили секретные документы у врагов". А Штирлица тогда еще не показали, по-моему. Однако, характер нордический, в недостатке хладнокровия не был замечен. Не исключили. Поход к декану дал результат: «возьмем на поруки, не исключайте».

Вторая история. Забавно, но у нас, физиков, был госэкзамен по научному коммунизму. Семинары вел преподаватель по фамилии Сивоконь. Опять какая-то перекличка фамилий. Во время экзамена, растянувшегося на несколько дней,
так как курс был более 500 человек, некоторых ребят стали вызывать в комсомольский оперотряд, где присутствовал человек из КГБ, и задавать всякие осторожные, каверзные и непонятные вопросы. Никто сразу не мог понять, в чем тут дело, в чем их подозревают, что выпытывают. Ну выпивали в общаге, ну девочек нелегально проводили, ну не мы же одни.

Выяснилось потом. Оказывается, Лежандр составил план восстания по Ленину. Так сказать, по-маниловски мечтал приблизить коммунизм революционным путем. В тетради выделил графы: телеграф, почтамт, сберкасса. Телеграф берет группа из 5 чел, старший группы такой-то и т.д. Вот старших и тягали на расспросы. Старшими он назначил соседей по общаге.

Начистили ли лицо Лежандру - не знаю. Физфак он успешно закончил. Шизоидная история, однако. Забавно, что он ни одну девушку в революцию не включил, даже медсестрами. А заметил тетрадку оперотряд, когда делал по общаге драконовский санитарный рейд. Общага с 3-го курса у нас была в высотке МГУ. На столе лежала открытая тетрадь, на диване — Лежандр.

Через 20 лет, когда отмечали годовщину нашего выпуска, видел Лешу. Защитился, стал кандидатом, подобрел. Вроде бы женился. Не помню. Подробно не расспрашивал. Меня одно время занимал вопрос: кандидат куда? В науку? Спрашивал многих. Вразумительного ответа, кроме как «так принято» не получил.

15.08.2020

P.S. После прочтения рассказа Саша Егорьичев вспомнил такой эпизод.
Про Лежандра. А помнишь, он всех убеждал, что все умеют летать, но косность мозга нас сковывает в поступке. И предлагал полететь с 10 этажа. Спасибо тебе - вспомнил и этот эпизод. Да, преинтереснейший тип был, "рЭволюционный". Или скрытый Гапон.
Увы. Леша уже ушел…

Памяти М.П. Громова и Л.Д. Опульской

История такая. Где-то в 83-м, 84-м г. я случайно познакомился с интересной парой.
Тогда я работал в п/ящике, раз в квартал нам давали премию около 180 р., и всю премию, если жена не успевала отобрать, тратил на книжников, на покупку книг в букинистических. Хотя в них редко попадались интересные книги. «Свои» люди перехватывали книгу до ее продажи через магазин. Обзавелся контактами, звонил, заказывал нужное мне. Был даже у меня «свой» дилер, мог обеспечить любой мой заказ. Были бы деньги. Дилер был интеллигентный, даже делал мне скидки на историю и философию. А вот на «Библиотеку поэта» (Северянин, Ахматова, Вл. Соловьев, Волошин, Сологуб, перечислять долее не буду) скидок не было. Извините, только рыночная цена. Тогда, если помните, была такая тенденция. Талоны на книги со сданной макулатуры и т.п. Но по этой линии шел только «ширпотреб» типа Дрюона, «Графини Монсоро» Дюма и т.д. Как сейчас помню, самыми дорогими были: трехтомник Плутарха «Сравнительные жизнеописания», Светоний «Жизнь 12-ти цезарей», 2-х томник «Опыты» Монтеня из «Лит. памятников», «История» Геродота из ПИМ, из самых ходовых – «Мастер и Маргарита» и «Наследник из Калькутты» Штильмарка.. Из поэзии по эквиваленту обмена что-то было аналогичное. Северянин? Нет, не помню. Спрос еще зависел от тиража.

Меня же интересовали в основном «Литературные памятники» и «Памятники исторической мысли». Из-за их шикарных комментариев, к-е часто были больше самого текста. Ну и другие издания по тематике история, искусство, культура, философия. По античности и средневековью у меня собралась почти вся изданная после 40-х годов литература. Сейчас осталось немногое, переезды туда-сюда, неизбежные потери. Кому-то подарил, кто-то «взял почитать» и т. п.
Смотрю на оставшиеся книги на полках — господи, успеть бы прочитать, перечитать. А со временем в уже прочитанном, известном открываются новые незамеченные ранее нюансы.

Ну так вот. Договорился со своим дилером о встрече, нужны деньги, срок мне он дал пару дней. Пошел я сдавать в «Библио Глобус» на Мясницкой, тогда ул. Кирова, что рядом с КГБ, журналы "Радио" (я еще был радиолюбитель, паял Hi-Fi усилители). У продавца спрашиваю:
- Не возьмете ли?
Вдруг рядом:
- А зачем Вам сдавать в магазин, я у Вас куплю всё..
Несколько неожиданно.
- Хорошо. Почему бы и нет.
- Договорились. Только сейчас у меня нет нужной суммы. Давайте Вы завтра-послезавтра придете ко мне домой за деньгами. И если можно, я возьму журналы сейчас..
Я не знаю, почему согласился. Но так и было. Он представился:
- Громов Михаил Петрович. Позвольте представить: моя супруга Лидия Дмитриевна.
Настолько на меня пахнуло старорежимным интеллигентским, что я подумал: эти люди не могут обмануть.
- Если у Вас еще что-то подобное имеется, приносите.

Через день, не на следующий, я после работы вечером зашел по адресу. Дом в старом районе Москвы, на Маросейке, пятиэтажка. Квартира небогатая. 3 комнаты. Одна выделена под столярную мастерскую. Жена с гордостью говорит, что ВСЮ, подчеркиваю, ВСЮ, потом объясню акцентирование, мебель Михаил Петрович сделал своими руками.

И при мне она мужа называет не просто Миша, а именно Михаил Петрович. Разница в возрасте, на мой взгляд, была небольшая. Сначала холодок знакомства. Кто, что, откуда, как, родители, планы и т.п. От денег я категорически отказался. Увидел, что мои никчемные журналы попали в хорошие руки.

И так как узнали, что все связаны с МГУ, решили продолжить знакомство.

Мало-помалу мы сблизились. Оказалось, что он, простой кандидат наук (судя по официальным регалиям), профессор на филфаке университета, преподает литературу XIX века. При этом, мировая величина в чеховедении. Редактор 30-ти томного академического издания Чехова. Кстати, первого академического издания русских классиков, как с гордостью подчеркивала его жена.

Она, на первый взгляд серая мышка, член-корр., ведущий спец в мире по Толстому, в ИМЛИ одна из главных. Вот так случайно мне судьба подарила случай познакомиться с интереснейшими людьми. А почему она с гордостью говорила про мебель - (при мне без М.П. она его называла Мишей) - он был фанат-любитель столярного дела. И со всего мира его ученики знали, что для М.П лучший подарок - это что-то из станков по дереву. Потом его прихватила эмфизема легких, и ему врачи категорически запретили заниматься работой с деревом. Поэтому он решил переквалифицироваться на радиолюбительство и набирающие обороты персональные компьютеры. Вот так его и занесло в книжный К сожалению, ему судьба отвела еще лет 5. Компьютер ему давался с усилиями. Чтобы он что-то паял - не видел. Там же запах канифоли недружелюбный для легких.

Это была в некотором роде преамбула. Что мне в душу запало? Попробую изложить.

Дорога с работы домой проходила через "Площадь Ногина" (теперь "Китай-город") рядом с его домом. Раза два в неделю по вечерам мы общались. Говорили о разном, все уже и не помню. О людях, известных конечно, о поэтах, писателях. У него были резкие точные высказывания. В точку.

Я так не умел. Два-три слова - и человек "обнажен". Например. Только-только избрали Горбачева. Вижу, что у него на токарном станке стоит его фотопортрет. Решил съехидничать (у меня пиетета не было, мы "подкалывали" друг друга часто, и если это получалось, хохотали оба. У него не было, как бы это сказать, такой черты, ...подбираю слова... нет, не осеняет. Ну, примерно так:

Я - величина, а вы, сударь, - пешка..

- А почему это Вы, Михаил Петрович, (его называл Михаил, т.к. он меня как-то оборвал, что "Михал" - это в трактире) сударь, поставили на уже не вертящийся ваш станок этот портрет?

Сударь - любимое (единственное, если не по имени) его обращение к собеседнику.

- А попомните мои слова. Этот человек крепко наворотит.

О политике мы с ним никогда не говорили. Это был единственный случай.

Еще пара штрихов. Из-за своей эмфиземы пару раз в год-два он лежал в клинике. Его жена, говоря об этом, подчеркивала. что ему покоя не давали благодарные ученицы, что всегда его палата утопала в цветах независимо от времени года.

Ну это мне понятно. У него была харизма...

И не только девочки тянулись к нему. Не просто так и я "клюнул" в магазине. Потом понял, что говорила она "с подтекстом", видимо, т.к он хмурил брови при этом.

Вот, наконец, о серьезных беседах.

Я часто спрашивал их, сейчас понимаю и удивляюсь, как М.П, (чеховед) и Л.Д.(толстовед), на тот момент не просто признанные лучшие официальные специалисты ИМЛИ, а «впитавшие» в

себя, насколько возможно, жизнь и творчество авторов, отвечали на мои глупые, как сейчас понимаю, вопросы:

ЧТО лучшее в русской прозе по их мнению в смысле русского языка.

Ответы такие.

Толстовед Л,Д. Это "Казаки" Толстого.

(К своему стыду, я не читал и, скорее всего, не буду.) Есть более интересное, хоть и не таким языком написанное, как у Толстого).

Чеховед Громов.

Лучшее в прозе – глава «Тамань» из «Героя нашего времени».

- А мой любимый рассказ Чехова - "Студент". Выводы делайте сами.

Тут я понял его. Он не сказал "кто лучший". Понял - потому что он оставил свободу выбора.

Потом Громов загремел в санаторий "Узкое". Я тогда жил в Теплом Стане, рядом, часто навещал его. Кстати, переплетение судеб. "Узким" владели перед революцией Трубецкие. И мало кто знает, что на въезде в Узкое со стороны Профсоюзной ул. стоит арка работы Паоло Трубецкого. О Трубецких отдельный разговор. С одним из князей (Владимиром) я был хорошо знаком. Чтобы не было перегруженности опустим эту линию.

Есть что рассказать про беседы в санатории с Громовым... Кстати, меня тогда поразило, что в административном корпусе дореволюционной постройки сохранился старый черный кожаный диван, на котором умер философ Владимир Соловьев, друг Трубецких. Один их них в то время был ректором Московского университета. А особенно близок Соловьев был с Евгением Трубецким, философом, автором «Умозрение в красках» о русской иконе. Отвлекся я опять, так много интересного и взаимосвязанного.

Громову в санатории во время прогулок часто задавал вопрос:

- Ну почему "Студент"? 2,5 стр. в Вашем 8-м томе многотомника. Читал я его несколько раз. И комментарии Ваши читал. Знаю, что сам Чехов считал его лучшим своим рассказом, многократно его переделывал. Но есть же в этом томе "Черный монах", "Скрипка Ротшильда", "Палата №:6", почему именно этот рассказ? Неужели потому, что всего 2,5 стр. текста, сюжет уложился, «краткость - сестра таланта», да?

Он всегда отвечал на задевающие его вопросы не сразу, долго, как бы мысленно обсасывая ответ. Обращался всегда ко мне на Вы. Рассказ он знал наизусть. Да, у него в нескольких тетрадях были записаны ВСЕ персонажи Чехова, со всеми их подноготными. Подчеркиваю, ВСЕ.

Сопел долго. Потом:

(Он меня иногда называл юноша, чаще сударь, никогда иначе.)

- Юноша, я Вам буду говорить, а Вы будете повторять за мной Чехова.

Ну прочли мы примерно этот отрывок, точно не помню. Взял из 8-го тома:

==========

«Студент»

И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошлое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой.

А когда он переправлялся на пароме через реку и потом, поднимаясь на гору, глядел на свою родную деревню и на запад, где узкою полосой светилась холодная багровая заря, то думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника,

продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле; и чувство молодости, здоровья, силы, — ему было только 22 года, — и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла.

==========

Я повторил вслух за Громовым. Подумал, что Чехову поставили бы 5 в школе. Запятые на месте. Когда читал ясно представлял себе, где и какой знак препинания ставить. Спрашиваю, ну и чем же он лучше других рассказов, хотя бы из этого тома. Того же "Черного монаха", например. Мне больше симпатичен магистр-меланхолик Коврин из «Монаха», чем студент с переменчивым настроением, ожидающий таинственное счастье при виде «холодной багровой зари». Какой-то он нереальный, надуманный. Ветрено, холодно. Нормальный студент должен думать об выпить, а не искать причинно-следственные связи происходящего. И какая Красота? Предательский поцелуй, Петр рабу ухо отсек, Иисуса схватили. Красота жертвы? Скорее это была необходимость жертвы. И еще. Вначале у студента тоскливое настроение, «пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше», домой не хочется. А в конце - «сладкое ожидание счастья», жизнь КАЖЕТСЯ восхитительной, полной смысла. Почти эйфория.

Ответ меня поразил.

- А я не могу дать рациональных объяснений. Этот рассказ лучший, и все.

Вот и у меня "что-то стрельнуло". Когда настроения нет, хреновато, перечитываю «Студента».

Громов умер, его жена тоже.

Похороны Громова помню смутно. Только помню, что ездил в автобусе его хоронить в Долгопрудный. Рядом с матерью похоронили. Про нее он скупо говорил. Об отце ничего. На поминки я не пошел.

Её похороны помню лучше. Они начались (в смысле «от парткома, от коллег» якобы безутешных) в ИМЛИ (приглашения у меня не было. Кто я ей - непонятно. Собрался весь паноптикум ИМЛИ). Охрана. сперва меня не пускала. Пошел нагло, сказал, что я даже лучше здешних родственников знал Л.Д., я из Канады. А она раза два ездила в Канаду к староверам-толстовцам. Пропустили. Послушал фальшивые речи, поговорил только с одной ее ученицей толстоведом Натальей - и все. Ушел. Дальше по отголоскам слышал, что любимая ученица Л.Д. (и М.П. тоже, с которой я говорил) стала в ИМЛИ главным толстоведом и вознамерилась переиздать "Войну и мир" в четырех томах в новом академическом издании Толстого. Аргументы Л.Д., что люди уже привыкли к двухтомнику, что свои развернутые комментарии можно либо издать отдельной монографией, либо сократить, что книги выпускаются в первую очередь для людей, а не для научных сотрудников и их амбиций, похоже, на нее не воздействовали. С этим миром я контакт прекратил. Пара сухих, незначащих звонков. И все затухло.

Несколько «выцарапанных» из Громова ответов на мои вопросы.

- Пушкин или Лермонтов?
- Лермонтов.
- Почему?
- Оба гениальны, оба с дрянными характерами. Но Лермонтов честнее, у него душа в стихах сочится.

- Ахматова или Цветаева?
- Цветаева без сомнения. Ахматова - гладкость стихов, форма. Цветаева – обнаженный нерв, страдание, боль, неподдельная искренность.

- Верил ли Чехов в бога?
- Не знаю. Даже то, что у него в Ялте у кровати висела икона Богоматери, меня не убедило. Чехов был скрытным. Понять можно только отчасти, вдумываясь в его рассказы и сопоставляя их и его письма, одновременные со временем написания рассказов. Переписка с Сувориным мне многое открыла. Читайте, юноша.
- А как же «Студент»?
- А разве там есть упоминание а Боге? Цепь непрерывных событий. Разве сказано, что эту цепь подвесил Бог?

- Что за человек был Чехов?
- Да обычный нормальный гений, не ощущающий себя таким. Любил кутнуть, баб любил, как он о них с Цейлона писал восторженно, да обычный же человек. Не аскет и не эпикуреец.
Нимб ему натянули уже после смерти. Впрочем, не он первый, не он последний.

27.09.2012

Бабушка

Цветные воспоминания как стеклышки в детском калейдоскопе сменяют друг друга. Прошлое оставило резкий след, детство засело навсегда. Помню себя с четырехлетнего возраста. Сколько же лет пролетело!

Июнь в городке южнее Одессы. Доасфальтный период начала 50-х годов прошлого века, нестерпимый зной на улице. Гранитный румынский булыжник раскален. Над цветами, а они растут везде как сорняки, летают стрекозы и бабочки капустницы. Пекло, полдень, все пышет жаром. Тень под кленом у колонки с водой, пчелы и осы лениво жужжат у лужиц. Руки, животы, трусы и ноги у пацанят в черно-синей шелковице. Тело – не важно в чем. Ругать будут за трусы! Потерли пятна зелеными ягодами шелковицы – лучший пятновыводитель – трусы естественного цвета. Все разбежались по домам.

Бабушка, урожденная полтавчанка Феодосия Васильевна Адаменко, занавесила окно простыней, положила смоченный уксусом платок на мою голову. Там очень плохо. Пульсирует, булькает боль. Бабушка сидит рядом, все понимает, молчит, ее прохладная рука лежит на моем горячем лбу, вторая – на моем тельце, на груди у сердца. Мне разрешили пока не мыть ноги и руки, я грязный, лежу на застеленной кровати. Она не ругается, не сгоняет примостившегося на ноги кота. Кота в дом притащил я. Его мыли, но он черный-пречерный, поэтому папа прозвал его Замурзиком. Кота, кроме меня, никто не любит, гоняют, кормит его бабушка, но он все равно прилезает ко мне. Когда холодно, кот лезет под одеяло, мурлычет, греет, когда жарко – лежит клубочком в ногах. А когда у меня болит голова, он чувствует, прибегает со двора, укладывается у меня на груди. “Два сапога - пара”, – это бабушка про нас. Она меня уже научила считать и писать. И по-русски, и по-украински. “Бабушка, шесть ног – три пары!” Смеется: “Станешь на четыре – будет четыре пары. А Замурзика все равно прогоню”.

Вижу узловатые вены на ее руке, потертый ковер “Утро в сосновом бору” с медведями, абажур над лампочкой. До верхнего медвежонка ногой с кровати я доставал. А цвета абажура не помню. Круглый он был. Красный или оранжевый, в те годы все были такие. Бьется об окно за простыней муха. Главное, что бабушка рядом, и что боль постепенно уходит. Гладит мое тельце, целует в лоб. Я ее люблю, чувствую ее, и она это знает. Закрываю глаза, успокаиваюсь, засыпаю… А может быть врет мне, что у нее суставы летом ноют?

Мы живем на втором этаже дома рядом со старой крепостью, из нашей кухни виден закат над лиманом. Вчера дул северный ветер со стороны Днестра, по-местному он называется “горишняк”. Закат был с какими-то рваными краями, ярко-красный, примета на ветер. Клева не будет, пока ветер не сменится на “низовку” – южный ветер с моря. Чувствовать красоту природы научила меня бабушка. Кстати, и другую тоже. Вот идем мы с ней по улице. Женщина или мужчина, это неважно, красиво идут. Смотри, как гордо она держит спину, идет с достоинством, понимаешь? Порода. Если обернется, посмотри в глаза. Видеть головой и думать – вещи разные. Не все понимают. Глаза человека редко врут, если в них заглянуть.

Она расскажет мне на ночь сказку, и у меня будет много вопросов, и на все она терпеливо ответит. Потом будет еще больше вопросов, я ее буду расспрашивать о войнах, о революции, о немцах… Один из них вывернул ей сустав на руке, встала перед ним насмерть, когда тот погнался за моей мамой. Немецкий и французский она прекрасно знала. Вот немец и ошалел, услышав в украинском селе родную ругань. Я помню эту историю, она меня поразила.
Я сплю с ней в одной комнате и считаю ее мамой. Ко мне она никого не подпускает, говорит, что воспитатель должен быть один. Она умеет все. Не может только залезть на абрикос или вишню. А это ведь так просто, сколько раз я ее учил! Смеется, но на дерево не лезет. Когда она лежит, и я глажу ей голову, она закрывает глаза, а потом меня целует. Спать уже пора, а я все спрашиваю, спрашиваю, и она мне отвечает, отвечает… До сих пор не могу говорить о ней в прошедшем времени.
Как-то раз я спросил её:
- Ба, а у тебя в семье кто был главный, самый-самый?
Ответ был, как сейчас говорят, достаточно дипломатичен:
- Как поженились, мы никогда друг друга не спрашивали об этом. Догадываюсь, что Петр считал главным себя. Я никогда ему не перечила. Он же был хорошицй, со мной всегдас соглашался.
И еще:
- Ба! А зачем людям дают отчества?

- Фамилия одинаковая, например, у братьев. А отец кто? Вот ты натворил шкоду, кого ругать за это будут? Кому стыдно будет? Вот ты Васильевич, ругать будут Василия, твоего отца. Зрозумів?[6]

Я – дохленький головастик с прилепленными ушами, бронхаденитом и непростым характером. Несколько раз была дизентерия, по разу коклюш, корь и свинка. Прочие не помню, гланды и мелкие болезни не в счет. Ради меня, чтоб я жил, так настояла бабушка, когда умер дед, учитель математики, семья переехала из Балты, с севера Одесской области, на юг, к морю, в Аккерман. Было мне тогда два года.

Родителям все время некогда, весь день на работе. Папа – учитель русского языка и литературы в школе, мама преподает химию и немецкий в техникуме. Я целиком предоставлен бабушке и улице. В свое время она была учительницей в церковно-приходской школе, интеллигентка из деревни. На фотографиях ее юности, сделанных еще до революции, – статная красивая женщина с умным взглядом. Конечно, ум не виден по фотографии, но я же знал бабушку, неудивительно, что она была стержнем в семье. Родила пятерых, выжили только двое: мама и ее старший брат. Больше всех из своих детей она любила младшую мамину сестру Тасю, она умерла от тифа. Мама иногда плакала, что бабушка Тасю любила больше всех. Это было при мне очень редко. Помн, как я маму утешал: - Мама, не плачь, Тася ведь умерла, а меня бабушка очень любит. .Мне имя «Всеволод» дала бабушка, и я знаю, что она любила меня больше родной дочери и сына.

За баловство со спичками и поджог газетой “Правда”, как сейчас помню, трудно загорелась, общественного сортира во дворе (М|Ж, 2х2) один раз в жизни отец меня выпорол. Ну, надо было! Для соседей. Показуха, но порол крепко. Его раздражало мое молчание. А ведь злости-то ни у него на меня, ни у меня на него не было. Пори, батя, а я буду молчать! Не дождетесь! Я с тех пор уже был “упертый”. Удивительно, посчитал меня человеком! Я тогда это понял. Один раз шваркнул газетой по моему наглому лицу за

[6] Понял? (Укр.)

хулиганство и первую милицию. Согласен, вел себя вызывающе, дерзил. Все было по делу. За вторую милицию, битье лампочек на столбах, он только скулами поиграл и наградил презрением. Признаюсь, лучше бы выпорол! А бабушка сказала: ”Он виноват: Я с ним поговорю”.

Потом неделю она со мной не разговаривала! Как же это было тяжело! Она же была самая близкая мне, родная. Потом были слова: ”Ну что, мальчик, будешь дрянью или человеком?” Я их помню до сих пор!

На улице я выгляжу худым, болезненным, но я – король. Расквасят нос, дерусь, и без ярости. Два квартала мелкоты подо мной. А вот дома я не ершистый. Только всегда спорю. Врожденное чувство противоречия. Но что скажет бабушка своим ровным-ровным, спокойным голосом без интонаций – делаю беспрекословно. Не могу с ней спорить. Слово, сказанное тихо, входит в душу, это я запомнил с младых лет. Не помню ни одного случая, чтобы я ей перечил. Никогда с ее стороны не чувствовал насилия над собой, а ведь женщина была властная, брала меня любовью. Это редкое чувство. Даже отец, прошедший всю войну, ее побаивался. Кстати, ни разу с его стороны я не слышал слова “теща”. Только “мама”. И он не притворялся.

Таков был авторитет бабушки. За “шкоду” та только взглянет на меня с укоризной – подбегаю к ней, прижимаюсь, обнимаю своими ручонками, прячу глаза, утыкаюсь и трусь лицом об ее передник, а он пахнет домом: картошкой, мукой, подсолнечным маслом. “Эх”, – и погладит по голове. Всегда чистила картошку на коленях и часто пекла пирожки с капустой и оладьи. Все самое вкусное готовилось на печке. И какой же борщ варила! А как фаршировала судака! Настоящая рыба фиш! А винегрет! Вот бы теперь поесть… Иногдп это “Эх” слышится в ушах и сегодня.

Почему-то остались воспоминания о смерти Сталина. Черная, бумажная, истерзанная глотка репродуктора, в которую я наловчился метать карандаши и ручки, чтобы воткнулись, и за которую меня ругали, но ни разу не наказали, выплевывает суровые, стальные слова. Сквозь дырки от карандашей просвечивает стенка. Папа и мама плачут. Я ничего не понимаю: вождь, но не мой дедушка, не мой дядя, зачем плакать! Я дрался с вождем соседней улицы, накостылял он мне, но я не ревел. И бабушка рядом со мной не плачет. Вижу слезы на глазах родителей, смотрю на сухие бабушкины, на дырки в репродукторе – и ничего не понимаю!

Запомнились первые четыре года в школе, меня тогда к доске даже не вызывали. Так меня бабушка натаскала. Четверки были только по поведению. Видимо, в воспитательных целях, так как в конце года выставляли “пять”. Уроки не делал, смысла не было, только учил наизусть стихотворения. Но все равно редко спрашивали. Так и вышел из школы “круглым” отличником.

Придешь домой, поешь – и на улицу. Либо на лиман, либо в старую крепость. Любили лазить по крепостным стенам. Безрассудство, сейчас понимаю. Мальчишеские амбиции, нельзя показать, что ты высоты боишься, слабый, хуже других. Опасности не чувствуешь. Стены высокие. Лезешь вверх. Щупаешь выступы камня, цепляешься. Старый известняк изъеден временем, крошится под пальцами. Главное – поставить ногу, проверить, выдержит ли камень. Стараешься присмотреть выступы, за которые можно зацепиться. Глупость неимоверная! Не удержался, сорвался – либо инвалид, либо погиб. Ну вот, все долезли. Осень, бурьян сухой, печем картошку на верхушках “башен Аккермана”.

После болячек стал выправляться. Плавал в море часами. Думаю, что рыбий жир, мед и гадкое топленое сало с алоэ и с присутствием бабушки тут абсолютно ни при чем. Еще бы! Вне школы с конца апреля по октябрь только босиком, в одних трусах, и каждый день на лимане. Ловишь раков, бычков – купаешься или наоборот: купаешься – ловишь. Ныряешь, плаваешь, дерешься, воруешь виноград. Соль в заднице щипет, сторож попал, опять надо сидеть в лимане, отмокать зад, все мальчишеские удовольствия. Попало – а ты не попадайся!

А когда перестал дергать девочек за косички, стал по-другому смотреть на них и ходить в брюках, – был уже здоров. Бабушка слепила из меня человека, вложила мою судьбу в мои руки. Она посчитала, что уже больше мне не нужна. Что я стал сильным, что выживу, с болячками смогу справиться сам, что стал самостоятелен. Возможно, чувствовала, что я ухожу из-под ее влияния. “Кому я теперь нужна?”, – часто спрашивала она. А неправильное, по-моему, это было решение. Бабушка спустилась на одну ступеньку в жизни. Мнимая слабость часто ломает даже настоящую силу. Что-то в ней надломилось. Правда, не знаю что. Если бы был у нее разговор с мамой, – она бы мне рассказала. С родителями у меня были честные отношения. Они фальши не терпели. Когда дети, внуки вырастают, малая истина иногда глаголет. Всегда меня выслушивали.

Откуда-то появилась, -лось, даже не знаю, как это назвать: страсть, хобби. Короче, бросал все, что попадалось под руку. Снежки, камни, яблоки. Лампочка на столбе – три камня, больше не надо. Из-за дурацких споров столько разбил лампочек! Пока не видели, не верили. Вторая милиция была из-за этого. Сколько на меня жаловались! С кем-то поссорюсь, тот выкрикивает в мой адрес обидные слова, улепетывает, а я его не догоняю, беру из-под ног камень и бросаю в убегающую спину. Есть! Больше не оскорбляют – боятся. Могу ведь и другой камень кинуть. Потом эта способность принесла пользу школе. На городской спартакиаде метал гранату. Там меткость не нужна, главное – подальше и чтобы в сектор попала. Дальше второго мужского разряда не ушел, и не надо было, но меткости добился феноменальной.

С бабушкой все получилось нехорошо. К моему девятому классу отец построил свой дом. Мы переехали, но я по-прежнему спал с бабушкой в одной комнате. Она уже была в возрасте и часто болела. Характер у нее стал тяжелый, вспыльчивый, терпела только меня. Как она меня учила, любовью и лаской можно договориться обо всем. В жизни не чувствовал столько любви! Правда!

Подойду к ней вечером, потрусь об нее носом, обниму, поглажу по голове. Кожа сухая, ломкая. Коса у нее была седая, длинная, волосы тяжелые. Расплетет ее, на ночь расчесывает полукруглыми крупными гребнями. Их у нее было несколько. Сейчас таких не делают. “Этот мне моя мама подарила. Я тогда за Петра замуж выходила”, а этот Петр. Белые волосы электризуются, потрескивают при расчесывании. Потом закроет глаза и начинает рассказывать про свои обиды. “Маленький, любименький, ты еще не все понимаешь”. С половинкой рассказа согласен, со второй – нет, так и говорю: “Бабуля, капризы”. А она прошепчет: “Наклонись ко мне, умненький дурачок!”, обнимет, поцелует, молчит. Что бабуля пахнет нехорошо, слышал. Плевать! Целую и слышу, как тикает ее сердце. Ее время покрыло лицо морщинами. Умное старое лицо – я его очень люблю! И вот однажды, когда меня не было дома, ее отвезли к маминому брату в Одессу. Дескать, мы свое хлебнули, теперь ты неси крест. Я не мог ничего изменить. А ведь лукавлю! Потом понял – для меня это не просто факт. Если бы я уперся, лег костьми – отстоял бы ее!

В тот раз впервые на моем дне рождения не было бабушки. Щенячье чувство тоски. Полгода ее не видел, а когда собрался, вдруг узнал, что уже надо ехать хоронить. Что ускорило неизбежное — не знаю. Первое сильное потрясение детства, какая-то злость на себя. Время – это не только месяцы, дни, часы, минуты. В детстве время неразрывно, напряжено. Если есть любовь и желание, время растягивается, не тикает, не спешит. Делить время разумом стал человек. И откуда у него разум? Сомневаюсь в ответах. А любовь не делится – она непрерывна.

Похоронили. Для меня это был шок. Какой-то полусон с острыми кусками воспоминаний. Кладбище в степи, где-то под Одессой, на пригорке среди оврагов. Вдалеке в дрожащем мареве – грязно-белые пятиэтажки. Середина сентября, солнечный день, синева неба, слабый степной ветер, бурьян весь жухлый, задушен оранжевой повиликой. Снуют муравьи. Пахнет вывороченной из земли сухой глиной, много кошек, жарко. Поблизости ни одного высокого дерева, только мелкие туи и жердели[7] с вялыми листьями. Высоко в небе парят чайки и стрижи. Чайки кричат. Они всегда голодные. А вот вблизи ни одной птицы, кроме галок.. Галдят. Кошек, что ли не боятся? Относительно тихо. Стояли вчетвером: я, мама, папа, мамин старший брат Виталий. Все молчали. Но это было искренне и красноречивее слов. И помню, что никто не плакал. По дереву крышки мерно застучали комочки глины... Двое с лопатами ушли. Лопаты отполированы и блестели на солнце. Чаек нет. Галки тоже пропали. Стало очень тихо…

Плохо мне тут стало. Вырвало… На всю ее тяжелую большую жизнь легли венки: “От сына…” и “От любящих…” Зажгли свечи. Ветер пару раз тушил огонь, свечи снова зажгли и укрыли. Потом кто-то “что-то”, потом я что-то сказал, потом сказала мама. Хорошие горькие слова! Я смотрел на глиняный холмик с крестом, на белую табличку с родным именем, на белые хризантемы и красные гвоздики, на стандартные венки. Глядя на нижнюю косую перекладинку креста подумал: как же у Спасителя ноги стояли по-разному. Подогнули, наверное. Страдал ведь. Глаза поплыли, но я глядел на старших и не плакал тоже. Держался. Все мне казалось нереальным, зыбким. А ночью сорвался, завыл в подушку, чтобы никто не слышал. Зрение у бабушки Феси было хорошее до самой смерти, очки не носила. Но перед смертью мне ничего не написала. Тело у нее было уже немощное, но до конца был светлый разум, могла бы и написать.

Сколько я с ней в последние годы по ночам говорил! О старости, о вере, о любви и жизни, о детях и о долге. Обо всем, насколько мое скудоумие тогда позволяло. Многое я не понимал, просто врезалось в память, но таких ясных и простых суждений больше не слышал. Может, был моложе, ум еще не закостенел от формальной логики, да и ее суждения относились тогда больше к прошлому. А настоящее-то из чего вырастает? Расспросить обо всем не успел! Жаль!

Прошли годы, близкие ушли, где ее могила – не знаю! Идиот я. Почему-то раскаяние или сожаление, сожаление по-моему сродни эгоизму, набрасывается на нас, когда человек ушел навсегда. Спохватываемся всегда поздно. Как же мало мы ценим тех, кто нас любил! Жизнь жестока, только в детстве кажется нам добренькой, справедливой, но мы ее обязаны прожить. Увы, нам ее не переделать.

[7] Дикие абрикосы

Один раз видел сон. Лето, ветер в лицо, жарко, запах сухой глины, сухого бурьяна, бабочки летают. Из дымки над лиманом ко мне приближается и улыбается моя бабушка: “Идешь на рыбалку, дурачок, ведь ветер горишняк, и червяков еще не накопал!” Проснулся. Ложное чувство, что со мной это уже когда-то было. Не первый раз меня такое посещает. А у нее справа была дырка в переднике. Всегда смеялась: “Как помру – заштопаете”. Вот с этой дыркой и привиделась. Больше она мне не снилась. Никогда.

Живым стараюсь не дарить красные гвоздики и белые хризантемы… Воспоминания печальные.

Старших уже нет. А сколько младших я уже похоронил! Теперь я старший. Дети, внуки… Жизнь такая короткая, увы, частенько глупая и несправедливая. А почему? Я не знаю. Дни сыплются как плоские белые косточки из сладкого болгарского перца, некоторые еще цепляются за мякоть. Не все в ней, жизни, понимаю… Рождением я обязан маме и папе, а вот воспитанием – бабушке. Ба, люблю тебя. Очень! Как же я тебя не ценил! Прости...

Москва, Одесса, Аккерман, лето 2009

Балта. 1950 г. Вся семья. У бабушки на коленях самое ценное – дохленький головастик

Фаршированные раки. Рецепт моей бабушки

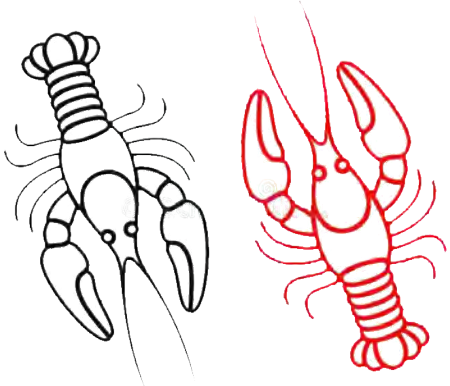
Кто-то мне говорил, что ему нравятся жареные болгарские перцы. А я к такому их приготовлению равнодушен. Мне лучше свежие, с зеленцой, не полностью красные Кстати, в Испании такие перцы дороже совсем созревших. Помидоры оцениваются аналогично.

А вот раз бабушка мне сделала с перцами фантастику. Летом, где-то между 9-м и 10-м классами я наловил раков. Как обычно, руками, до осени их лов рачницами запрещен. А в августе раки уже довольно «спелые», аппетитные. И хотя нельзя, но незапрещенными средствами лова можно. И вот она мне сделала перцы, фаршированные рачьим мясом из их шеек, с петрушкой, черным молотым перцем и морковкой. С тех пор такое блюдо не пробовал. Мало кто верит, что такое существует. А были еще "просто" фаршированные раки. Нравились больше экзотического фаршированного перца. Баловала меня бабушка, баловала. Но, хоть внук я был и один, спуску не давала. Балуйся, пока ребенок, но знай меру.

Рецепт таков. Варится пшено почти до кондиции, петрушечка, укропчик, чуть-чуть молотого черного перца. Но чуть-чуть! Можно капельку сахара, но мне это не понравилось. Отдельно варятся раки. Практически до готовности. Охлаждаются немного, чтобы можно было взять в руки. Отламывается у рака одна клешня, поднимается спинка, вычищается, туда кладется столовая ложка пшенки с приправами, спинка опускается и «защелкивается» как скрепкой (или как вилкой) отломанной клешней. Опять мин. 5 варятся. Соль - по вкусу. Пшено пропитывается рачьим соком! Вкуснятина! Никто не верит, что бывают фаршированные раки. Однако, это рецепт бабушки.

Раки есть — пробуйте. Приятного аппетита. Правда, я – без иронии. Искренне. Только есть нюансы. Таких крупных раков, как тогда в Днестровском лимане, я не встречал. А можно ли так готовить мелких – не уверен. Один раз в Аккермане, уже после бабушки, попробовал. Было вкусно, было пиво «Янтарь», раки были с базара, но мелкие. Думал, что получилось. Вместо столовой ложки пшена – чайная. Раки ведь мелкие. Увы, того удовольствия уже не было, несмотря на пиво. Но у вас должно получиться! Уверен, что никакого секрета у бабушки не было. Рецепт точный.

23.07.2023



Надежде Кареткиной

“Очей очарованье”

Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса…

А.С.Пушкин

Середина русской осени. У Звенигорода на высоком холме стоит Саввино-Сторожевский монастырь. Обожаю это место! Много видел красивых мест, но здесь все родное. Хватает за душу. Здесь вы не найдете выпирающей красоты Италии. Нет обволакивающей плавности холмов Тосканы, строгости Вероны и Рима, влажности и какой-то дымки Венеции, красочности Амальфи и грязной белизны Неаполя, молчу про красоты Испании, Греции etc. Здесь – наши простые овраги, русла стариц, леса на горизонте. Скромная красота. Некрикливое осеннее средне-русское “диво”. Стою, опустив руки. Багрец и золото палых листьев на зеленой траве. Как же хорошо!

Хладную, прозрачную красоту осени не портит даже пасмурный день. Вид с холма замечательный. Если приглядеться, то планов семь можно насчитать. Попробую...
1-й: трава на обрыве. 2-й: четыре дерева. 3-й: подножие холма, высохший пруд с ветлами. 4-й: высохшая старица. 5-й: коттеджи. 6-й: лес справа. 7-й: косая синева леса на горизонте.

Снимок украшают деревья на 2-м плане. Береза в центре, осина и дуб на флангах. Гармония! Дуб и осины уже побиты “золотом”. Трава еще нет. Ветки и ствол березы белыми костями просвечивают сквозь тело дерева. Листва опадает, но как бы не дул ветер, жизнь сильна, возродится, весной зацепится за “кости”.

Сам монастырь в этот раз не произвел яркого впечатления, почти все на реставрации. В Троицком соборе понравились: новый иконостас, повторяющиеся росписи над арками в приделах, запах ладана. И вежливость дьякона, намекнувшего на отсутствие платка на даме. Редко так тактично говорят.

А вот природа вокруг! Ее невозможно повторить. Она разная и всегда красивая! Нечто!

Остановились по дороге в Москву. Отдаленный шум машин на шоссе. В лесу темновато, осень не радует красками. Слишком много желтой. Но сколько же в ней оттенков! Лес пропах грибами! Ау! Ты где? Иду к тебе.

Вторая волна опят, но они уже перезрели, пахнут сладко. Из жадности все-таки набрали “немножко”, ножки выбросим, а шляпки сгодятся!

Жизнь не изменить. А зачем? Она и так прекрасна. “Очей очарованье” помню, калейдоскоп жизни проворачиваю… Спасибо за прекрасный день! Побольше бы таких! Будут? Будут!

03 октября 2010, воскресенье. Звенигород – Москва

Коломенское

Нашим однокурсницам Надежде и Лейле

Чудный день сентября! Вчера было прохладно и хмуро. Наперекор бабьему лету сыпался мелкий противный дождик Но, наконец-то, на день воскресенья природа обнажила душу, ласково повернулась к людям.

Холеная трава в яблоневых садах. Разрешено бродить меж деревьев. Невероятное чувство отрешенности от Города. Он где-то далеко за оградой, у 176-го столба, где оставили автó. Всюду солнечные пятна света. И всюду чистота. Невероятно, но это так! За все время наткнулись только на один окурок.

Наш путь - вниз и вверх по деревянной лестнице через глубокий овраг. По легенде, на дне его, у родника останавливается время. Немного постояли – опять затикало! Маленькое у нас $t_{вверху} - t_{внизу} = \Delta t$. А после пути вверх сердце повысило герцы.

Раздвинув хлопья курчавых облаков, в синеву неба вонзается белый шатер церкви Вознесения. Бывают ведь церкви и другого цвета. Не белого. Почему большинство церквей скрывают под белой окраской натуральный цвет кирпича, камня? Антипод темным моментам жизни человека? Не знаю.

Сказочно красиво. Нет византийской приземленности, давящей монументальности псковских, новгородских и владимиро-суздальских церквей. Церковь Покрова на Нерли – особый случай. Здесь у нас не пламенеющая готика, архитектура другая, но элементы готики есть, проглядывают, хотя нигде я об этом не читал. Храм тоже стремится вверх всеми своими гранями,

килевидными закомарами, ромбовидной насечкой шпиля. Гульбище, конечно, пристроено позже. Форма колонн, закомары, пилястры другого стиля. Храм уникален. Доминанта – вертикаль, храм рвется ввысь!

Лысый мирянин в белых носках, лежа на зеленой мураве, любуется белой красотой сквозь темные очки. Мне кажется, красоту, совершенство форм можно почувствовать только в черно-белом варианте. На цвет не отвлекаешься. Нет конфетно-леденцовой раскраски Василия Блаженного.

Насытившийся рукотворной и нерукотворной красотой взгляд упирается в уродливые параллелепипеды домов на том берегу Москва-реки. Все правильно: прекрасное не должно быть размазано пò миру, иначе его ценность теряется.

Когда весной зацветут яблони, постараемся сюда вернуться!

19 сентября 2010, воскресенье, Коломенское, Москва. Доработка 21сентября 2010

Каролино-Бугаз

Вечер. Первый день осени, мой день рождения. Море и я, мы вместе. При купании нагишом можно будет не учитывать присутствующих вдалеке. Одинокая парочка в 100 м. от меня – не в счет. На западе, поджигая края туч, загорелся закат. Уходящие лучи подсвечивают два сухогруза у гирла Днестровского лимана, прогулочный кораблик, песок безлюдного пляжа, стекло пустых бутылок. Пока ничто не предвещает дождика. Над далекой чертой горизонта засветилась Венера.

Бахрома туч догорела и исчезла. Набрасываются быстрые южные сумерки. Кораблик исчез. Темная пелена сомкнулась и затянула небо. Ко мне тянутся по морю лучики кораблей и вспышки маяка. Только сейчас увидел море черным. Как там в старой песне: «Самое синее в мире Черное море мое». Море густеет, сливается с небом, спокойно, длинно вздыхает, откатываясь с пологого песчаного берега.

Вечерняя прохлада и начавшийся мелкий дождь смыли парочку. На всем протяжении пляжа я один, уходить не хочется. Разлитое вокруг спокойствие вливается внутрь вместе с запахами моря и вечернего лимана. Дельта реки растеклась синими венами по руке. Живая паутина пульсирует, накапливается в подушечках ладоней, стекает струйками спрятавшихся под кожу сосудов.

Одиночество оттачивает глубинные чувства. Как там у Ларошфуко: в обычном сознании человек даже не предполагает об их наличии.

Пальцы машинально просеивают неостывший песок дюн. Странно, но комаров нет.
Тепло и тихо. Выщербленная дождем гладь моря возникающими из ниоткуда волнами гложет прибрежный песок. Волны медленно-медленно, почти нехотя, вылизывают темень берега, устало шипят, лижут ноги, пузырятся у крупных ракушек и откатываются обратно. К утру затихнут и они. Море задремало. Королями по километрам пустого пляжа ходят чайки, дерутся, кричат друг на друга, подбирают черствый хлеб, потом победитель несет его отмокать. Безграничное спокойствие. Чувство, что я снова дома.

И сверху, и снизу – мокро. Погрузил свою наготу в ласковое море, вблизи оно – не черное. Светится. Здесь вечером теплее, чем на суше. Мелкие креветки тычутся в ноги, щекочут, налетают безобидные медузы. Я – на косе, в нескольких десятках метров от берега.

Ленивый бриз играет метелками камыша над солончаковыми озерцами. Лягушек не слышно, в соленой воде они не желают жить, глотки не рвут. Над самой головой крикнула чайка, похоже “мартын”. К моему удивлению, наступившие сумерки выдают еще свист и хлопки крыльев несущегося к лиману клина уток. Молодняк учат летать! Мамаша спешит к отлету или сошла с ума. Слишком педантичная.

Дрожат размытые дождем огни маяка у изгиба гирла, под низким углом огни сухогрузов на рейде бликуют на световых дорожках, на гладких и длинных, без барашек волнах пляшут искорки света, подмаргивают окна домов в поселке над обрывом. Чайки уже не летают. Темно.
Болтает тело море и пощипывает соль. Красота! Не хочется думать ни о чем! Жалко, что Пушкин писал стихи о море сверху, не изнутри моря. А мне слов не хватает.

Пора выходить к дюнам, одеваться и идти домой. Сегодня день рожденья и у Любы, жены школьного друга. Босые ноги приятно продавливают влажную, прохладную корочку песка. После долгой разлуки грустно видеть знакомые места. Чувства вздыбились. Это – моя родина. Здесь прошло мое детство! Знаю, при каком ветре будет холодно или тепло, будет или не будет дождь. Но не знаю, что будет завтра со мною. Настоящее красиво, а будущее не страшно. Жизнь оставляет надежду…

Мерные вздохи откатывающихся за спиною волн удаляются с каждым шагом. Море дышит как живой организм…

Темень дороги убаюкивает, надо обуваться. Дождик не прекращается, все моросит и моросит, накапливается в листве. Ветерок чуть-чуть усилился. Раскачиваются выросшие из детства тополя, в прибитую влагой пыль дороги плюхаются крупные капли. С какой-то базы отдыха доносится запах жареной рыбы. Да, сегодня ведь суббота! Последние отдыхающие. А рыба-то пригорела!

Мерцающая мокрая тьма, тусклый свет станции, пустобрех собак, лягушки, блестящие от дождя рельсы, гудок, дрожащие провода и удаляющийся стук колес последней электрички на Одессу.

Неподвязанные кусты винограда с черными кистями и перехлестнувшиеся силуэты деревьев за оградой…Вокруг – только природа. Голова пытается думать. Напрасно. Никакого смысла! Жизнь внезапно повернулась и напала на меня. Прошлое – со мной. Взбаламучено и улеглось не все. Прочь “тоску неясности”! Семьдесят шесть ступенек лестницы – и я над обрывом, дома. Там ждут друзья, я там не чужой.

С днем рождения меня и Любу! Нельзя расслабляться. Море и я, мы – вместе, завтра и потом обязательно вернусь. Пока, пока…

Подогретые шмурдяком* пары выталкивают из придорожного кафе хриплый мат. Теплую темень пронзают огоньки сигарет. А вот и диагональ корявого асфальта к дому, штрихи дождя под фонарями. Я уже мокрый. Романтика кончилась. Вблизи окна не мерцают…

01.09.2007 – 15.08.2008

Виталий Гнатюк

Рукопись, найденная в бузине

Севе от Вити. Пародия

Смеркалось. Вечерело. Стемнело. Я, как обычно, тихо вышел из себя и медленно побрел по самому краю жизни прямо к мерцающему вдали лиману.

Родная до последней капли вода ласкала побитые невзгодами пятки и запястья…
Лепота! Где-то рядом крикнула чайка, скрипнула галька, тявкнула лайка, вспугнув уже было задремавшую жабу. Под ногой хрустнула палка, мимо прошла Галка.

О, эти женщины! Сколько же в них коварства и любви, ласки и рукоприкладства. Впрочем, к чертям бы их послать, так чертей жалко. Выживут ли? Нет ответа. Нет привета. Нет комаров. Тепло, темно и счастье на подходе – дожить бы…

В надвинутом на лоб небе тихо прошелестела звезда Паустовского. А вот и Пришвин, и Бианки, и даже Мамин-Сибиряк негромко скрипнул обоими крыла́ми…
Жизнь продолжается…
Не дождетесь!

01 сентября 2008 г

Виталик, спасибо!!!

Опубликовано в еженедельнике “Городской ритм”, № 30(34), 2 авг. 2007. г. Троицк

*крепленое домашнее вино "на продажу"

Папе

Белая печаль

У каждого бывают дни, которые отнимают годы и врезаются в память намертво. Для меня – это дни потери самых дорогих мне людей.

Прошло четыре с половиной года, но те дни не выветрились из памяти, помнятся до мельчайших деталей. Пережитое иногда выдергивает из суматохи настоящего и выворачивает наизнанку мое “я”.

Стыд за причиненные родному человеку обиды, ледяное ощущение неотвратимости потери, горечь бессилия перед временем, сожаление перед упущенными возможностями дарить ласку, заботу – и снова стыд гложут душу.

Я на юге Одесской области, в Аккермане, что по-турецки означает Белый Камень, в бывшей столице бывшей Бессарабии, в родном отцовском доме. Города с таким именем давно нет на карте. После 1944 г. он называется Белгород-Днестровский. Но в детстве мы называли его так.

Вот и закончилось ужасное для меня Светлое Пасхальное Воскресение 2002 года. Инстинкт жизни возвращает к жизни. Уже шестое мая, понедельник, пора возвращаться в этот мир…

Чудесная южная весна. Выхожу из дома и погружаюсь в теплый бархат бессарабской ночи. Бухает глухо сердце. Ни ветерка… Помню, что в школе учили: “Выхожу один я на дорогу…Что же мне так больно и так трудно?..” “Плохая им досталась доля: Немногие вернулись с поля…” Любимый батин поэт.

Поймал себя на том, что хожу давно. Устал, у живых это бывает часто. От угла дома, где яблоня, до угла дома с черешней, под которой через два дня будем прощаться с отцом, 27 шагов. Поворот, снова поворот. Сколько “намарафонил” циклов – не помню. Много…

Узловатые виноградные руки изабеллы цепко обвили яблоню. И лоза, и яблоня – старые, почти выродились, но ухватились за жизнь, друг за друга. Вдвоем легче. Сдаваться и не думают. На лозе – молоденькие листики, а на корявых, полузасохших, побитых морозами яблоневых ветках – цветки.

Отрешенное, потустороннее сознание. Рваный ритм бытия. Обостренное чувство времени. Время то замирает, то убыстряет ход, распадается на мгновения. Все чувства удлинились и приобрели какую-то хрупкость, рассыпчатость. В кулаках моих зажата пустота. Поднимаясь от рук, от ног, холодок одиночества накапливается в груди. Тяжело и скверно. Рассудок, придавленный переживаниями прошедшего дня, болезненно остро ощущает окружающий мир, воспринимает его как нечто иное, пока чуждое мне. Нет, мир не перевернулся, но для меня он уже другой. Как бы мне хотелось, чтобы рядом был кто-то родной, живой, близкий! Живой, свой, рядом! Прикоснулся бы ко мне… Увы...

Опустошенный взгляд перескакивает с одного реального предмета на другой, фиксируя всякие мелочи. Вот старые отцовские ботинки, вот секатор для обрезки винограда, вот пачка перевязанных лентой почтовых открыток, которые сотнями присылали маме ее “дети”, у которых она была “классной мамой”. Вот… Все родное! Одиночество оттачивает чувства, но…

Но вернулся ли я в этот разорванный на «до» и «после» мир или нет?!

Протираю глаза. Вернулся. Прижимаюсь спиной к дому. Сколько же прекрасного пролетает мимо, прячется в скорлупе обыденной жизни! Смотри на все с мыслью! Идиот! Слушай ночь! Чувствуй! Каким же дураком был ты до этого!

Темно. Рассвет еще не наступил, но уже чувствуется. Густой запах сирени. В кронах высоких кленов, с юго-запада и с запада обступивших дом, сквозь чуткий птичий сон гугукают горлицы.

Фонари на улице не горят. Экономия. Потускневшие к утру низкие южные звезды освещают сад вокруг дома. Мерцает перевернутая “М” Кассиопеи. Большая Медведица уже скрылась за соседским домом.

Призрачный бесплотный свет не дает длинных теней, полуголые ветки вишен и груш чертят на вскопанной земле короткие, тонкие, изломанные тени. По всему саду в полутьме печальными слезами белеют лепестки отцветающих яблонь. Прощальный салют в честь отца! Уже на земле! Под абрикосами и черешнями, под сливами и персиками – везде разнесенные ветром белые точки, расплывающиеся в моих глазах.

За забором во мраке под сиренью дерутся и орут аккерманские коты. Март прошел, но орут искренне. Ода жизни! Залаяли псы по всему кварталу. Нехотя, соблюдая статус большой овчарки, пару раз гавкнул за виноградником мой друг Джерик и замолк, исполнив свой собачий долг.

Как им не надоест! Бросил пару камешков в кусты сирени, но без результата. Видимо, разборки у котов серьезные. Не замолкли.

На станции пересвистываются маневровые тепловозы… Под одиноким неярким фонарем на углу дома кружится в причудливом хороводе всякая насекомая мелюзга. Обжигается, падает, описывает замысловатые траектории, опять падает, – но снова сквозь изабеллу и яблоню упорно рвется вверх, к иллюзии жизни, к свету.

Похожий на маленького гепарда, с непропорционально вытянутым туловищем и длинным хвостом молодой кот Тимка сидит рядом со мной. По причине возраста разборки старших собратьев за забором его мало трогают. Как и все коты, он сам по себе. Из вежливости мурлычет, когда я его глажу, но важнее для него все-таки наблюдать за тусовкой у фонаря. Трагедия моя его не касается.

Равнодушной жизни до моей невосполнимой потери нет дела. Жизнь продолжается. Без любви ко мне, но и ради меня тоже. Я для нее – только статистическая единица.

Чувствую тиканье часов в комнате, где отец проводит свои две последние ночи в построенном им доме.

Воспоминания, письма, честь и долг – вот что остается мне, – это главное. Теперь я старший в семье, и не один. Дети, внуки… Это – закон жизни, закон вечности.

Но вечность – не жизнь! Вечность – холодное порождение разума! А жизнь – это теперь, это здесь, сейчас! Теплый пульс плоти, преемственность, потери, безрассудство, ошибки, страдания… Не просто обмен веществ, а что-то более глубокое, глубинное. Не зря ведь вечность изобрела жизнь. Понятия скорби, чего-то человеческого, мимолетного для вечности чуждо, тут что-то другое, что я не могу понять. Но, опять же! Почему, почему?? Ответ ускользает. Снова запутался. Вопросы – безответные…

Парень, хватит! Минуты слабости прошли! Жалко, что я крещеный – и не верующий. Им легче. Легче? Вряд ли. Рассудок что-то буксует в колее вечных вопросов…

Но было ли бы мне легче с верою? Не знаю. Возможно. Если вера – решение вопросов рассудка. Но так не бывает. С возрастом неизбежно упираемся в вопрос о смысле жизни и … либо уходим от ответа, либо себя обманываем. А впрочем, у каждого – свое решение.

Коты за забором затихли. Нашли решение своих проблем. А вот я не нахожу ответа на свои вопросы, я – против того, что мне принесло время. Мое alterego иногда живет в том времени, когда деревья в саду были маленькими, а мир – большим. Мне скверно, нутро вскипает.

Неожиданно… Перед глазами томик Лермонтова с отцовскими закладками и пометками. Как я ранее не старался, только сейчас, с возрастом, смысл фразы “Как будто в бурях есть покой!” с восклицательным знаком карандашом в конце стал до меня доходить! А у бати во многих местах были такие пометки…Пытаюсь его понять. Все смешалось… Не могу…До бури или после нее покой? Когда все разрушено. Когда белеет от лепестков земля. А так ли? А какого хрена лезет в башку эта ерунда? Ерунда?! Да дурак я! Ничего не уразумел. Мысль пролетела мимо. Только сейчас начинает доходить. Ничего созидательного, ничего разрушительного? Ну и что! Что мне до этого колобродья очнувшихся недодуманных мыслей!

Да нет же! Точит червяк душу! Хватит! Рассудок начинает сдаваться. Мое робкое несогласие с неизбежностью исхода сначала отступает и вскоре совсем исчезает. Мысли путаются, затухают. Мне их тяжело контролировать, нервы рвутся, вторые сутки без сна.

Сознание ускользает. Надо отдохнуть. Оказывается, жестокая жизнь изредка бывает гуманной. Понимает, наверное, что без живых жизни нет.

Возникла в ошалелой башке еще одна мысль. Смотрю на виноградник. Сливы и яблони растут в симбиозе с виноградом. Персики и абрикосы – нет. Почему – не знаю! Как же мне далеко до отца! Хотя, кое-что от него перенял. Самое благодатное, на мой взгляд, – это ценить и выбирать друзей.

Тимка куда-то исчез. Кот есть кот. Ну неинтересно ему с homo sapience. Такая же божья тварь, как и все в Ноевом ковчеге. Тоже имеет право на бытие.

Очередные 27+27 шагов…

Ночь ушла. Светлеет. Растаяли в небе веснушки звезд. Темнеют силуэты кленов на западе, а с востока полоска зари подожгла кружево ветвей. Вдруг на улице, как бы показывая абсурдность сиюминутного бытия, в предрассветной дымке зачем-то зажглись фонари.

Свежий утренний юго-восточный бриз набирает силу. Запахи мая! На смену запаху сирени приходят и уносятся бризом другие. Пряный аромат трав, цветущих яблонь, резкий запах молодой листвы – все вытеснило горько-соленое дыхание моря. Удивительно: сытный воздух города и нагретых причерноморских степей сдается почти сразу, стоит только подуть посланцу Посейдона.

Затрепетали, засеребрились листочки на пирамидальных старых тополях. Раскачивающаяся верхушка одного из них то обнажает, то скрывает бледную, не успевшую состариться после Пасхи молодую круглую луну.

Завертелись, заблестели узкие полоски фольги на черешне. Черешня – ранняя, сладкая. Сколько же хлопот она бате доставляла! Одним из таких способов отец пытался защитить ее от скворцов и сорок. Но умные птицы в отместку метили стоящее в распятой позе старое пугало с ведром вместо головы и плевали на все ухищрения! Урожай всегда делился между природой и человеком.

С криками, почти задевая тополя, борясь с ветром, правым галсом понеслись к морю на распластанных белых крыльях чайки с лимана.

Делаю последний “цикл”. Не слышно ни людей, ни собак, ни криков чаек. На малой высоте они всегда кричат, если хотят есть либо испуганы. Никого. Только бриз полощет листву тополей да где-то неподалеку пропел проспавший утро петух. Природа задумалась перед рассветом. Выкарабкивается солнце. Город еще спит.

Как тихо снаружи! А в голове моей безмолвно кричат невеселые мысли…
Пора бы все-таки немного “забыться и заснуть”.

Тоска в себе жжет душу. Каждая вещь, каждая мелочь в доме дышат прошлым. Все мы не хотим стареть. Стены комнаты хранят время – фотографии. Из минувших лет с улыбкой на меня смотрят молодые папа и мама. Как же они меня любили! А вот и я в двухлетнем возрасте.

Вспыхнуло в памяти детство, счастливое и как-то незаметно ушедшее. Лобастый пацаненок с серьезным взглядом, в клетчатом картузике, насаженном на большие уши, пухленькие пальчики вцепились в байковую курточку. Из прошлого – серьезные лица. Никакой радости бытия. И почему этот снимок, на котором ощущаю себя маленьким идиотиком так нравился маме?

Отец уже не похож на свою фотографию. Черты заострились, что-то от усталой измученной птицы. Глаза ему закрыл, лицо повернуто ко мне. Поправляю ненужную подушку, глажу сложенные на груди такие худые по сравнению с моими руки, целую, целую уже холодный лоб, шепчу ласковые слова. Накатывает на сердце медленная горячая волна, выдавливает, выдавливает из глаз слезы. Хлынуло! Слезы меня не слушаются, льются по щекам, бегут – так легче, не могу сдержаться... Капают… “Возвращается боль, ей некуда деться”. Твою боль беру на себя. Пока я – один. И не пойму я, почему плачу. И не жалко мне себя! И не о себе я плачу.

Время разорвалось на “до” и “после”. Глухую тишину комнаты рассекает, расчленяет на секунды маятник часов на стене. Не вытащил батарейку – и вот он смачно тикает, отмеряет уже только мое время. Жизнь неумолима. Каждый рожденный обречен уйти, и нету здесь безысходности.

В сумрак комнаты сквозь неплотно задернутые шторы проникает луч солнца. Там, за окном, уставший шептать тополями бриз прижался к земле и перекинулся на листья черешни. Серые тени – отражения реального мира – пляшут на стене у моей головы.

Нас пока трое. Двое живых: отцовский сад и я. Синхронно с наступающим светом дня и растворяющимся в нем лучом уходит сумрак. Пляска теней медленно-медленно от меня отдаляется, переходит на шторы и вместе с пляшущими в луче пылинками исчезает. Комната залита светом.

Бриз убежал. Всепроникающий запах сирени… Мне нравится. Сирень, цветущая яблоня, вечерне-утренняя маттиола – любимые мамины запахи. День будет жарким. Поспать, поспать, ну хотя бы час! Надо быть сильным!

Свет режет глаза. Проваливаюсь в белый печальный сон… Стены исчезают в белом свете. Все еще может быть, но все уже было… Странный сон. Хочу проснуться, но я – там, где меня нет, я – в саду. Мир распахнулся и снова стал большим. Время жить, и я – не один!

Все двери в доме открыты, долетают звуки просыпающегося города. Скоро придут друзья отца. Эстафета передана. Они теперь и мои тоже.

Пока три Парки прядут и ведут нить судьбы и не обрывают ее, Совесть, Память и Вина всегда со мной. Папа, мама, пока! Благодарю! Я жив, я вас люблю.

Всю большую семейную библиотеку отдал в мамин техникум. А папин томик Лермонтова всегда со мной. С его пометками и закладками.

Москва, ноябрь 2006 г.

Одесская область, г. Балта, 1951 г.

Май 1967 г. Белгород-Днестровский

Деревня Ломижено

Перово. Уже поздно. Не спится. Девятый этаж, раскачиваются чахлые верхушки необрезанных московских тополей. Неделя еще не прошла, как я был в деревне, сон отгоняют воспоминания. Сквозь приоткрытое окно влетает незатихающий шум мегаполиса, помогает бессоннице. Трамваи, режущий уши скрежет покрышек перед светофором, ругань на скамейках и визгливая автосигнализация. Глаза открыты. Ветерок беззвучно шевелит занавеску, играя тенями на потолке. Неужели это мой ареал обитания…

Около Невеля на юге Псковской области есть поселок со смешным названием Опухлики. А недалеко от Опухликов стоит деревушка Ломижено. Пара десятков дворов, оживающих весной и замирающих на зиму. Озерный край добрых людей и необыкновенной красоты природы. И тишины! Плотной, звенящей!

Я – там! Завораживающая тишь. Начало мая. Просыпаюсь ранним утром от пения птиц. Еще не убежало тепло из-под двух одеял. Уходят усталость, взволнованность и раздражение последних дней. Хорошо, что поют птицы. Нет тревоги от их безмолвия. Слышу соловьев, трясогузок, щеглов, синиц. Знаю только этих. Вороны, кукушки и дятлы не поют. Кто же выдернул меня из дремоты своими резкими криками? А ведь спасибо этому созданию!

Выхожу на крылечко. Солнце только подымается. Всюду молодая зелень. Обманчивое весеннее чувство: жизнь только-только начинается. Под косогором в утренней прохладе светлеют березки. Над густой травой, покрытой обильной росой, полоски тумана тянутся в сторону леса, едва видны закрытые на ночь одуванчики и барашки, какое-то неспешное чувство жизни. Близкий взгляд ловит капельки искрящейся влаги, свисающей с кончиков листьев. Возле сруба бани цветут три сливы. Лепестки не опали, держатся крепко. Шмели уже “на работе”, обманываются, летают над землей, пока им трудно найти желтые раскрытые цветки. Мечутся, гудят, натыкаются на теплоту моего тела, шарахаются.

Перед холмом изгиб древней деревенской дороги и одинокая высокая ель с молодыми шишками и вороной на лысой верхушке. Нет, здесь нельзя класть асфальт!

Птицы всех будят. Проснулись козы на холме, тявкнула собака. Красота утра завораживает, но мир, увы, не спасет.

Неподалеку, сквозь листву молодого мокрого леса блестит бело-синяя гладь озера. Стук крыльев по воде и клекот лебедей будут днем, а сейчас – трели брачных песней соловьев и горчащая душу перекличка кукушек на берегах озера и краях деревни. Посчитать – невозможно, кукуют одна за другой и со всех сторон. Весны надышались! Много кукуют, издеваются…

Слишком рано, скамейка не просохла. Красиво, но очень зябко. В пустоту полупроснувшейся башки вторгаются только птицы. Зеваю, слово “опухлики” не выходит из головы, провоцирует, тянет ко сну. Тем более, что птицы чуть-чуть утихли и баня не остынет несколько часов. Поспим немножко. Доброе утро всем!

Перово. Уже поздно, не спится. Прочь сладкие воспоминания, хватит мечтать, скоро на работу. Спать!

14 мая 2008 г., ночь, Перово.

Бабушке Кире Анисимовне,92-х лет

Дорога к храму

Забавно, но почему-то желание осмыслить прошедший кусочек времени внезапно возникает, когда мое тело в движении. Для меня как физика первый о теле – первый закон Ньютона. Электричка, самолет, метро – не важно. Главное – состояние движения.

Вот и сейчас, пребываю в состоянии движения. Инерция жизни. Копыта колес отстукивают ритм – память тут как тут! Метро. Полезли воспоминания…

Конец октября, чудная погода. Обманчиво повеяло теплом. Ночью прошел дождь, мокрый асфальт блестит поворотами. Идем к храму, многие идут пешком. Идем осторожно. Бабуля хоть и бодрая, но осторожность лишней не будет.

Есть еще время подумать, прямая дорога к храму не дана никому. Солнце слепит глаза. Пронзительный, холодный лес в низинах. Везде – прозрачность осени. Сзади остаются неровные края асфальта дороги. Справа – жухлые, с остатками зелени крылатские холмики с оплывшими после дождя ручейками глины и растоптанными тропинками, слева – сквозь черные лысые плети осин проглядывают голые клены и березы. Легкий ветерок шуршит ненужными, задержавшимися листьями. “Пышное природы увяданье” прошло, сквозь ковер опавших листьев проступают последние островки зеленой травы. Впереди – синее небо, лазурь колокольни и четверик храма с отблесками золота куполов на высоких барабанах. Синева, золото, лазурь – три цвета спустились на землю.

Холодный рассудок фиксирует мелочи, все врезается в башку. Ну нету, нету теплоты чувств. И не судите меня за это. А пожалуй, в смысле архитектуры интересна только колокольня. И именно третий ярус со звонницей, переходящей в шатровое навершие. Четверик обычный, правда, отреставрированный. Типично русский стиль конца XVI – XVII в.в., но красиво. Стилизованные поребрики между ярусами, кокошники над арками проемов звонницы. Белые двойные пилястры нижнего яруса переходят в полуколонны второго и третьего. Красиво все-таки! Умели ведь и до Церетели.

Молчат вороны на крестах храма и деревьях за апсидой. Побежали мысли. Шум города сюда не доходит. Гляжу на других. Здесь человечек чувствует себя добрым, сопричастным другим. Рвется давать просящим милостыню. А куда эта мелочь пойдет – бог ее знает. Выпивка, жратва… да какая разница! Завтра и это у многих пройдет. Все ведь грешны от рождения. И не у всех совесть обнажена… Вот и теплота чувств внезапно появилась.

Спускаюсь с холма, на котором стоит храм. Тоже дорога, уже вниз, и тоже извивается. Людей немного, но большинство идут вверх.

Далеко внизу вместе с дорогой петляет, петляет лощина, точки людей у родника, кусочки зелени вокруг. Сверху, над полуголым лесом, вдалеке, белая лента московских многоэтажек с красными балконами. Город не дает забыть проблемы, напоминает о себе.

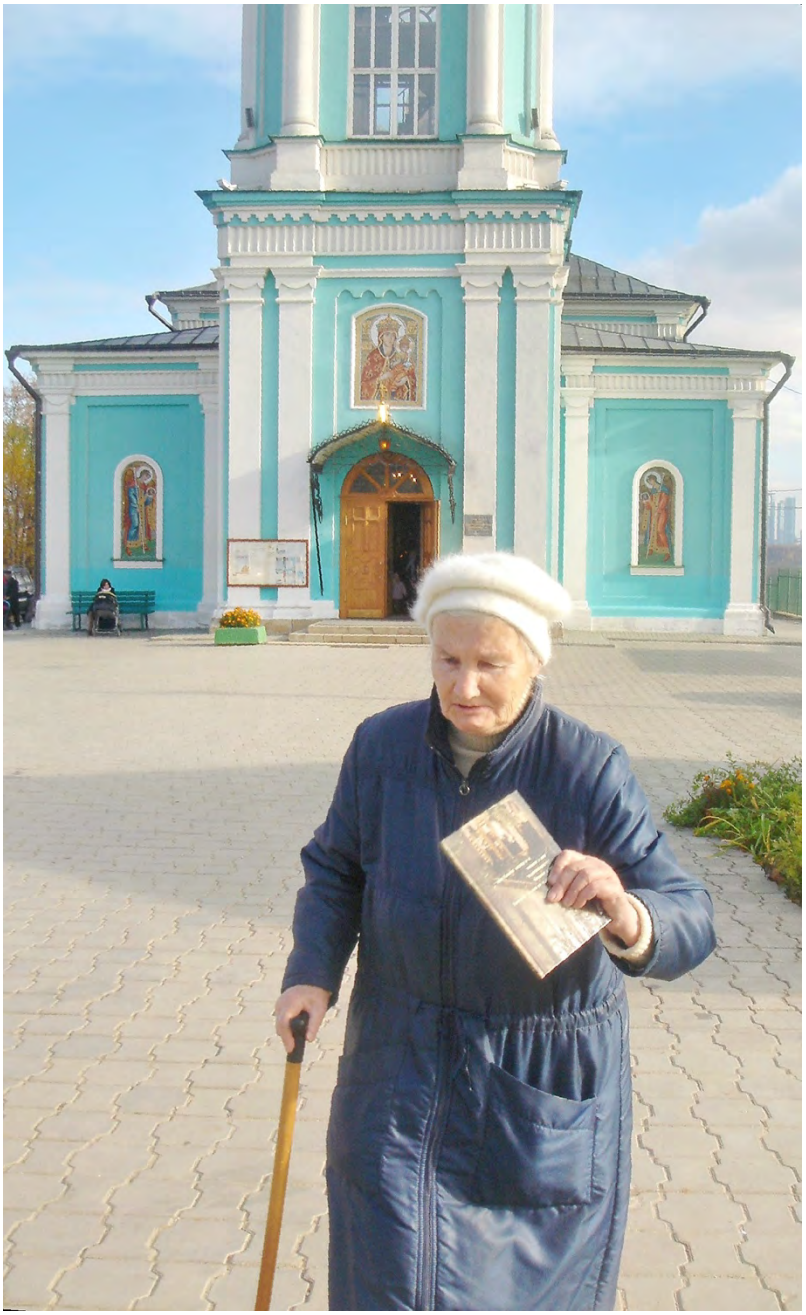
Храм зацепила, побежала по бездорожью холмов волна ветра. Посыпались желтые листья. Отдельные еще цепляются. Их время не настало.

Колокольный звон вызывает в душе светлое чувство. Крест очистился от ворон. Уходят прочь заботы, волнения, переживания. Пусть ненадолго, на миг, но ведь уходят! По холмам потек густой, сочный бас из храма…

Дорога обратно. Мирское так просто не отпускает, держит крепко. Гражданин мира или раб его – выясним как-нибудь потом… Потом… Я доволен, даже какое-то чувство радости. Целый день у бабули будет отличное настроение.

Уже поздно… Ночь. Жужжит компьютер. Подошла ко мне собака, прижалась. Ласковая лохматая Джульетта. На рыже-белом комочке шерсти влажная черная слива и две поменьше: нос и глаза. Расставил ладони. Ткнула в них узкую, теплую морду с занавешенными очами: не спишь, тогда гладь! Прикрыла глаза, осталась только одна слива, млеет… Глажу, глажу, глажу… Опрокинулась на спину. Гладил? Не отвертишься! Собаки не мурлыкают, хочу еще ласки! Теперь чеши пузо. Опять три сливы. Глядит хитро. Положила лапы на морду, пузо доверчиво открыла. Скоро сам начну мурлыкать. Чешу, чешу, чешу…

26 октября 2008 г., воскресенье, ночь
Крылатское, Москва. Правка 28-го октября



Сицилия

Побывав во многих известных своими достопримечательностями местах Италии, мы решили: не посетить Сицилию – это«культурное преступление». Как обычно, мы подготовились к своему вояжу. Прочитана была масса материала: путеводители, альбомы по искусству, интернет. Все-таки увидеть своими глазами совсем не то, что видели в репродукциях, плюс живое общение с людьми, которое не заменит никакой путеводитель. К общению мы были готовы, так как разговорный итальянский на 3-4 по пятибальной шкале знали. Немного, правда, смущало, что на юге Италии ниже Неаполя многие, особенно вдали от туристических маршрутов, говорят на местных диалектах. Но вглубь острова забираться мы не собирались. План наших «культурных набегов» обычно был таков: выбираем базовую точку, где поселяемся, и за два-три дня посещаем близлежащие места. Точку выбираем так, чтобы вокруг было побольше интересных мест.

Сицилийское искусство не совсем искусство Италии. Это сплав искусств Древней Греции, Византии, арабов, норманнов. Все оставили в ней свою характерную «черточку». Удивительно также, что религиозный фанатизм не снивелировал эту «толерантность» искусств и что многое прекрасно отреставрировано. Забегая вперед, скажу, что наши впечатления от Сицилии превзошли все ожидания.

Итак, поезд Неаполь – Палермо. Мессинский пролив пересекаем на пароме и в 5:00 – 5:30 утра в Мессине первая остановка. Времени у нас было дней восемь, все посетить не успеем, поэтому решили сконцентрироваться на левом побережье, от Мессины до Палермо, а возвращаться на пароме Палермо – Неаполь. Удобно. Вечером отплытие, утром уже в Неаполе, далее поезд до Рима и самолет в Москву. Правое побережье, по которому идет поезд в Палермо менее насыщено искусством, чем левое. Привлекал нас там город Чефалу, но «нельзя объять необъятное», приходится чем-то жертвовать. Следующая неделя показала, что мы не успели посмотреть и левое побережье (например, Агридженто).

Вылезли полусонные рано утром в Мессине. Людей вокруг не видно, пустынно. Надо где-то поселиться. Привокзальную площадь кто-то подметает. Больше никого нет. Спрашиваю, где ближайшая гостиница.
- Да вот она. Скажете, что от Джованни (точно не помню). Хозяева там пара стариков.
Слегка удивился, зачем такая рекомендация. Выяснилось потом. На звонок вылезает заспанный хозяин. Объясняю ситуацию. Нам на два-три дня. Комната пусть будет за нами, мы будем разъезжать. Отвечает, что хоть на месяц. Спрашивает меня, вы ведь иностранцы, откуда. Отвечаю: da Mosca (из Москвы). Удивленно смотрит на меня, переспрашивает: откуда, откуда?

Соображаю, ведь по-итальянски mosca – это муха. Слова ведь омонимы. Добавляю: Россия.

И тут его сонливость как рукой сняло. Сама доброжелательность, вежливость. Все переспрашивает, не надо ли чего. Говорит, что вы ведь голодны, пойду жену разбужу, она вас чем-нибудь покормит. Что за чудо? Оказалось, никакого чуда нет. Везде, где узнавали что мы из России, к нам относились доброжелательно.

В 1908 г. В Мессине было страшное землетрясение. Погибло несколько тысяч жителей, от города практически ничего не осталось. Рядом была русская эскадра. Русские сразу бросились на помощь. Разборка завалов, спасение выживших, питье, еда.
Вот памятная доска. И сицилийцы в Мессине помнят об этом.

.

Интересуюсь: мы видели на площади Джованни, это он направил нас сюда. Обычно ведь такую работу сейчас делают гастарбайтеры, а он на них не похож. Ответ несколько неожиданный:
- Понимаете, у нас в городе управляет мафия. У нас всегда порядок, не то, что в Палермо. Она на пускает чужих в город, сохраняет рабочие места для своих. Если вы увидите в городе араба или черного – значит, это бизнесмены.

Действительно, «чужих» мы потом видели единицы. А сам город довольно чистый, по сравнению с другими местами, где мы были. Разве что Таормина почище будет, но это туристическое место.

Продумали маршрут. Мессина – Таормина- Мессина – Катания – Сиракузы (электричка). Сиракузы – Палермо (автобус).Все осмотреть не успеем, это бы успеть. Обо всем писать не буду. Много. Выделю только особо запомнившееся. После землетрясения несколько церквей и достопримечательностей были скрупулезно восстановлены из их кусочков.

Мессина. Реставрированный фонтан XVIв.

Посетили довольно неплохой музей. Огорчились, что не увидели «Сицилийскую Джоконду». Правда, потом все же ее увидели на выставке в Риме. Вообще чем замечательны церкви в Испании и бывшем Неаполитанском королевстве. Испанцы во времена герцога Альбы, тирана мятежной Голландии, притаскивали оттуда много шедевров, картин на религиозные сюжеты. Уже неизвестно, как они оседали в церквях Испании (в основном) и юга Италии, где правили испанцы. Поэтому старались всегда посещать, если была возможность, крипты, реликварии. Церковь открыта, никого нет. Неожиданно – большой триптих. Явно северная школа, по стилю не позже XVIв. Кто автор, откуда – ноль информации. Нигде в репродукциях не видел. Любуйся, сколько хочешь, никто не гонит, не мешает.

Триптих. Поклонение волхвов

На второй день перед Таорминой заходим в одну церковь. У входа в тени на лавочке сидят трое мужчин. Один из них нам:
- Церковь закрыта. Служба вечером в 18:00.
Но видим же, что все двери открыты, зайти можно. Говорю, что мы русские из Москвы, вечером не сможем, не позволите ли сейчас посмотреть.

Тут же тон разговора мгновенно меняется. Конечно, конечно. Пожалуйста. Давайте я вам все покажу и расскажу. Спасибо, мы привыкли сами. А вот будут вопросы – тогда к вам. Можно?

Церковь, естественно, новодел. Но! На алтаре в окружении белых лилий стоит 1:1 копия Троицы Рублева. Иконостаса нет. Алтарь – это стол, накрытый белой скатертью. На стене уменьшенная копия Владимирской Богоматери. Понимаем, что это церковь св. Троицы. Решили полюбопытствовать. У каждой «районной» церкви есть своя община, паррокья по-итальянски. Так вот, главой здешней паррокьи оказался наш собеседник. Узнаем историю нашей Троицы.

Когда-то падре увидел ее репродукцию, и она его сильно впечатлила. Он поехал в Палермо к епископу, тот ему написал рекомендательное письмо-просьбу к нашему патриарху Алексию. В Москве его патриарх принял, сделали копию Троицы, патриарх освятил. Посетил падре Троице-Сергиеву Лавру, несколько храмов и очень довольный вернулся. Еще добавил, как только поставил Троицу, посещаемость церкви выросла. Даже некоторые прихожанки, у которых какое-нибудь несчастье, целуют икону и плачут.

Вижу, что падре одет скромно, но не простой. Разговорились. Спрашиваю: вы католик, так ведь, а у вас две иконы православные. Почему? Простите, я сам крещенный бабушкой, но физик, атеист. Извините, что задаю, возможно, неудобные вам вопросы. Отвечает примерно так:

- Видите ли, у католиков нету такого проникновенного антропоморфного образа Троицы. У нас Бог существует в трех Личностях, и эти три Личности – Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух (голубь).

И тут он стал подбирать слова, чтобы выразиться яснее. Высказался для нас неожиданно.

- Ваша Троица добрая, человечная. Мои прихожане ее любят. На Троицу многие из города приходят.

Вот такой был интересный случай. Кстати, Рублевскую Троицу мы видели несколько раз и в других европейских храмах. Значит, трогает она людей.

Антонелло да Мессина. Аннунциата. (Благовещение, «Сицилийская Джоконда»)

Несмотря на кажущуюся «нестандартность» и упрощенность этого Благовещения, символика картины очень богата. Искусствоведы много «копий» сломали при расшифровке ее уникальности. Вкратце: отсутствие архангела Гавриила с протянутой Марии белой лилией, жесты рук, ультрамарин плата, приоткрытая страница и т.д. – чтобы все это прочувствовать, надо взглянуть на образ глазами человека той эпохи.

«Аннунциата» – это погрудное изображение молодой девушки, почти девочки, которая сидит за столом лицом к нам. Нижнюю границу картины образует деревянная столешница, расположенная слегка под углом к плоскости картины. На столешнице на пюпитре лежит раскрытая книга, страницы которой приподняты неизвестно откуда взявшимся порывом сквозняка. Слева направо на ее фигуру и на книгу падает яркий свет, контрастно выделяющий их на темном фоне без малейших деталей. Голову, плечи и грудь девушки покрывает ярко-синий плат, жесткие складки которого превращают ее тело в подобие усеченного конуса. Плат низко спускается на лоб, полностью закрывает волосы и оставляет открытыми только лицо, часть шеи и руки. Это руки прекрасной формы, но кончики пальцев и лунки ногтей слегка потемнели от домашней работы. Левая рука девушки придерживает на груди плат, а правая вспорхнула навстречу нам, словно вырываясь наружу из плоскости картины.
В лице девушки нет ни ангельской прелести мадонн Перуджино, ни идеальной красоты мадонн Рафаэля и Леонардо, это обычное лицо со слабым южным колоритом: я только что видела такие лица на улицах Палермо, а кого-то из встреченных на улице девушек наверняка звали Аннунциатой, Нунцией или Нунциатиной — это имя, буквально означающее «получившая благую весть», и сегодня распространено на юге Италии. Лицо девушки на картине необыкновенно своим выражением: оно бледно бледностью глубокого волнения, губы крепко сжаты, темные глаза смотрят вправо и немного вниз, но взгляд их слегка расфокусирован, как бывает у человека, полностью погруженного в себя.

*Наталия Мазур.«*Как выглядит непорочное зачатие»

Таормина. Руины древнегреческого амфитеатра. Вдали Этна

Фаянсовая плитка на стене кафе в Таормине

«Бог создал мужчину и отдохнул, создал женщину, и больше не было покоя ни ему, ни мужчинам». Да простят меня дамы, я в шутку спросил у бармена: это правда? Он ответил: senza dubbio (без сомнения).

Катанию, Сиракузы пропущу. Особо яркого впечатления не произвели.

Катания. Дуомо

Сиракузы. Руины древнегреческого храма Аполлона

Арабо-норманнский стиль

Палермо. Дуомо

Дуомо. Порфировый саркофаг Фридриха II. XIIв.

В Палермо отличный музей, интересный Дуомо (главный собор), некоторые церкви переделаны из арабских мечетей. Главная «жемчужина» - Палатинская капелла с превосходными византийскими мозаиками.

Мозаика Палатинской капеллы

Палермо. Арка

Фонтан Претория XVI в. («Фонтан Стыда», прихожанки, проходя мимо, стыдливо отворачивались)

Палермо. Церковь Марторана

Византийские мозаики и фрески Марторана

Но особенно яркое впечатление оставил норманнский монастырь Santa Maria Nuova XII-XIIIвв. вблизи Палермо. В жизни такое не встречал! Не одного меня он впечатлил. В конце приведу фрагмент из Мопассана.

Историю строительства, захоронения королей и подобную информацию из путеводителей тоже пропущу. Только свои впечатления.

Такой мозаики (10000 кв.м , не только ее громадная площадь, но и качество!) до этого не видел. Библия на стенах! Чудо это сотворили в XII в.

Конха центральной апсиды. Пантократор

Мозаики главного нефа. Книга Бытия

Монреале. Ноев ковчег

Теперь о кьостро (итальянцы клуатр называют кьостро). Это нечто! Свыше 200 парных колонн, некоторые с тонкой врезной икрустацией. На капителях колонн Ветхий и Новый заветы, бытовые сценки, мифологические существа. Смысл часто не поддается расшифровке. Даже предположительно.

Хожу, любуюсь. Людей – единицы. Как раз капители снимает итальянское телевидение. Девушка, наверное искусствовед, командует, что снимать. Рабочие ставят сначала лампы, освещают колонну, так как в тот момент было пасмурно, потом оператор снимает. Я пристроился к ним, разрешили сразу, и сам много поснимал.

База колонны. Лев и грешник

Колонны клуатра

Две капители

Грехопадение

Изгнание из рая

Фонтан клуатра

Пол в соборе мраморный, тончайшей работы. Это так называемый стиль косматеско. Под ноги туристы редко смотрят, а ведь в этом рисунке заложена не только геометрия, но есть и символизм. Вообще, храмы той эпохи просто перенасыщены символикой. Нам уже трудно понять замысел тех архитекторов.

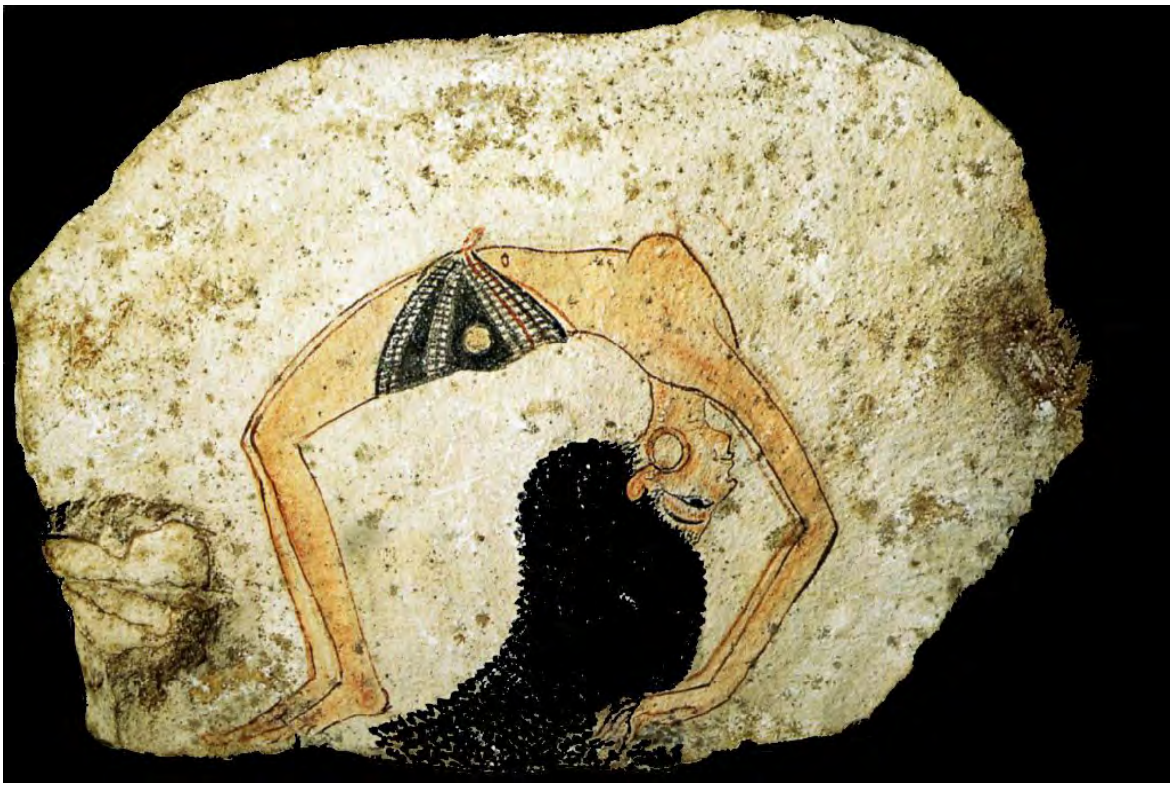
Фрагменты пола

Заинтересовался этой капителью, спросил у искусствоведа. Не знает.

Явно сюжет не религиозный. Кто это, акробат? Объяснений в Интернете, путеводителях и книгах о соборе и об этом сюжете, кроме книги дочери Менделеева, не нашел. Потом несколько раз сталкивался с этим сюжетом. Что видел, нашел – выкладываю. Фрагмент из книги тоже. Кстати, на одной из колонн, если приглядеться, заметен тот же сюжет.

Краснофигурное блюдо. Южная Италия, IV-V в. до н..э. Эрмитаж

Тимпан портала Иоанна Предтечи. Руанский собор, XII-XIII в. Танец Саломеи, дочери Иродиады



1292 -1186 В.С. XIX Династия, Египет. Акробатический танец. Deir el Madineh. Роспись на известняке

Акробат на быке. Изображение на золотом перстне-печати с о. Крит, ок. 1500 г. до н. э.

Кубистетеры

Из сборника:
Любовь Дмитриевна Блок (1881 – 1939)
«Искусство», 1987 г.

Профессиональный танец до балета

...Кубистетеры — греческое название таких танцовщиц, — обыкновенно эти танцы исполняются женщинами. Кубистика — пляска на руках в самых различных позах и комбинациях движений. Иногда кубистетеры изображены перекидывающимися через голову; они упираются руками в землю, т. е. делают

акробатический фордершпрунг или флип-фляп; иногда они в «стойке» на руках; или, приняв более уравновешенную позу, упираясь в землю локтевой частью рук, проделывая ногами всякие трюки: стреляют из лука, черпают вино, подражают движениям хирономии. «Прозодежда» их совершенно аналогична одежде акробаток крито-микенских—темные обтяжные трусы для большинства, хотя встречаются и юбочки и даже длинные юбки при обнаженной верхней части туловища.

Ксенофонт, который дал самые ценные указания об этой категории танцовщиц в «Пире» рассказывает об акробатке, которая бросается на руки в середину круга, образованного торчащими вертикально обнаженными мечами; чтобы выйти из круга, она проделывает прыжок в обратном направлении через этот смертоносный барьер. Изображение такой пляски среди мечей мы находим в вазовой живописи.

P.S. Судя по фрагменту из Др. Египта и перстню с о. Крит, танец практиковался еще до греков. Возможно, что Л.Д. Менделеева об этом артефактах не знала.

Приведу впечатления о посещении собора Мопассаном. А ведь сейчас монастырь отреставрирован и выглядит намного лучше!

Ги де Мопассан. Сицилия

Отрывок о Монреале из книги "Бродячая жизнь"

Вот собор, большое здание, свыше ста метров длиною, в форме латинского креста с тремя абсидами и тремя нефами, отделенными друг от друга восемнадцатью колоннами из восточного гранита, опирающимися на беломраморное основание и на квадратный цоколь из серого мрамора.

Поистине изумительный портал обрамляет великолепные бронзовые двери.

Внутренность этого храма отделана мозаикой на золотом фоне; богаче, совершенней и поразительней этой отделки ничего нельзя себе представить.

Эта мозаика, крупнейшая в Сицилии, сплошь покрывает стены на поверхности в *шесть тысяч четыреста метров*. Вообразите себе эту огромную и великолепную роспись, изображающую по стенам храма легендарную историю ветхого завета, миссии и апостолов. На золотом небе, развертывающем вокруг нефов фантастический горизонт, выступают в размерах больше человеческого роста пророки, возвещающие пришествие бога, Христос и те, кто окружал его.

В глубине алтаря гигантский лик Иисуса, напоминающий Франциска I, царит над храмом, словно наполняя и подавляя его, — так огромен и могуч этот странный образ.

Нельзя не пожалеть, что потолок, разрушенный пожаром, восстановлен так неискусно. Кричащий тон позолоты и слишком яркие краски режут глаза.

Рядом с собором вход в старинный монастырь бенедиктинцев.

Пусть те, кто любит монастырские дворы, пройдутся по двору этого монастыря, и они забудут почти все другие, какие они когда-либо видели.

Как можно не любить монастырские дворы, эти спокойные, прохладные, замкнутые места, как будто придуманные для того, чтобы будить мысль, которая изливается из уст, глубокая и ясная, в то время как вы идете медленным шагом под длинными, навевающими грусть аркадами?

Они словно созданы для того, чтобы порождать размышления, эти каменные аллеи, аллеи маленьких колонн, замыкающих небольшой садик, на котором глаз спокойно отдыхает, не отвлекаясь, не рассеиваясь.

Дворы наших северных монастырей отличаются порою слишком монашеской, слишком унылой суровостью, даже самые красивые из них, как, например, дворик монастыря Сен-Вандриль в Нормандии. Сердце в них сжимается, душа мрачнеет.

Загляните, например, в печальный двор картезианского монастыря Верны в диких горах мавров. Холод пронизывает вас там до мозга костей.

И, наоборот, чудесный монастырский двор в Монреале наполняет душу таким чувством красоты, что вы охотно остались бы в нем хоть навсегда. Он обширен, образует правильный квадрат, полон тонкого и

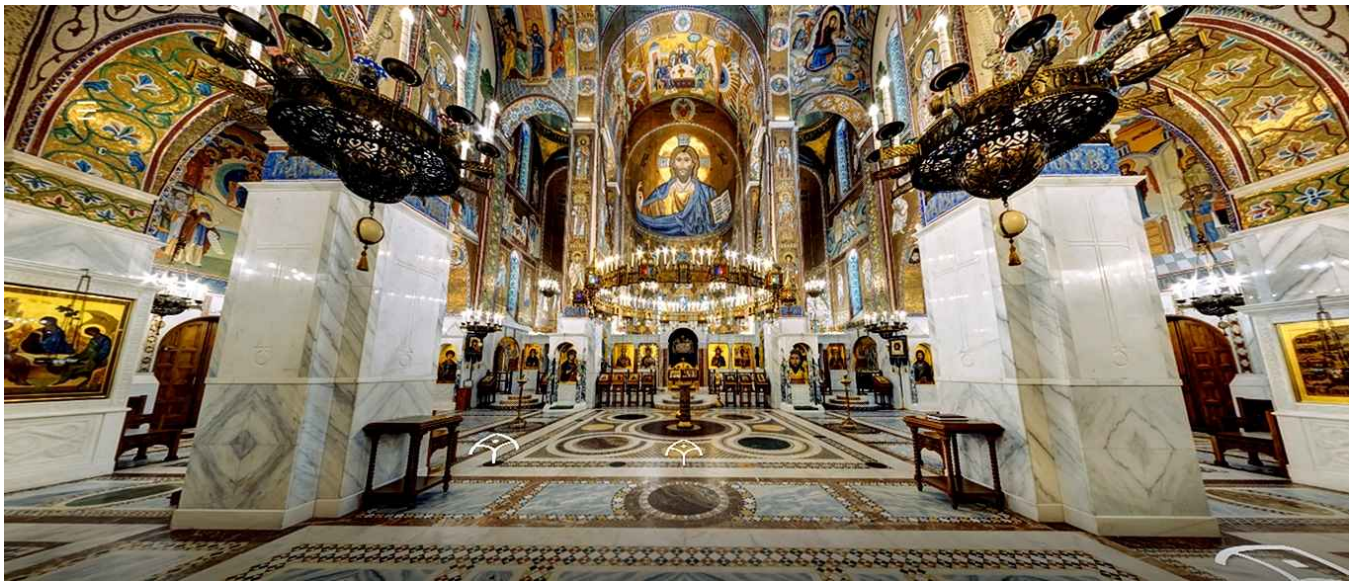
пленительного изящества; тот, кто его не видел, не способен и представить себе, как может быть гармонична колоннада. Изысканная соразмерность, невероятная стройность этих легких колонн, идущих попарно, одна возле другой, причем все они разные — то выложенные мозаикой, то совсем гладкие, то украшенные несравненной по тонкости работы скульптурой или простым узором, вырезанным в камне и обвивающимся вокруг них, как растение, — сначала поражают взгляд, потом чаруют, восхищают и порождают ту эстетическую радость, которую глаза передают душе при виде вещей абсолютного художественного вкуса.

Подобно прелестным четам колонн, капители тоже тончайшей работы и тоже отличны друг от друга. И, что редко бывает, восхищаешься одновременно великолепным эффектом целого и совершенством деталей...

Сицилия — родина, подлинная, единственная родина колоннад. Все внутренние дворы старинных дворцов и старинных домов в Палермо украшены прелестными колоннадами, которые были бы знамениты во всякой другой стране, кроме этого острова, столь богатого памятниками зодчества.

И в заключение. Некий «отголосок» Монреале в Москве. В Ясенево есть Храм Покрова́ Пресвято́й Богоро́дицы, стены которого украшены мозаикой с несколькими копиями из Монреале.

«Византийский» храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ясенево



В конхе апсиды копия мозаики из Монреале

Фрагмент пола с интарсиями. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Ясенево

Пол храма сделан в технике интарсии (врезке) сюжетов, орнаментальных вставок. Нет перегруженности символикой стиля косматеско, тем не менее вполне выразительный. Есть ли среди мозаичных сюжетов оригинальные, авторства современных нам художников, а не только копии прошедших веков, я не знаю.

Январь - март 2022 г.

Автор признателен Людмиле Хибриковой за редакторские замечания

Притча о слепых

Питер Брейгель Старший

«Притча о слепых» написана за год до смерти автора в 1568 г. Музей Каподимонте в Неаполе

Разгул испанской инквизиции. Казнены тысячи человек.
Слепой ведет слепого. Непонятно, как они попали на пригорок. Не самый лучший путь. Неужели в деревне не нашлось доброй души, чтобы вывести их на дорогу? Четверо слепы от природы, двое ослеплены. Но перед безучастной природой все равны. Будут падать в яму или в реку. Но все-таки, кто-то выживет! Не зря у правого края картины изображен цветок ириса — символ добродетели и спасения. Хотя для слепых ирис в стороне, почему-то некоторые трактуют смысл картины будто бы все «булькнули».

Явно здесь аллегория некой современной художнику пословицы, времени создания картины и библейская притча «Слепой ведёт незрячего» одновременно.

Церковь на заднем плане настоящая, как утверждают искусствоведы. Цела до сих пор. Вообще-то у Брейгеля редко реальный задний план, что-то конкретное для художника церковь символизирует, как и пастух перед церковью.

Увы, полностью мы уже не поймем, что же на самом деле там зашифровано,только частично. Мне в башку пришла не самая изысканная мысль: не рой другому яму, даже не понимающему куда он идет, и других не тащи за собой, даже если уверен. Имей свою голову на плечах.

В Каподимонте есть еще один Брейгель. Работа того же года.

Мизантроп. 1568 г. Музей Каподимонте в Неаполе

Фраза на нидерландском языке, размещенная в нижней части картины, гласит: «Так как мир столь коварен, я ношу траур». Интересно, что картины написаны в один и тот же год. На обеих присутствует пастух. Ясно, что это не случайно, что-то художник хотел этим сказать. Прямо скажем, оптимизма в картинах мало.

Парабола современности. Как говорится, No comment

Доработка 26.03.2022

БУРБАКѝ

Со мной в общежитии на 1-м курсе жил Никита из Архангельска. Благодаря ему мы «вышли» на Бурбакѝ. По-моему, селили нас в общежитии на первом семестре по алфавитному порядку фамилий.

Комната на 4 человека. Двое с фамилиями на «За», один на «Же» (Желтоножский Виктор) и один попал непонятно как: индонезиец Вахью Видодо (третью часть имени не запомнил), отец у него был дипломатом в Нидерландах. Кажется, даже послом. При расселении видимо посчитали, что мы не окажем на мальчика дурное влияние. Так и оказалось: я, как человек с юга, предпочитал сухое вино, водку пил в исключительных случаях и советовал ее не пить.

Прозвали его Удод. Он не обижался, так как не знал про птицу. Только год его учили русскому на подготовительных курсах. Впоследствии парня за неуспеваемость с физфака отчислили. А на 5-м курсе я его встретил уже как студента 2-го курса химфака. Даже с какой-то девушкой. Дурное или нет на него было оказано влияние – не знаю. Девушки на него точно влияли, но об этом его не расспрашивал. Значит, папа у него был не последней дипфигурой, раз почти два года Удод где-то еще постуденствовал. А что, был же Вечный Жид.

Вернемся к Никите. У него было хобби: покупал много учебников. И «Ландавшица», и другие. Даже читал их иногда. Родители деньги присылали, на алкоголь не тратил. Быстро пьянел. Портвейн «777» был нокаутом для него. И еще запомнилось, что к нему загар совершенно не прилипал.

Тогда выходила серия книг по математике издательства «Мир». Автор - Николай Бурбакѝ. Правильнее, конечно, Николя. Это псевдоним группы авторов из Франции. Так вот, в томе "Логика" мы наткнулись на замечательную фразу. Непонятно, чей это был «шедевр»: авторов или переводчика. Запомнил на всю жизнь. Эта фраза часто описывает жизненные ситуации, особенно высказывания некоторых политиков или их пресс-секретарей.

«Называя неприменимыми к самим себе свойства импредикабельными, мы приходим к парадоксальному выводу: импредикабельность импредикабельна в том и только в том случае, если импредикабельность не импредикабельна"

Во как! Если переведено 1:1, то перед переводчиком надо снять шляпу за перевод такой витиеватой, виртуозной мысли. Не сомневаюсь, что не сразу он пришел к окончательному результату.

Кстати, Никиту на 2-м курсе отчислили за неуспеваемость. Жалко. Мы часто его вспоминали. Почти полгода с ним переписывались. Потом его следы затерялись.

07.04.2022

Моденов П.С.

Лекции по матанализу нам читал Днестровский Ю.Н. Семинары вел Моденов П.С. Большой оригинал был. Была у меня забавная история, связанная с ним. Схлопотал на экзамене у него по линейной алгебре трояк. Сессия закончилась, говорят, что моя стипендия тю-тю. Что делать? Родители подбрасывали каждый месяц 20-30 руб. Стыдно стало.

Пошел в Учебную часть, прикинулся обездоленным, чуть ли не прапраправнуком крепостного. Дали мне телефон Моденова, сказали чтобы сам с ним договаривался на пересдачу. Срок — неделя. Звоню. Излагаю.

В ответ:

- Хорошо, в эту субботу Вас устроит? Тогда приходите ко мне домой. Вот адрес.

Помню только дом. Напротив выхода из метро «Университет»,который ближайший к университету. А дом с той стороны проспекта.

Еще бы мне не знать этот дом! В нем был туалет, который мы часто посещали, так как прямо у выхода из метро тогда стояли два пивных ларька.

Время мне было назначено, кажется, на 11 часов. Несмотря на мороз пошел из нашего филиала ДС 1-й корпус пешком и без шапки, чтобы проветрить башку и думалось лучше. Тяну время, чтобы быть пунктуальным подхожу к двери ровно в 11 часов. Звоню. Открывает Моденов. В каком-то замысловатом, почти до пят восточном халате, похожем на персидский, в толстых войлочных домашних туфлях.

- Проходите, раздевайтесь.

Захожу в гостиную. Мебель массивная, добротная, темного дерева. Больше ничего из обстановки не запомнил. Не до этого. Сел за стол, приготовился к «экзекуции».

Моденов подходит к буфету, достает из него коньяк, две рюмашки и блюдечко с маленькой изящной двузубой вилочкой и тонко нарезанным лимоном.

- Что-то Вы продрогли. Рюмочку коньяку?
- Что Вы, Петр Сергеевич, нет, нет.
- Ну, как хотите. А я не откажусь.

Аккуратно, аристократически, двумя пальцами взял рюмочку. Закусил лимоном. Убрал коньяк.

- Ну, давайте зачетку.
- Как, Петр Сергеевич?! Вы не будете меня спрашивать?!
- А какой смысл? Я же Вам поставил три. Уверен, что уж на четыре Вы теперь предмет знаете. Зачем мы будем время терять. Или Вы желаете досконально предмет изучить и еще раз на пересдачу прийти?
- Нет, нет! Что Вы!

Он переправляет мне трояк на четыре.

- Надеюсь, я Вас не разочаровал?

Вышел я от него ошалевший. Пиво не пил. Сразу пешком в общежитие.

Пришел с красными от мороза ушами и от «пары» рюмашек не отказался.

07.04.2022

Тёща

Пара вводных слов. Теща от первой жены была мировая. Душа в душу с ней жили.
Я даже шутил:
— Тамара Геннадиевна, были бы вы хоть лет на 40 моложе, не раздумывая женился бы на Вас. А так «подсунули» эту кобру, вашу дочь.

Бывало так. Мы с женой у себя в комнате повышаем друг на друга голос, влетает в комнату теща:
- Таня! Ты не права! А в чем дело?

Жена меня так и прозвала : тещин выкормыш.
Сбила тещу машина, когда шла в парк на лыжах покататься. Это стало затравкой к ее уходу.
Ежегодно в день ее рождения стараемся побывать на ее могиле.

Она была палеонтолог, хорошо знала И.Ефремова. Был такой писатель-фантаст, тоже палеонтолог. Много о нем рассказывала. Меня «убили» некие подробности: как братья Стругацкие написали на И.Е.донос. Пожалуй, клубок воспоминаний стал сильно разматываться. Закрою тему, непосредственно перейду к «Сказке-Монографии».

Теща подрабатывала в ВИНИТИ рецензентом. Она была специалистом по ругозам. Ну и как палеонтологу ей на отзыв и на перевод абстрактов статей присылали массу материалов.

«Переводной» английский у меня тогда был неплохой. С листа ей диктовал перевод.
Успевай только записывать. А нахватавшись терминов по палеонтологии, процесс еще ускорился. Не надо было переспрашивать о терминах.

Прихожу вечером с работы. Пью на кухне чай. Мы тогда завели щенка королевского боксера. Имя ему дали тоже королевское - Анри. Пока чаевничаю, крохотное тельце укладывается у меня на коленях. Почему-то любил так спать у меня по вечерам. Лишний раз не могу встать: чудо природы сопит и слюнявит у меня на коленях. Боксеры ведь слюнявые. Так и греем друг друга.

Уже поздно, все спят. Приходит теща с кипой ксерокопий из ВИНИТИ. Прислали на рецензию.
- Чай попил? Поэксплуатировать можно?

И как-то вспыхнула хулиганская искорка: а давай-ка я тещу разыграю.
Переводим. Я диктую, она старается все быстро записать. Я с непроницаемым лицом, чтобы подвоха не почувствовала, начинаю нести околонаучную ахинею, насыщенную терминами. Ну, вроде такой:
- В конце девона некоторые ругозы вышли на сушу без септ. Случаи были единичные. Крайне редко сейчас фиксируются палеонтологами в Южно-Китайском море.

Фокус прокатил. А что, термины все те же, вроде бы логично. Я пытаюсь ее разыгрывать дальше, продолжаю «ахинезировать»:
- А около Одессы в 1972 г. после шторма на пляж выбросило почти целую, громадную окаменевшую раковину Ufimia Leptoconicus с ярко выраженными продольными септами. Ученик Шиндевольфа специально приезжал изучать уникальную находку.

Наконец-то она «врубается»:
- Ну и гад же ты, Севка.

Мы оба заразительно смеемся. Пес недоуменно просыпается. Коленки стараюсь не разводить, иначе он рухнет. Приходит жена:
- Ага, опять спелись.

Потом подумал: а запишу-ка я эту историю, приукрашу чуть-чуть, конечно. Сделал.
Позже теща впихнула эту юмореску в институтскую газету. Народ смеялся.

Светлая тебе память баба Ома, сиречь Тамара Геннадиевна Ильина.

После сорока дней

Валентину Ивановичу Иванову
Кафедра математики физфака МГУ

Превосходство, высоту интеллекта с его стороны я никогда не ощущал. Вернее, он мне не давал это почувствовать.

Нормальный общительный человек с невероятным чувством такта и доброжелательностью к собеседнику. Поговорить, обсудить с ним, высказать мнение можно было практически обо всем. О науке, архитектуре, истории, литературе, музыке. Как настоящему интеллигенту ему все было интересно, хотя напрямую это его не касалось. Иногда честно признавался: "Это не мое". Но уж если тема была ему близка, он был воплощением "Брокгауза и Эфрона". Хватался за все энциклопедии, ЖЗЛ, справочники, доказывал свою правоту фактами. Уж если что знал – то знал досконально. И доказывал! В любой области.

Хитро улыбался, когда его провоцировали на неудобоваримые темы. "Ты считаешь, что, будь по-твоему, так будет лучше? Ну-ну." Не помню, чтобы он когда-нибудь повысил голос. Такова была его реакция. Он был цельным человеком. ЦЕЛЬНЫМ! Свои принципы не менял, логики придерживался всегда… Это ивановское "ну-ну" я крепко запомнил!

Математик – есть математик. Убедить его в неправоте взглядов было практически невозможно. Стоял на своих аксиомах. Но иногда, редко-редко, "это" случалось. Смущенно улыбался: "Согласен. А что будет завтра? "Это" тебе поможет? Ладно, давай-ка лучше музыку послушаем"…

Удивительно. Сам не играл, но как тонко чувствовал музыку! Музыкальная память великолепная! Знал наизусть сотни произведений. "Это опус номер такой-то…" Чувствовал нюансы разных исполнителей. Не только на уровне интуиции, но и рассудка. Все пропускал сначала через рассудок, далее через сердце. А потом – все через сердце. Редкое ощущение музыки. Не всем дается. В какой ипостаси он тогда был? Физик-математик или лирик? Не знаю… Посадил меня "на иглу". Соната для скрипки и виолончели Франка, играют Ойстрах и Рихтер. Слушаю с закрытыми глазами…

Внешнее впечатление – обычный математический "сухарь". Свое "я" не выпячивал, не позировал. Иногда приоткрывался, сдержанно кипятился. Семья, дети – "лягушата", как он их называл маленькими, и внуки – это святое. "Доказывал" фотографиями. А как переживал за "своих" студентов! Фанатик своей кафедры. Немного его рассуждений о ней. Она стала другой. Но все равно интересная! Хорошая молодежь. И традиции кафедры держатся.

Какой-то сумбур воспоминаний. Происшедшее бьет внезапно. Пронзительное чувство, что от меня часть оторвали. Прошло 40 дней. А ведь лет нашего знакомства прошло гораздо больше! Почти 45! 07 августа 2010г. врезалось в память намертво. День утраты близкого человека. Мне его очень не хватает! Склоняю голову перед ним. Слушаю его Франка и Альбинони. Удерживаюсь. Прошлое не тускнеет, а мое будущее много потеряло.

14-15.09.2010

Как я «побывал» Эйнштейном

Хорошо помню эту историю, приключившуюся в июне, лет 15 назад. Из родного Аккермана приехала мамина подруга навестить внука и дочь. Остановилась она у дочери в Марьиной Роще. Договорились, что я обязательно забегу часов в 6 вечера.

Тогда я подрабатывал. Вдвоем с напарником мы обновляли в некоторых московских и подмосковных судах одну из компьютерных автоматизированных систем. В суде задержались, свое дело закончили, но потом, как обычно, стали исполнять просьбы сотрудниц. То компьютер чудит, то картинка экрана не нравится, хотелось бы свое фото, то USB работает только с тыловых разъемов, неудобно.

То сё, то другое «то», короче: эти пустяковины нас задержали. Опаздывать нехорошо, помчался к бабушке. В гости с пустыми руками неудобно, надо бы тортик купить.

Еду в автобусе от м. «Хорошевская», высматриваю по дороге продуктовый магазин поближе к нужной остановке. Есть!

Небольшой магазинчик почти рядом с нужной остановкой. Забегаю, спрашиваю продавщицу:
— Торты у вас есть?
— Посмотрите там, в углу в холодильнике.

Стоит небольшая очередь, человек пять. Обращаюсь к последней в очереди женщине:
— Если кто подойдет, предупредите, что я за Вами.

И пошел выбирать торт. Заняло это у меня не более минуты. Возвращаюсь. За моей «крайней» стоит плотный, я бы сказал квадратный мужик ростом чуть ниже меня. Вид неприветливый. Жара, а он в кожаной черной безрукавке. Молча втискиваюсь между ним и моей теткой.

Вдруг он угрожающе:
— Не понял, Эйнштейн!

А я стригся давно, оброс, завитки волос с ушей свисают. Патлы, по выражению моей бабушки.
— Вы точно сходство заметили. Что тут непонятного? Относительно Вас я стою впереди, а Вы относительно меня сзади. Вас разве не предупредили?

Мужик обдумывает мою теорию относительности секунд 10 не больше. Молчит. Вдруг резко отходит от очереди и быстро-быстро выходит из магазина. И что это было? Непонятно.

Далее. Иду я с купленным тортом к выходу. Вспомнился эпизод из «Двенадцать стульев». Как в Васюках говорил Киса Воробьянинов: «Господа, неужели вы будете нас бить?». Осторожно вытягиваю голову из двери... Вдруг он приготовился... Слева и справа никого! Опасности нет. Слава богу, тортик и я целые! Бабушку порадую.

02.06.2025

Татьяне Горбачевой

Два мира. В Воронцовском парке

Предпоследний день масленицы. Полдень субботы. Классическая прямая перспектива – уходящая вдаль, расчищенная от снега аллея со старинной церквушкой в конце…

В морозном воздухе тает теплый комочек дыхания. Ветра нет, тихо. Светло и спокойно.

Громады домов остались где-то там, в беспокойном, нервном мире Города.

Над маковками церквушки – золото крестов в февральской бирюзе неба. Архитектура – совершенна. Проста и без изысков. Белые облака платиной и перламутром светятся со стороны солнца сквозь черные крючковатые ветки дубов, просвечивая маковки.

Суетливые желто-синие гаички перелетают с ветки на ветку, стряхивая медленными искорками снежную пыль. Хаос веток лег ломкими угловатыми арабесками на бледно-фиолетовый снег под деревьями.

Молоденькие румяные мамаши с колясками, “Вы едите – мы печем” – завлекающая реклама на ларьке с блинами, разноцветные фигурки малышей на санках, овал замерзшего пруда, – и почему я не Брейгель!?

…конец аллеи, две точки ворон на кресте. Прямая перспектива кончилась. За спиной – “обратная перспектива”. Назад не хочется.

Колокола молчат. Звонит мобильник, XXI век. И прошло всего-то полчаса – время сжалось и вернулось.

Замерзли ноги, пора возвращаться в Город.

17.02.2007 – 03.04.2007

Декабрьский ноктюрн

Середина декабря…

Поздно. Ломкие фразы, пересохшие губы. Надо бы попрощаться, в метро еще можно успеть. Но…

Ребра воссоединились! Ева пересчитала ребра и нашла свое. Умница! А я – дурак!

Убегающий свет фар. Из подоконника по потолку тянутся, тянутся тени цветов, холодный поток воздуха сквозь плохо заклеенное окно шевелит занавеску. Внезапно наступившее молчание. Нужно что-то сделать.

Слова не нужны! А свет – даже помеха!

Доброжелательное чувство неловкости друг к другу. Обмен взглядами.

Слова не нужны. Сделать хочется больше, чем сказать.

И… Чувства удлинились. Жадные ласкающие руки… Запахи тела, трепетные выпуклости, изгибы. Ненужная подушка. В сторону ее!

Светлая сумеречная ночь. Улица с желтыми яблоками фонарей за окном. Зеленый неон креста аптеки.

Тени цветов на потолке успокоились. Чувства – еще нет. Они – жадные, терзающие, не ускользающие и не убегающие ни по полу, ни по потолку. Они – не тени, они – живые. Их можно успокоить только любовью.

Ежащаяся нагота спины. Матовые, в мурашках плечи, расслабленность головы на руке, рука на моем лбу, запах вымытых волос, возбуждающее незнакомое благоуханье свежей кожи, вкус соленых губ.

Мы не теруэльские влюбленные, не Ромео и Джульетта, нам повезло больше. Мы – живые...

Чувство осязания на первом месте. Стук сердца. Дрожащее взаимное чувство плоти...

За окном бледнеет рассвет. День будет ветреным. Ночь уходит. Улица еще пустынна. Рябь лужи с зеленым дрожаньем креста аптеки.

Здоровое чувство сна. Засыпаем… Увы! На улицу вышли дворники. Снега нет, но зимой **положено** убирать снег. Расходы запланированы. Дяди из управления коммунального хозяйства самых честных правил.

Lento-andante-largo скребущих по мокрому асфальту лопат вырывает из теплого уюта сна. Этот сбойный ритм мне не дается. Добивают автосигнализация и хлопанье дверей подъезда.

Утреннее нежелание оставить кусочек жизни в прошедшем, усталые перехлестнувшиеся взгляды, губы. Общая ненависть к будильнику! Бледный рассвет за окном, желание перетянуть одеяло налетевшего вдруг счастья на следующие дни, недели, годы. Угловатые теплые плечи, стыдливое чувство груди.

Слова не нужны. Да нет же! Еще как нужны! Сказать хочется больше, чем сделать.

- Позвони.
- Ты тоже звони.
- Пока.
- Пока.

Шутливый чмок… Щелчок двери. Ушла. Осталась (или это я придумал?) искренность чувств, налетевших прошлой ночью. Накопившаяся усталость тянет все члены вниз. Первой падает на подушку голова, потом – опускается все остальное. Однако, довольно быстро.

Люблю… Но что? Знакомый запах. За – сы – па – ю… Куда я записал телефон, идиот?

Наступивший серый день не приносит усталости дворникам. Наши дворники – самые скреббучие в мире. И никто их не перескребет утром! А я все равно засну! Время сжалось… А за окном уже светло. Пока.

Декабрь 2008 г.

Алтарь Перусси

Алтарь Перусси из Авиньона. Музей искусства Метрополитен

Увидел случайно репродукцию этого алтаря. Он меня крепко заинтриговал. Необычно и нестандартно. Впервые увидел якобы распятие, но без тела Христова. Страшно заинтересовался. Увы. Почти ничего. Написано во 2-й половине XV в. Авиньоне. Мастерская Николя Фромеля. Находится в «Метрополитен» музее. Кто, что, как — ноль. Выяснил, что Perussi — это итальянская известная фамилия Peruzzi, изгнанная из Флоренции Медичи. Копание в «Истории Флоренции» Маккиавелли об алтаре и хотя бы о намеках на его происхождение ничего не дало.

Убогие мои размышления привели только вот к чему:
Девиз я перевел с латыни сам, уверен, что коряво: "Что дано — превосходно".

Два донатора по бокам, видимо, отец и сын. Отец отошел от дел, все передал сыну. Два святых над донаторами (один Иоанн Креститель, со вторым затрудняюсь, Св.Франциск?) обычно подсказывают день рождения, в месяц которого родился донатор. Семья невысокого аристократического рода. Герб не пышный, 3 птицы-цветка мне непонятны совсем. А вот с кинжалом у молодого яснее. Такие узкие длинные кинжалы (даги по-итальянски) носили небогатые аристократы. Но почему крест для распятия пустой — для меня загадка. Может быть, месть Медичи? Чтобы установить его в какой-либо их деревне? Маловероятно. Ведь Авиньон был гнездом антипап? Интересно, что на пейзаже изображен вполне реальный мост – первый каменный мост через реку в Авиньоне.

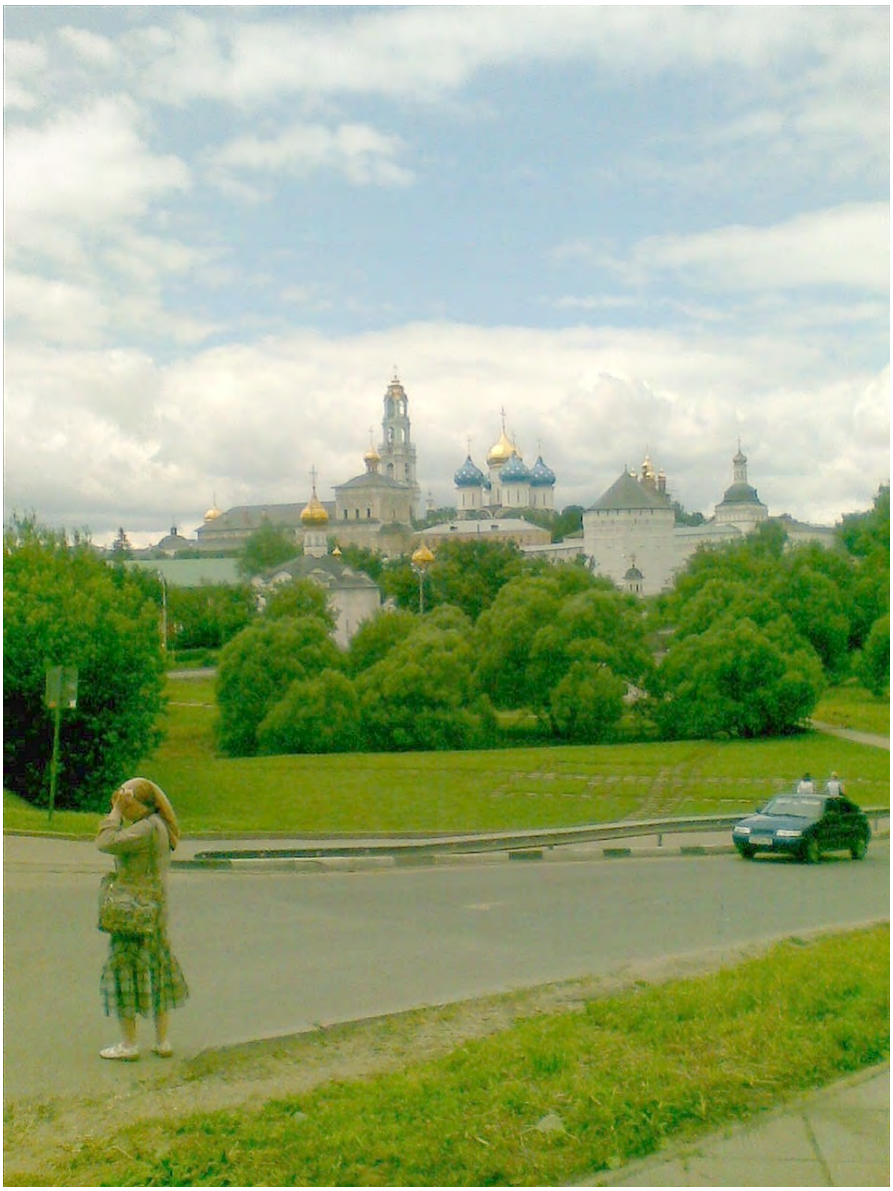
Не знаю. Сдался. А такой уникум увидел впервые. В то время не только за антирелигиозные действия, но и за неканоническую трактовку библии могли крепко наказать. Видимо, у семьи были

высокие покровители. И фамилия Перусси говорит о том, что в Авиньоне они уже пустили корни, офранцузились. Значит, денежки были. И покровители помогли.

В то время во Флоренции ересями и не пахло. Только что сожгли Савонаролу, а он ох как строго относился к традиционному католицизму. Скорее всего, семья была членами какого-то миноритарного католического ордена. Что-то типа иконоборцев или почитателей креста.
Вопрос я так и не решил, хоть и спрашивал нескольких искусствоведов. Увы. Только догадки.

09.10.2021

Утоли моя печали



По делам фирмы, где я подрабатывал, был в Сергиевом Посаде. Раз в месяц мы обновляли в местном суде программное обеспечение. Всегда старался при возможности посетить Лавру. Шел на вокзал. Часто с этой высокой точки делал снимок. Мобильник, фото, - любой аппарат. Люблю я это место! Вид прекрасный. В этот раз тоже остановился. Вдруг, вижу и слышу рыдающую женщину. Идет из Лавры и плачет. Плачет взахлеб.

– Почему Вы плачете?

Но она от меня только отмахнулась! Понял. Помочь ей не смогу. Крепко ее жизнь достала! Подумал, что церковь ей не помогла. Почему церковь? Посчитал, раз тепло, а у нее голова покрыта платком, то скорее всего была в церкви. Хотя, это только предположение, иной раз жизнь так закрутит...

15.06.2009 Сергиев Посад

БУРБАКѝ. Продолжение

На 2-м семестре нас уже расселяли по желанию. Из 112-й группы в комнате нас трое: я, Вадик Кузьмин (умер), Сережа Пулинец. Опять что-то странное: четвертый - Вагиф, азербайджанец из Баку. Закончил там юрфак, отработал на Дальнем Востоке по распределению помощником прокурора. Поступил в аспирантуру юрфака МГУ. Почему его поселили к нам - тайна, покрытая «мракой». Уже после его аспирантуры я с ним около года переписывался, пока переписка не затухла. Прожили мы такой компанией один семестр.

Немного отвлекусь на 3-й семестр. На 3-м семестре к нам подселили аргентинца лет под 30 русского происхождения. Так как я печатал по ночам фото, он ходил к декану жаловаться, что его "травят кизлотами". Именно так: "кизлотами".Меня по этому поводу вызывали в Учебную часть, говорили, чтобы я был поосторожнее, как бы он не пошел с жалобой в посольство.

Пришлось с ним договариваться, синхронизировать печать фото с его отсутствием. Странный был тип. Не пил, не курил, спал все время в теплых носках, скандалил по поводу открытой форточки. Я ему раз ляпнул, что форточку открываем вынужденно, так как из под одеяла у него ночью ноги в носках высовываются.

О Вагифе. Наш был человек. Холодок предварительного знакомства быстро растаял. Ему тогда было около 23-24-х лет. Крупный был мужчина. Койка прогибалась под ним, не то, что под нами. И женщину себе завел под стать ему. Перед ее приходом он нас предупреждал, чтобы нашего духу часа 3 в такое-то время не было. При этом скрашивал просьбу средствами на пару бутылок вина. Полный консенсус.

Дама приносила ему всякие вкусности, стирала, а потом... Из "потом" мы извлекали некоторую пользу. Поняли, что кровать обоих выдерживает. Когда он выходил ее встречать и проводить через вахту (Как он это делал, мы не знали. Шутили, что показывал удостоверение помощника прокурора и что проводится следственный эксперимент), перед уходом «нашего духа» на панцирную сетку его кровати стелилось байковое одеяло, потом сложенные по стрелкам брюки, потом матрац и его постель. Естественно, аккуратно заправленная.

В итоге была тройная польза: вино, оставались вкусности, требовавшие еще вина, и выглаженные брюки. Потом мы рассказали Вагифу о проделке. Он смеялся, даже похвалил за находчивость.

08.04.2022

Незнакомка или как обманчива внешность

Маленький экскурс.

Когда гуляю с собакой по нашему лесопарку, обычно выбираю малолюдные аллеи и тропинки. Так как пес (громадный маламут) бурно негодует при встрече с кобелями. Всегда беру с собой пакет для мусора. Режет душу, как тварь людская гадит на (нет, как В Украине) в природу. Неужели ничего в душе не шевельнется, бросая под ноги банку, бутылку (мужики), салфетки, обертки от конфет (женщины и дети)? Дети не берут пример с родителей, брать нечего. «Разумное, доброе, вечное» уже редко сеют.

Один «любитель природы» регулярно месяцами в одно и то же место на входе в парк бросает банку из под пива «Балтика N3». «Месячных» нет тогда, когда он летом недели три в отпуске. Я ему уже и намекал, цепляя рядом на сучок пакет с его пустыми сплющенными банками, и наваливал на дороге кучу мусора с его банками – нет, он все-таки бросает банки в одно и то же место! Уже и текст я придумал для него с намеком, что лечиться надо, пока легкий шиз не перейдет в серьёзный, и вспомнил анекдот про N3:

- Доктор, у мине шо-то с организмом.
- А что такое?
- Какое пиво не пью – выходит «Балтика N3»

Жена, мудрая, отговорила от эпистолярного жанра:
- А бесполезно, вряд ли поможет.

По понедельникам, средам и пятницам фермеры к соседнему метро привозят свою молочную продукцию. Цены примерно магазинные, качество выше. Вот и сегодня поехал за «молочкой».

В метро надо проехать одну остановку. Обычно на одну остановку не сажусь, а тут сел, сумку тащил, подустал. Неделю перед этим сражался с какой-то инфекцией. В голове роятся мысли о гадких людях, о том, что природой можно любоваться только там, где людей нет. Примерно такие мысли, не лучше и не хуже. Голова не отдыхает, хоть и работает на холостых оборотах.

Напротив меня сидит бабка. Сверлит меня глазами. Седые космы, губы тонкие, очки… нет, не помню, были ли на ней очки. Глаза помню, а про очки нет. Пристально смотрит и смотрит. Я, как обычно в метро, скользнул по ней взглядом и отвернулся, а она, не отрываясь, глядит почти в упор.

Размышляю, что же во мне не так, почему такой интерес? Сижу скромно, ноги на ширине плеч, не враскорячку. Хàризмой особой не обладаю, ширинка застегнута, джинсы и туфли вполне сносные, хоть и не первой молодости. Все вроде нормально. Чего глядит, не пойму. Может потому, что только мы двое не уткнулись в смартфоны, как все вокруг? Маловероятно, что дело в этом. Вид у нее как у Георгия Милляра, помните такого, играл всегда в советских фильмах Бабу Ягу. Хотел ей подмигнуть из хулиганских побуждений, чтобы на реакцию посмотреть, но, вспомнив благоразумные советы жены насчет своего, иногда неадекватного поведения, передумал.

Кто ее знает, что за бабка, вдруг возмутится. Еще и неправильно истолкует.

Схожу на своей станции. Как правило, восемь пролетов лестниц к выходу, каждый по 9-10 ступенек, иду пешком. Бабка тоже сошла, пошла к лифту. Вышел через крайнюю правую дверь с надписью «Нет выхода», просто так ближе, не из чувства противоречия. К дому ведет метра полтора шириной диагональ асфальтированной дорожки. Идти примерно 5-6 минут.

Сразу даже не понял: впереди меня чешет по дорожке бабка на курьих ножках. Видать, выскочила из лифта-избушки как черт из табакерки. Пытаюсь обогнать. Куда там! Как у

олимпийцев в эстафете: при попытке обгона ставит корпус, расставляет локти и блокирует мне путь. Вдобавок, в каждой руке у нее по небольшой сумке. Трава еще мокрая, сходить с дорожки не хочу, навстречу идут люди. Выждал, когда люди прошли, рванул из последних сил. Обгоняю бабку и так, ехидненько-ехидненько, но добродушно:
- И все-таки я Вас обогнал!

И тут она меня сразила:
- Достойному сопернику проиграть не стыдно!
И улыбается. И совсем она не похожа на ведьму. И на бабку тоже. И не хуже меня.

Итог таков. Темп мы сбавили. Минут пять болтали, пока не разошлись. Бабуля оказалась интеллигентнейшим человеком! С чувством юмора, что дается не каждому, особенно озлобленному жизнью пенсионеру. Даже собака есть у нее, как и у меня.

Говорю:
- Мне будет приятно, если вы живете в этом доме (показываю на свой дом).
- Увы, я приехала к дочке, она ждет на остановке. Всего хорошего.

Как зовут не спросил. Не успел спросить, чего она меня буравила глазами и зачем рвалась в лидеры.
Про мусор разговора тоже не было. А настроение с минуса на плюс перескочило.

28.10.2019, 10.11.2019

Порода северная, поэтому имя тропическое – Финик

Нюрнбергские впечатления дилетанта

Из многих запомнившихся впечатлений — три панно из рельефа в интерьере кирхи Св. Зебальда. Собственно на них хочу акцентироваться. Во время войны кирха сильно пострадала. Но часть убранства, включая раку Св. Зебальда, заблаговременно спрятали.

Во всех справочниках и т.д. об этом рельефе практически никак не упоминается. А меня он заинтересовал более всего, не рака, даже не тимпаны порталов, к которым питаю слабость, не скульптура, которая интересная, без сомнения, но подобных вещей я видел много. А вот такой рельеф — нет.

Кто творец этого шедевра — не знаю. Взяты только три эпизода из жизни Христа, но они из самых-самых. Пожалуй, по эмоциональному напряжению, воздействию остались еще «Несение креста»,«Распятие» и «Снятие с креста». Что-то скульптору помешало или такого заказа не было, но скульптор ограничился только тремя эпизодами. Или остальные части утеряны?

Судя по лицам, для всех трех панно позировали одни и те же люди. Портретное единообразие на трех панно налицо. Если присмотреться, то в левом нижнем углу «Вечери» видны донаторы. Вернее, женщина донатор, скорее чья-то вдова, выполнившая волю усопшего мужа. Предположил так, потому что перед ней дети: мальчик и девочка.

На «Поцелуе Иуды» в правом нижнем углу тоже женщина донатор, но детей трое. Вряд ли это одна и та же особа. Рельеф делался в сжатые временные рамки, судя по стилю. Почему на центральном панно нет донаторов — загадка.

Интересно, что в рельефе заметна перспектива! Как автору удалось втиснуть в квадрат много фигур, и при этом зритель не чувствует перенасыщенности!

Еще загадка. Почему для панно была выбрана форма квадрата? Классическая«Тайная вечеря», как правило, хоть и есть редкие исключения, всегда вытянута по горизонтали, в соответствии с формой стола. Скорее всего форма панно диктовалась местом его предполагаемого размещения. Сейчас он явно "не на своем месте".

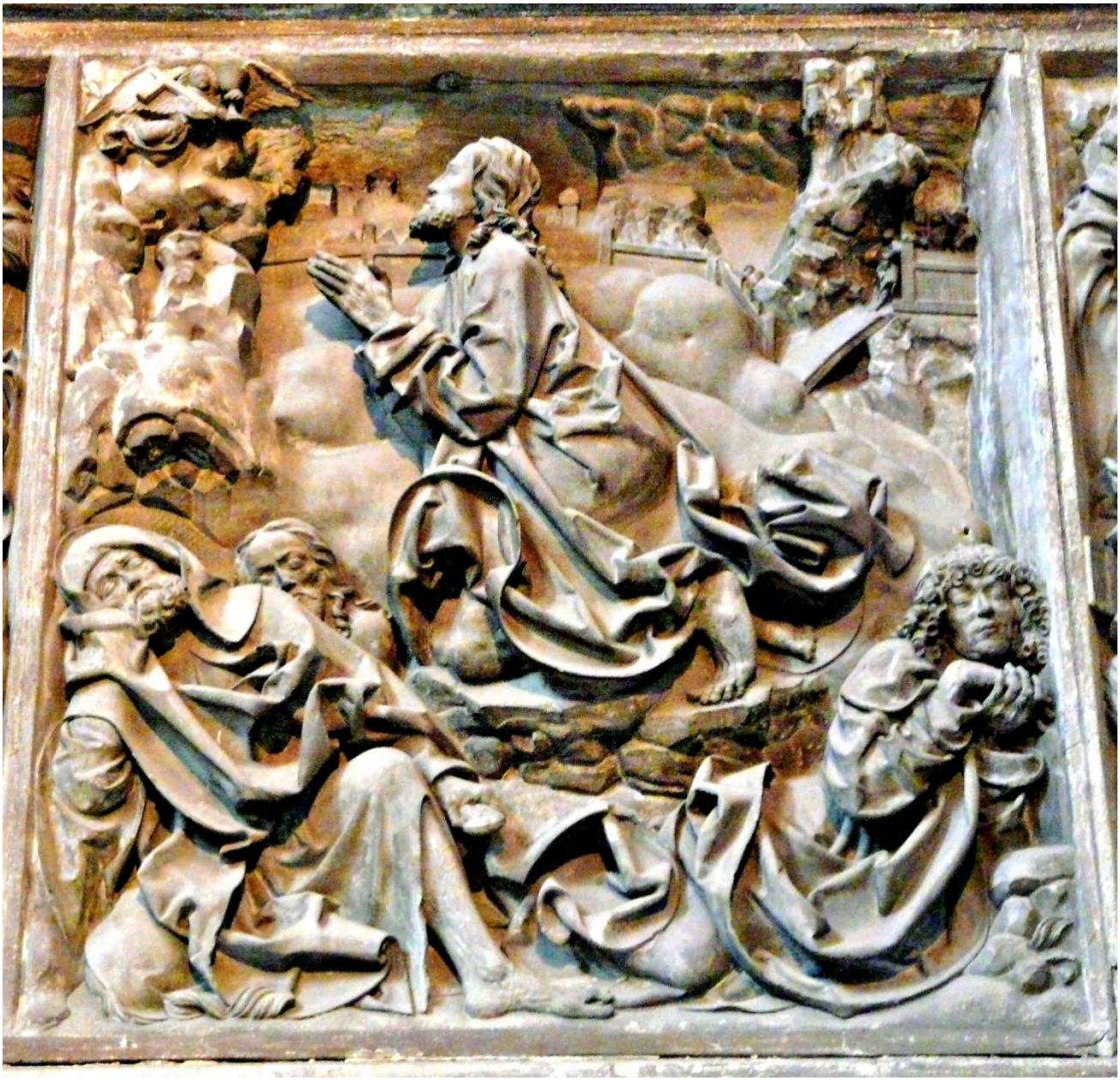
Также меня тронул психологизм в изображении персонажей. Особенно в «Вечере». Любимый апостол Иоанн спит на груди Христа, Петр уже осоловел от выпитого, но кувшин с вином держит крепко над тазом с водой, из которого пьет собачка. Кстати, собачка на надгробиях — символ верности. И Петр сидит не на простом стуле, а на кресле с подушкой. Художник явно подчеркнул последующую особую миссию Петра как «краеугольного камня Церкви».

А самый удачный портрет, по-моему, это Иуда с кошельком в правом верхнем углу.
Якобы переживает, за голову схватился. Дилемма, однако, денежки — это ведь неплохо, уже в кошельке, но как потом в глаза братьям смотреть... Да и братья ли они мне? Время подумать до «поцелуя» еще есть. Мысли шевелятся, он явно не пьян.

Автору панно удалось сохранить индивидуальность образов, прекрасно построить композицию, нет нагромождения фигур на минимуме плоскости.

Интересно, как автор показал, в какое время произошло взятие Христа под стражу. При поцелуе Иуды еще было темно или только начиналось утро. Отсекающий рабу ухо Петр стоит с фонарем.

Тайная вечеря



Моление о чаше

Поцелуй Иуды

Для сравнения посмотрите на медальон в стиле гризайль из Дуомо в Орвьето близ Рима известного мастера Возрождения конца XV начала XVI вв. Луки Синьорелли. Сюжета я не знаю. Да. Мастер. Впечатляет! Рисунок превосходный, отточенный. Не зря в свое время художник считался мастером линии. Но присмотришься — клубок тел. Есть лица, но не видно характеров. Перспектива почти незаметна.

Пусть простят меня почитатели Синьорелли, это только мое сугубо личное восприятие. Художнику нравились многофигурные композиции, «втиснул» таким образом сюжет со многими персонажами в малый размер медальона. Художник прекрасный, на больших размерах, на фресках у него «скученность» не так заметна. И этот медальон – не вершина его мастерства. Но не всякий художник рискнул бы заполнить поверхность круглого медальона десятью обнаженными фигурами, да еще и на стене церкви.

А вот Синьорелли рискнул. Значит, он уже был не первый. Кто-то из церковников его поддержал. Художник даже предельно обнажил одного из демонов. Только не лучшим образом получились пропорции «мужской наготы». Хотя демон и не должен выглядеть совсем уж по-человечески.

Напоследок поделюсь еще вот чем. Мне кажется, автору нашего рельефа было не менее трудно. Сначала набросать надо было план на бумаге. Неизвестно, были ли фигуры раскрашены. Некоторые шедевры изначально были цветными. Потом сделать трехмерный макет.

Вот как он его делал? Не из песка же. Какой-то податливый для резки но сохраняющий форму материал. А потом ведь готовые фигуры надо было крепить на основу. И скорее всего фигуры «доводились» уже на месте. И наконец, окончательная шлифовка. Макеты фигур,«куклы», думаю,

что делались из липы. Мягкое дерево, из нее много деревянной скульптуры. (Как пример, Тильман Рименшнайдер или отличный музей скульптуры из дерева в испанском Вальядолиде).

Вспомнил интересный факт. В Барселоне при Саграда Фамилья есть музей истории его строительства. Там рассказывается, каким образом Гауди моделировал собор. Брал женские чулки, в зависимости от высоты башен их обрезал, наполнял песком и подвешивал на листе фанере все сразу, примерно соблюдая пропорции. На пол клал зеркало и рассматривал перевернутое изображение. Меняя положение и длину чулок получал первое приближение, как собор будет смотреться «вживую» издалека.

Как говорится, все гениальное просто.

Лето 2015 г., август 2022 г.

Две необычные «Тайные вечери»

Фреска «Тайная вечеря». Баптистерий в Падуе. Иуда с черным нимбом

Тильман Рименшнайдер. Тайная вечеря. 1501-1504. Ротенбург-на-Таубере

Открытое окно в музее Дюрера

Рака Св. Зебальда

Церковь Св. Зебальда

Проходя по улице. Маскарон над входом

Ю. Вебер. Фонтан-гротеск "Брачная карусель. Фрагмент. Обжора и ее тощий муж

Музей. Двенадцать апостолов

Музей. Фома неверующий

Музей. Неравный брак

Два лекарства

Лекаство первое.

Прихватила как-то меня диарея, слово мудреное, древнегреческое, в переводе означает «протекать через», а вот народное название простое - понос. Врачи любят такие термины,чтобы подчеркнуть свое превосходство, отличие от нас, простых смертных. Но как ее (его) как ни назови, употреби женский или мужской род – если приспичит, то не до этого и не до той. Не могу второй день от «белого друга» отойти более чем на 50 метров. Скорость уже не та, тапочки сразу не найдешь, боишься, что не успеешь. А тут жена не выдержала и предложила новое средство. Называется «ЭКОфурил». Все-таки туалет надо иногда освобождать, ты здесь не один живешь. Пришлось принимать, так как народное средство, сто грамм водки с солью, не помогло. И жена уже стала подозревать, что слишком часто это средство употребляю. А я не симулянт! Прочел сначала невнимательно рекламацию:

Изготовлен: г. Киров, от диареи. Это я понял, но такой мелкий-мелкий шрифт, что и в очках +3 не разглядеть. Бросил вчитываться после того как узнал взрослую дозу.

Успокоился. Употребляю эти таблетки, но не могу расстаться с самым-самым теперь близким «белым другом».

Хватит уже! Три дня прошло. В чем дело? Что такое? Решил внимательно рассмотреть упаковку. Присмотрелся. Удивился. Написано: «Препарат содержит сахарозу и краситель солнечный закат». Это правда! Шо ж они красят!

Во как! Как поэтично! Хоть хоти, хоть не хоти, а только вечером на закате в резонанс войдешь! Теперь понял. Не то время приема таблеток было... Втайне хлебнул 200 гр. Помогло!

Вопрос: А если пасмурно и закат не виден, что тогда? Резонанса нет, опять красить унитаз естественным красителем? И еще. Есть арийцы, и есть диарийцы, т.е. отъявленные засранцы.

Лекарство второе.

Я закончил курс «Простанорма». История прямо таки анекдотичная. Излагаю по порядку. Напугали меня, что у мужиков моего возраста либидо и не только оно падает из-за скверных мужских болезней. Женщины как непосредственно женщины в плане предназначенном природой становятся безразличными, а я этого не хочу, и что их эти наши мужские болезни не берут. Паритет тела и души нарушен. Феминизм или нет, но надо быть начеку.

Пошел в аптеку. Говорю аптекарше подробно, ничего не скрывая: так и так. Ничего не болит, все функционирует, но есть ма-а-ленькое подозрение, возраст все-таки. Надо поддержать неустойчивый хрупкий мужской организм. Пока фуекционален, не сбоит, не жалуюсь. Конечно, уже не так, как в студенческие годы, но в моем возрасте грех жаловаться. Но с учетом на износ в Интернете посмотрел рекомендации. Говорят, что рекламируемый «Простамол-Уно» ерунда полная. А что Вы порекомендуете новое, эффективное?

- Вот, я мужу купила это новое лекарство, таблетки, он попринимал неделю, сказал, что хорошие. Говорит, что окреп, стал себя лучше чувствовать. Сама заметила, раньше был какй-то вялый, безразличный, теперь энергичный, нормальный. Вижу, что помогло. Только курс надо пропить полностью. Минимальный курс 30 таблеток, по 2 за раз 3-4 раза в день до еды. И категорически: никакого, подчеркиваю, никакого алкоголя за время приема лекарства.

Аптекарша примерно моего возраста. Значит, мужу тоже около того. Или даже постарше будет. Убедила. Правда, не спросил, как именно помогли таблетки: мужу или ей. Постеснялся. - Ладно, давайте.

День пью, второй, третий. Что-то утром мне как-то тесновато, неуютно в трусах. Вроде бы что-то мешает. Батеньки! Трусы-то выпячены, размер того что внутри увеличен.

Госпожа Эрекция, здравствуйте! Именно так, с большой буквы! Радость-то какая! Наконец прочел инструкцию. Оказалось, «Женщинам помогает при бесплодии, а у мужчин способствует качеству и количеству вырабатываемого эякулята.» Вот-вот, именно этого мне так и не хватало! На качество уже наплевать! Мне количество важнее! Не, больше это не куплю! Куда мне столько эякулята! Не распределю. А то все трусы рваные будут. Неужели правду говорят, что лучшее лекарство от всего – это водка? Не может быть! А раз мужу аптекарши точно помогло, есть предположение: пока он пил таблетки, то водку не употреблял, съел полторы пачки за неделю, что в совокупности положительно сказалось на мужском организме. Подумал,что аптекарше таблетки помогли больше,чем ее мужу.

15.08.2022

Два павлина

Павлин первый.

Были с женой в Кисловодске в командировке по музейным делам. Дела решили быстро. Устанавливали в доме-музее Солженицына систему компьютерной продажи билетов. Осталась пара свободных дней. Делаем что захотим, наслаждаемся жизнью. Обошли уже город вдоль и поперек. Посетили и дом-музей Шаляпина, и дом-музей Ярошенко. Впечатлены. Экскурсоводы прекрасные, видно, что обожают свою работу. Я бы даже подобрал другие понятия: не работу, а – радость общения с поссетителями. Желанием донести до них все, что знаешь сама. Преклоняюсь перед такими энтузиастами. Знаю, бывает трудно чем-то поразить посетителя, решившего снова посетить музей.

И вот в один из свободных дней под влянием хорошей, не жаркой солнечной погоды как-то незаметно нас затащило аж на самый верхний терренкур Кисловодска. Город под солнцем, внизу под нами. Красота! Нагулялись, набродились, зашли и надышались в Долине роз, усталые ползем домой.

Дом-музей Солженицына

Долина роз

Отдыхающий в Долине роз

Спустились мимо колоннады, проходим мимо какого-то санатория. На лавочке в тенечке сидят мужик фотограф и две тетки, лузгают семечки. Поздоровались. На юге принято здороваться даже с незнакомцами. Местные мгновенно по этому признаку опрелеляют откуда ты родом. Сразу уйти как-то неудобно, поддерживаем разговор. Разговариваем о том, о сем. О ни о чем. Рядом ходит красивый расфуфыренный павлин и пытается что-то съедобное отыскать в лузге. Не очень жарко, и ни ветерка. С такой задней парусностью хвоста даже при легком ветерке павлина бы сдуло сразу.

Вдруг фотограф его заметил:

`- Ах ты курица паршивая! Расцветила зад перьями, расфраегилась и думаешь, что тебе все можно! А ну пшел на место!

И сделал пару угрожающих жестов. Мы в недоумении. А эта курица скок-скок, хвост сложила, быстренько-быстренько побежала к своему насесту для фотографирования, мигом взлетела на жердочку, снова распушила хвост — и гордо замерла! Фотографируйте! Только черные бусинки-глазки на солнце поблескивают! Меня еще вот что удивило. Помчалась на свое место не напрямик, через газончик, как ближе, а цивилизованно, по периметру асфальтовой дорожки.

Я, как обычно, не удержался, вмешался.

- А почему Вы считаете, что это «он».
- Я не считаю. Это я знаю. Его баба дома у меня сидит в курятнике. Ее хрен чё делать заставишь. Упертая. Или тупая. А утром ведь этого поганца перед работой я накормил, треть кружки пшена дал, подождал пока просрется — и на тебе, ни одной фотки за день! Вздумал тут побираться, голодного корчить!
- А он как, любит ласку, можно его погладить?
- Да пожалуйста. Гладьте. Осторожнее, клюв у него сильный, может цапануть, если что не понравится. Страшно духи и дезодоранты не любит. Тикает от таких гражданок. А так смирный, мужиков не трогает. Хотя скотина есть скотина, она только розгу чует.

Осторожно подошел, протянул открытую пустую ладонь, поднес ее к клюву для знакомства. К сожалению, ну ничего съестного у меня не оказалось.

Этой же ладонью тихонько стал поглаживать цветистый хохолок на крошечной головке.

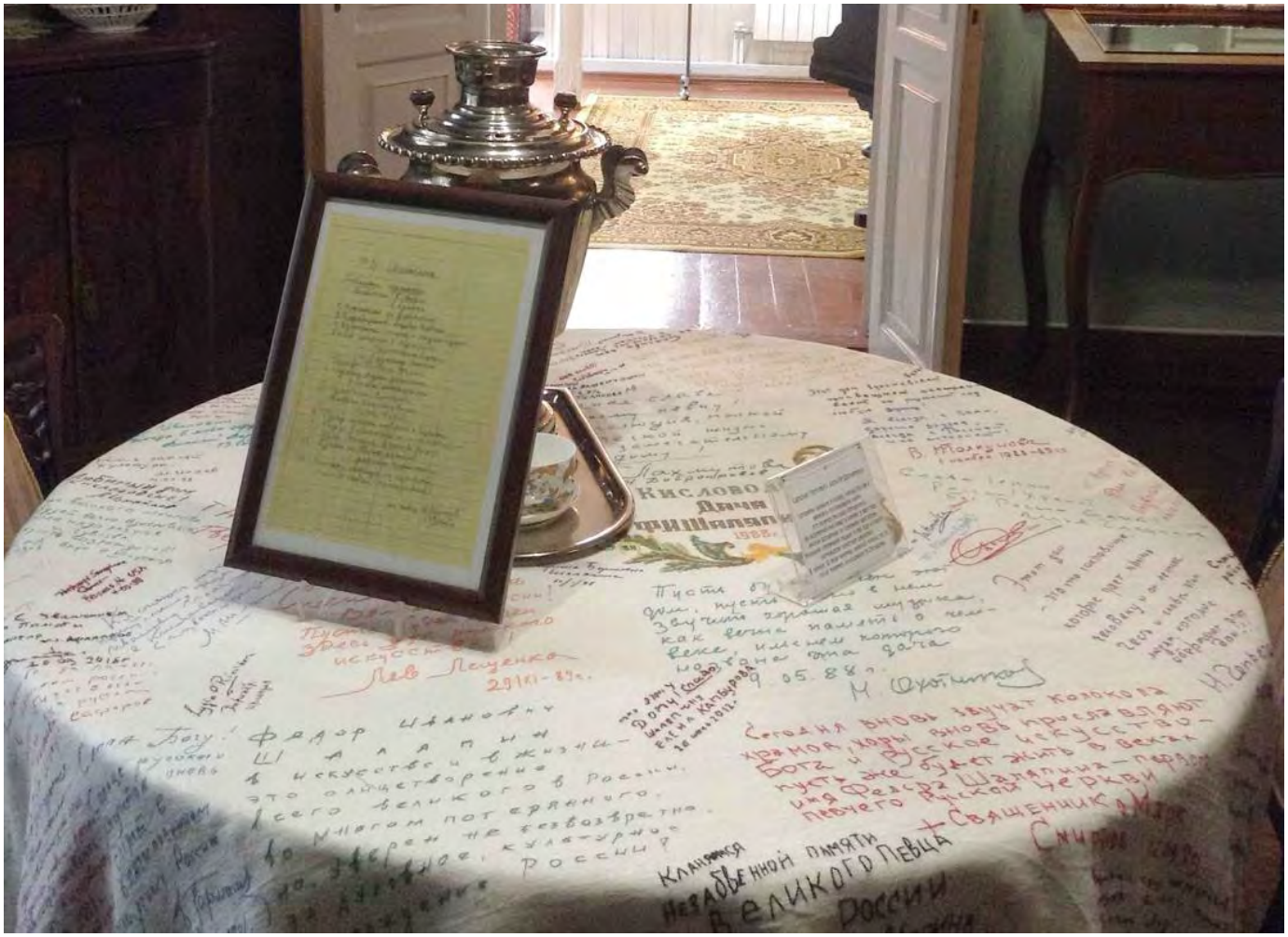
Если вы в детстве гладили котенка, то должны помнить, как он упирается своими передними лапками и пытается продернуть свой лобик навстречу гладящей ладони. Что-то похожее почувствовал и здесь.

Глажу левой ладонью и поднес к клюву правую открытую ладонь. Настороже! Цапанет? Нет! Познакомились. Стал осторожно-осторожно гладить ему тельце, вцепившиеся в жердочку жилистые ноги. Глазки-бусинки подернулись пленкой.

Чувствую, что павлинчик-то дрожит. Кто его знает от чего. То ли опасается, ему это как-то необычно, к человеческой ласке не привык, то ли ждет от меня подвоха, все-таки боится. Надо прекращать.

— Спасибо, мы пошли.

— И вам не хворать..



«Книга отзывов» в доме-музее Шаляпина

Павлин второй

Лет 5 назад мы были в Севилье. Накануне я и мои компаньонки (путешествовали по Андалусии вчетвером) крепко подустали. Дорога была тяжкая. Отсыпаемся.

— «Вставайте, графини МГУ, рассвет уже полощется». И.. Реакция ожидаемая. Обозвали извергом и послали подальше.

Январь месяц, а погода неожиданно теплая, весенняя, градусов 20. Еле-еле одну «графиню» я все-таки растолкал и уговорил со мной сходить в Алькасар. Конечно, не то великолепие, как в Альгамбре в Гранаде, но очень интересно.

Поселились мы прекрасно. Центр, все в шаговой доступности. Пришли.

В севильском Алькасаре

Я уже не в первый раз в Севилье, воодушевленно рассказываю о кессонных и ячеистых потолках, о том, что Европа через арабов узнала о кафельной плитке, о запрете изображения человеческой натуры, о том, как хитро, иносказательно пытались обойти запрет, как вдруг...
-Ты сюда глянь! Нет, ну ты глянь!

Посредине одной анфиладной комнаты на кафельном полу сидит девица. Красиво сидит, симпатичная. Меня всегда поражала непринужденнось некоторых людей. Чувства полярные: либо симпатия, либо разлражение. А тут... Короткие шортики, ножки раскинуты, ей так удобно. Татуировок не заметил. Раздражают они меня почему-то. Сумочка расстегнута, лежит на коленках. Берет из сумочки, крошит себе в ладошку круассан и кормит важно распушившего свой хвост павлина. Впечатление, что павлин больше нее, главный в этой паре, и ему делают одолжение.

Посетители аккуратно пару обходят, смеются, некоторые предлагают добавку. Сценка и правда восточная. И место соответствующее – арабский алькасар.

Внезапно павлин сжимает веер своего хвоста в пучок и пулей сквозь ноги посетителей исчезает в анфиладах.

Ну индюк, ей богу индюк. Только головка и клюв поменьше будут. И «бороды» нет.У нас такие с бабушкой по огороду двое шастали. Я когда их побаивался, она меня подбадривала: -Не лякайся. Бачиш, цей гиндюк більш тебе лякаэться, ніж ти його. А ось цей мабуть фашист. Він намене вже тричі кидався, аж борода синя була, щось йому не сподобалось.[i]

Стала понятна паника павлина. Со стороны садов появляются два секьюрити. Голоса возмущенные. Я только разобрал «hijo de puta»[ii], остальное не понял. Притушив свое раздражение, максимально вежливо они начинают выговаривать девице. А та только хлопает глазками, подобрала ножки, крошки сунула себе а сумочку в пакетик и лепечет: Je ne comprends pas, Je ne comprends pas. Я знаю, как Ипполит Матвеевич в «12-ти стульях» жаловался, что уже не ел 6 жур. Мои знания французского на этом кончаются. Хотя, еще знаю «Шерше ля фам».

Секьюрити все продолжают гнобить и наседать на девчушку, стращают, что при входе ведь написано большими белыми буквами на черной табличке предупреждение, что нельзя кормить животных на территории музея. Кошек, голубей, павлинов, рыб в бассейнах.

Там же сразу после английского идет французский. Что, на родном языке читать не умеете? Вы табло видели, так? Девица в некотором шоке.

[i] Не бойся. Видишь, этот индюк больше тебя боится, чем ты его. А вот этот, наверное, фашист. Он на меня уже раза три бросался.,даде борода посинела. Не понравилось ему что-то (Укр.)

[ii] Сукин сын (Исп.)

Решаю вмешаться. Подхожу к секьюрити и задаю какой-то глупый вопрос. Надо их сбить с мысли, переключить. Меня напарник этому научил. Они переключаются на меня. Девица ускользнула. Им же скучно, а тут посетитель их о чем-то расспрашивает, интересуется. Они приосанились, вроде бы при деле.

Английского они не понимают. После общения на ломаном-ломаном испанском и итальянском узнаю историю этого павлина.

Их тут несколько. Этот уже старый. Местная достопримечательность. Но эсволочь еще та! (Специально написал «эсволочь». Испанцы плохо выговаривают слова, начинающиеся с буквы с, за которой идет согласная. Говорят, например, эстуденте). Они бы этого павлина давно зажарили бы и съели или просто прибили. Но начальство его бережет. Осточертел. Гадит в комнатах. Обычно разгуливает на входе в анфилады, принюхивается к дамским сумочкам. Они же маленькие, их разрешено с собой брать. А дамы часто тащат с собой то круассанчик, то песочное пирожное. Этот гад ходит и вынюхивает, что ему нравится. К мужикам не пристает, знает, что у них нет пирожных.

А потом не отстает от этой выбранной сумочки-жертвы. Когда видит, что нас рядом нет и людей немного, начинает даму с сумочкой «охмурять». Распускает хвост, ходит вокруг нее, курлычет. Естественно, дама умиляется. Начинает его жалеть, кормить. Как он пережрет, уделывает пол, а нам приходится прибирать за ним. Нет времени ждать уборщицу. Бывает, что раза три за день достается. Нас он хорошо знает, не раз его лупили, а все равно продолжает.

Спросил бы академика Павлова. Рефлексы ли это или все-таки что-то более серьезное?

05.08. 2022

Прогулка с Черным

Перед майскими праздниками проявили милосердие: взяли «на пару дней» пса подержать, пока не пристроят. Позвонили нам вечером, знали, что у нас почти два года назад от тромба умер маламут. Вышли. Участь пса решает местная Дума - общество из нескольких жильцов нашего дома. У того - пара кошек, у того, сердобольного, - кобель, у этих - девочка, остальные молчат. А пес, как его мы увидели, был такой растерянный-растерянный, испуганный! Еще бы, день привязанный к ограде у дома просидел, даже к заботливо оставленными бывшими хозяевами еде и питью не притронулся. Темная история. Пес был вымыт, вычесан. Как рабы на продаже в Древнем Риме. Посмотрели, ёкнуло, а он еще и лизнул протянутую погладить руку. - Ну, пошли с нами. Теперь твое имя – Черный. Так он временно обрел новый дом. А «пара дней» продолжается уже пару месяцев и пару недель.

Пес немного «оттаял» в домашней обстановке, получил «документ», собачий паспорт, прошел цикл прививок, привык к своему новому имени, отзывается. А вот сейчас проявляет нетерпение: время дневной прогулки. После повизгиваний, подпрыгиваний, других собачьих выражений радости, наконец, после команды «пошли» бежит и усаживается на коврике у двери, подставляет голову под ошейник.

Подошел лифт. Натянув поводок влетает в него. Все обнюхал, встал на задние лапы, царапнул когтями по зеркалу, увидел себя, спустился на четыре лапы, угомонился: все верно, идем гулять, обмана нет.

Выходим из подъезда, вокруг спокойно, при осмотре врагов не нашел. Спускаемся по лестнице в парк. Обычно до конца лестницы не позволяю ему «задирать лапу», поворачиваю за угол перед детской площадкой, чтобы обильное слияние с природой происходило там, за поворотом. Поводок у меня в руке крепко натянут, расслабиться нельзя. Пес импульсивный, между фиксацией цели и рывком – доли секунды. Если расслабился, и если пес рванет, и ты не успел сконцентрироваться – шмякнешься. Хоть и 34 кг., поменьше на 10-12 кг. моего предыдущего любимого маламута Финика, но рывок у него – ой. ой, ой, дай боже. Через три дня после появления у нас пса жена заработала гипс на запястье – рванул за выскочившей из кустов птицей – реакция у нее не сработала, упала.

Наконец, ослабляю поводок, пес собирается сделать свои дела. И тут... Ногу уже задрал, но... Кот! Рядом! Вплотную! В паре метров! Да как он смеет! Всплеск собачьих эмоций! Естественная процедура отложена... Не до этого: рядом вражина!

У кота плещется в глазах ужас, уши прижаты, шерсть вздыблена, шипит, хвост туда-сюда, спина выгнута: стоять буду насмерть! Он, ошалевший от встречи, за маленьким кустом у стенки. Бежать ему некуда. Дорога вверх по лестнице в опасной близости от пса, вниз – надо продираться сквозь кусты. Я уже еле-еле-еле удерживаю пса. Тот неистовствует, хоть ошейник и сдавливает ему горло, с хрипом гавкает, когти по бетону ступенек почти высекают искры, стремится к врагу. По сантиметру, по сантиметру, но пес все-таки неумолимо подтягивается к коту, несмотря на мои попытки его удержать. Точно как у Высоцкого: «рвусь из всех сил, изо всех сухожилий». Замечаю, что это действительно кот, а не кошка. У меня в детстве были всегда черные коты. Этот, по морде видно, явно кот, но домашний, ухоженный. Вышел погулять на свою голову.

Дистанция сокращается. Когда между мордами оказывается менее метра, нервы у кота не выдержали, треснули. Он с воплем, воем, не знаю как описать эту кошачью «арию», стремглав бросается вниз сквозь кусты. Пока пес сообразил и рванулся за ним, кот сделал хитрющий финт. Добежав до конца кустов, он резко повернул назад, взлетел по лестнице и скрылся. Пес обескуражен. Провели как щенка.

Горжусь, что поводок пытался удержать в руках и удержал, якобы ситуацию контролировал. Пса сумел удержать от погони, физически это было полегче, а ругать его бесполезно. Да еще когда у него столько адреналина в крови. Но все равно отчитал, не удержался. Псу-то все равно, а я чуть-чуть эмоции сбросил.

Пес успокоился, по крайней мере внешне, закончил свое неоконченное дело с задиранием лапы. Заворачиваем мы за угол, чтобы по нашей тропинке идти в парк, и ... Благодушное мое настроение улетучивается. Рывок! Еще рывок! Мысль одна: только бы не упасть, гипса не хочу!

Расслабился после кота. Поводок вырван из рук. Молниеносно! Второй кот!! Разглядеть его даже не успел. Говорят, что в одну и ту же воронку снаряд не попадает! А ведь сегодня 13-е число! Попало! Теория невероятностей! Кот и мой черная молния-пес исчезают из вида.

Жду минуту, вторую, третью... И вот на мои призывы «Ко мне!», «Ко мне!», «Ко мне!» прибегает виноватая морда, его шикарный для «дворецкого» хвост, видимо наследие папы лабрадора, и поводок волочатся сзади. Виновато, как-то покорно, ложится у ног: «Прости, хозяин, не удержался». Кота не догнал, но ситуацию отработал. И хвост, только я слово произнес, сразу пропеллером завертелся, полная преданность, беззаветная. Ложится у ног на спину, пытается даже лизнуть руку. Хитер, стервец! Простил, хоть и подобного будет еще немало. А вы разве поступили бы иначе?

Пошли, Черный, погуляем. Только спокойно, спокойно, без рывков, пощади меня... А парк полон соблазнов. Черный вертит башкой направо, налево, глядит и вверх, на деревья. Тут ведь кормушки для птиц. Белки есть? Идет постоянное сканирование местности, поводок все время натянут. Ну зачем же ты пытаешься лезть на дерево за белкой, ты же все-таки пес, ну не дано это тебе, не смеши людей!

И чего ты всякую дрянь подбираешь? За тобой не уследишь. Что-нибудь мало-мальски съедобное – быстро-быстро, судорожно хвать, и чтобы я отнять не успел уже глотает. Что это? Воспоминания о выживании в тяжелом «дворянском» детстве?

А намордник одеть жалко. Да и старый, от маламута, три таких морды вместит. В жару так в нем морде некомфортно.Помню, что Финик ухитрялсяи через намордник слопать вожделенную дрянь. Втягивал! Всасывал!.

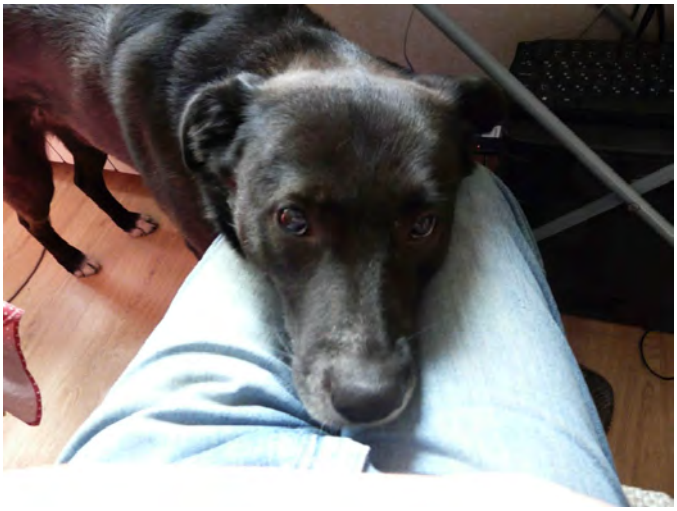
А как-то раз с Черным мы встретили ежа. Это было нечто! Шипучий колючий шарик замер, вот он, вот он! Полная досягаемость, хозяин отпустил поводок. Но как же его взять? Лапе бо-бо, укололся, на лай не реагирует, со всех сторон утыкан иглами, колется, хорошо что нос в клубок не сунул, инстинкт сработал!

И немного наблюдений о собачниках, вернее, о тех, кто с собакой гуляет. Иногда это не одно и то же. Собачники любят собак, даже не своих. Может быть, не настолько любят, но, как бы это сказать, внимательны к встречной собаке. Попадаются странные люди. Обычно, если вижу вдалеке крупную собаку, жестами показываю хозяину: я - вправо, а вы тоже вправо. Мало ли как собаки друг на друга отреагируют. Издалека не видно, кобель или девочка. Всегда этот способ срабатывал.

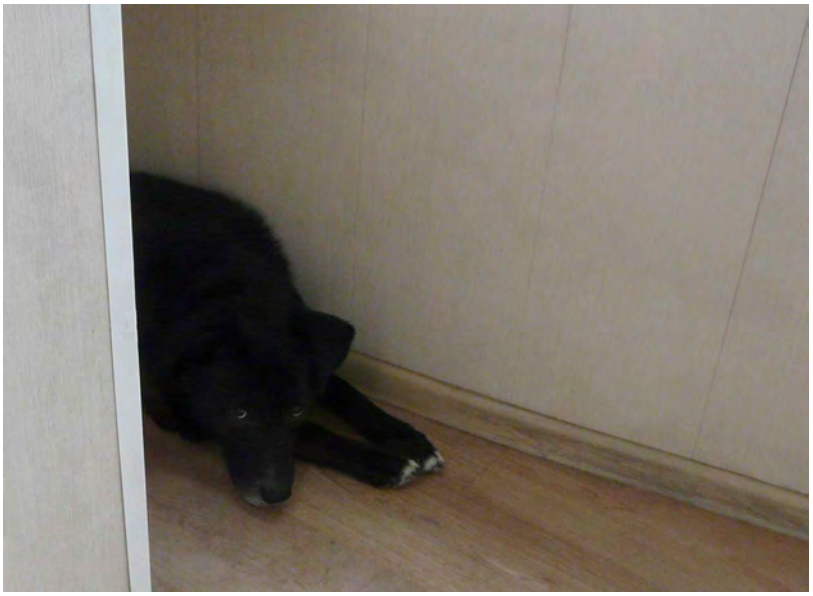
А тут... Вижу вдалеке крупного пса. Хозяин тоже прекрасно меня видит, но на мои жесты никак не реагирует. Думаю: считает за идиота.. Ну, по ЕГО логике он прав. Ведь у древних греков это слово обозначало «несведущий, далекий от общественной жизни человек». Примерно так. Уверен, что выводы мы оба сделали правильные. Верно охарактеризовали друг друга. Уже сближаемся. Осталось метров 40. Кобель. Лабрадор. Они обычно не агрессивные. Но мой пес рвется в бой. А тот будет побольше моего. И тоже уже стал рычать, завелся. Говорю:
- Будет Бородинская битва. Не ясно, кто был победитель, но друг друга тогда поколошматили изрядно. Придержите своего.

Безразличие на лице. Примерно так: «Ваши проблемы – вы и разбирайтесь».Только слегка укоротил поводок, немного отошел к краю аллеи, равнодушно глядел, пока яростно обгавкающие друг друга псы расходились на встречных курсах. И вся его реакция! А мы разошлись молча! Жизненного опыта мне эта встреча нисколько не прибавила. Эмоций тоже. Почти как в переименовке бренда «Макдональдс»: повстречались – и точка! С ног не свалил меня пес, удержал его, - и хорошо! Пойдем гулять дальше. Надеюсь, белок и кобелей не повстречаем.

13 06.2023, доработка 13.07



На улице при встрече с кобелем – дьявол, а дома - просто ангел лопоухий. Ласковая кошка, не мурлычет только Но придется с ним расстаться. В нашем возрасте и при его неуправляемой энергии он нас просто покалечит. Грустно. Прости, Черный.



После прогулки с Фиником

Ну вот, погуляли, пришли. Уже около полуночи. Финя пошел спать на балкон, а я решил упорядочить «клубок мыслей», уложить их в файл.
В лесопарке (а он у нас громадный, тропаревский) пусто. Хожу ночью только по аллеям.
Не потому, что побаиваюсь, а потому, что попадаютя лисы. Они совсем обнаглели, дразнят собаку,
а чтобы ее удержать нужна не моя моща (громко сказано, силенка, так вернее).
А на аллеях ночью видишь и мышей, а они сейчас мышкуют, и почти всегда лис. Бывали случаи, когда лисенок
просто тянулся к человеку, невзирая на истеричный лай пса. Но от них, как меня учила знакомая ветеринарный врач, лучше держаться подальше.
Но сегодня все было нормально. Полиция, как обычно, совершила свой патрульный вечерний объезд. Проезжая мимо нас поздоровались. Хотя отчетливо лиц за стеклами не видно, приветливо кивают головами. Приятно все-таки. Мысль о том, что я со своим 45 кг. монстром тоже навожу порядок во вверенной области, мне только сейчас поступила на размышление. Ладно.
Пусто. Тихо. Как в моем институте. Я обычно на вопрос «Как там, в институте, что там сегодня было?» отвечаю: "Тишь, гладь, мышь".
Пробежала через аллею пара мышей, как я уже сказал, в это время они обычно переселяются поближе к домам. Вижу, на лавочке сидят 2 красны девицы. Прохожу мимо.
- Ой, какой красавец! А можно погладить? Естественно, «красавец» - это не ко мне.
А Финя очень дружелюбен к людям, особенно к детям. Засунет морду в коляску, если мамаша позволяет, и давай облизывать младенца, хвост вертится, оба довольны. А малыш хохочет, и разнять их приходится натянув поводок.
- Да, можно.
Вижу, что девицы не пьяные, какие-то свои проблемы решают по сотовому. Мало ли что ночью одни на лавочке сидят.
- Только учтите, он хоть и в намордник, алкоголь плохо переносит.
Подумал и честно добавил:
- Бывало, и от меня пахло пивом.
Отпустил пса. Этот предатель, виляя хвостом, кинулся к девицам и важно стоял, пока они его оглаживали.
- А можно мы ему сухарик дадим?
Конечно нельзя. Оттащил предателя, и мы пошли далее. Вот такие бывают почти ежедневные "приключения".
А случается и похуже, это когда он бросается на кобеля, а я болтаюсь на конце поводка, иногда горизонтально.
Вспомнил пару-тройку забавных (теперь забавных, а тогда не очень) случаев. Во-первых, преамбула такова. Как он вообще у нас оказался. Ирина, жена сына, души не чаяла в маламутах. Это достаточно редкая аляскинская порода.

В доме у сына оказались 2 кобеля маламута. Оба очень породистые, куда там мне. Старшего даже брали на показ мод Юдашкина, пес с поднятым хвостом важно ходил по подиуму с моделями. Пока наш был щенком, старший его терпел, не пускал только к своей миске, оттаскивал от нее. Но потом начались смертоубийственные драки. До порванных ушей, зашивания морд и т.д. И сын сгоряча хотел отдать нашего куда-то в охотхозяйство. Но в итоге он оказался у нас. Когда его увидела жена, а хвостатому мальчику было менее полутора лет, привезли его к нам в ее отсутствие, то ее чуть кондрашка не хватила. В нашей однокомнатной квартирке только слона не хватало! Но пес, кстати его зовут Финик, оказался таким ласковым, человечным и просто забавным, и еще умным, (когда ему это выгодно!), что она быстро оттаяла. Теперь, когда меня спрашивают, как вы с ним живете в однокомнатной квартире, отвечаю:

- Ну, мы люди простые, ютимся в комнатке, а пес живет там, где ему удобно. Ночью на балконе, днем рядом с нами, любит общество. А зовут его тропическим именем Финик, потому что собака северная. Так теплее. Правда, по утрам бывают неудобства. Ты проснулся, открыл глаза. Пес это заметил, подскочил, облизал и давай с тебя стягивать одеяло – гулять пора!

Не буду утомлять подробностями о маламутах, все можно найти в Инете. Этимологию названия не знаю. Эта порода крупнее хасок, обычно маламутов ставили на тяжелые нарты вожаками у хасок. Отсюда доминантность их породы. Как правило, им нужно всех построить и сказать, что он главный. Отсюда у нашего такая непримиримость к кобелям. Да и наверняка запомнил драки со старшим товарищем. Хотя я наблюдал интересные случаи. Как-то я его отпустил, вдруг появился кобель, в породе не уверен, кажется, самоед. Такой весь белоснежный, как шарик. Ну, думаю, все, сдуется шарик (а намордник я снял, никого вроде не было, дал псу в снегу поваляться). И тут бежит этот самоед. Мой увидел его, сразу принял грозную бойцовскую стойку, а тот подбежал и стал морду моему облизывать, обнюхивать. Появился хозяин.

Я - ему:

- Как же вы не боитесь за свою собаку!

А он:

- Да не волнуйтесь, я видел вашего маламута, правда я думал, что это просто крупная хаска.

Мой дружит с лайками, хасками. А вот с овчарками, сенбернарами, лабрадорами лается.

После этого случая я понял, что ни черта в собачьей психоогии не понимаю. Но от кобелей надо держаться подальше. Это факт. Даже в наморднике может просто затоптать «врага».

Один случай я вспомнил. Были еще. Как-то весной (март-апрель) поздно вечером только вошли по аллее в лесопарк, вижу, метрах в 30 на аллее сидит лиса. Красиво сидит, как древнеегипетская статуэтка кошки. Не боится, несмотря на лай пса. А пес рвется неистово, удерживаю его с трудом, несмотря на строгий ошейник. Лиса нехотя встает и через поляну идет к чаще. Идет спокойно, неторопливо, оглядывается, не бежит. Хвост будто по траве волочится. Пес совсем озверел, дерева рядом нет, чтобы обмотать поводок и зацепиться. Сил удержать не хватает. Тащит меня за собой как балласт, нет, не как балласт, как мешок с плавающим в проруби продуктом. Инстинкт сейчас для него превыше всего. Даже хозяина. Притягивает пес меня к чаще, я с трудом обматываю поводок вокруг какого-то кустарника. Думаю, что пронесло. Ан нет. Лис в 20 метрах сидит и тявкает. Более того, со стороны поляны бежит второй лис. И они, гады, сели по разным сторонам от нас и стали наглым образом тявкать, просто дразнить пса. Тот сходит от такой наглости с ума, ломает кустарник и кидается на ближайшего.

Пока он метался, кто все-таки ближе, на кого броситься, я успел захватить поводок. Только теперь лисы кинулись наутек, пес за ними, и я, болтаясь на поводке, за псом. Слава богу, что в том месте еще снег не сошел. Проволок сквозь кустарник он меня прилично, а уже возле деревьев я растопырил руки и смог зацепиться за дерево. Удивительно, но сильно не подряпался. Руки в перчатках и был тепло одет.

Еще случай. Довольно комичный. Обычно по утрам гуляю по лесу по тропинкам. Всегда с пакетом. Мусор людской собираю, природу жалко. Итак, выходим мы из лесу, в одной руке у меня пакет с мусором, в другой поводок. До урн надо пройти через поляну. Деревьев там нет, зацепиться не за что. Вроде все безопасно. Стоит на изгибе аллеи мужик, курит, собаки не видать. Поводка в руках у него нету.

Думаю: безопасно. Начинаю переход. Вдруг из кустов выскакивает пес мужика и начинает лаять на моего. А мой не терпит такого неуважения. С места в карьер, рывок, и я со своим пакетом мусора его удержать не могу, лечу наземь, поводок вырван из рук, Финик летит к этому псу и просто начинает его топтать, так как намордник я ему не снял. Пока я бросил мусор, пока мужик подбежал к собачьему клубку, от его пса, кстати он его Мишей называл, если бы мой был бы без намордника, мало что бы осталось. Растащили мы их. А недалеко от схватки центральный вход в лесопарк. Стоят охранники и болтают с полицейскими из патрульной машины. Мужик здоровый, но какой-то чудной. Как птица взмахивает, нет, скорее как-то театрально всплескивает руками, кричит:

- Милиция, милиция (именно так!), вы видели! Вы видели! Идите сюда! Охранники знают моего пса, смеются. Полиция вообще не понимает, в чем дело. На всякий случай сели в машину и уехали. Я думаю, хорошо что мой был в намордник, а то был Миша - и нету Миши. А мужик все не может успокоиться. Миша его благоразумно удрал, а хозяин все вопит:

- Идите сюда, идите сюда! Нет, вы посмотрите, посмотрите! Что вы стоите! Охранникам это надоело, помахали мне рукой и ушли в свой пункт. Мужик

переключился на меня. Раздраженно, но без мата, пыхтит:

- Надо с такой собакой гулять там, где людей нет! Вы же не удержали ее. У меня даже злости к мужику не возникло. Думаю, как бы ему схохмить, спустить инцидент на тормозах. Отвечаю:

- Вы же видели, что я вышел из лесу. Там мы и гуляли, никого не было. Людей не было. Выхожу, а тут вы, человек без собаки. Вы меня издалека должны были бы заметить. Видите, одна рука у меня занята пакетом с мусором. Людей в лесу нет, а мусор есть. Вы там, случайно, не гуляете?

Однако, бред. Но мужик не включился, даже на издевку не клюнул. Мое словословие его притормозило. Пара незначащих фраз - и мы разошлись. Но потом, гуляя уже с женой, мы его встречали. Миша опять был без поводка. Обоюдная собачья неприязнь была налицо. Но до клинча дело не доходило. Хозяин своими претензиями достал все же мою жену, один раз вступила с ним в перепалку. Уже я ее успокаивал.

До оскорблений дело не дошло, «легкие» угрозы с его стороны были. Разговор велся на повышенных тонах. Но от серьезного выяснения отношений меня категорически удержала жена. Но если бы он перешел границы, я бы ввязался без «намордника».

Ну вот. Маленькая такая зарисовка после прогулки. Все.

Спустя 30 мин. Еще вспомнилась одна забавная встреча. Вышли на прогулку часов в 10 утра. Недалеко от начала нашей тропинки два прилично одетых мужика, нет, джентльмена, да нет, гражданина, один с дипломатом, пьют водку из пластмассовых стаканчиков. В руках у другого пакет, похоже с закуской. Подумал, что вышли из близлежащего «Дикси».

Один:

- Ого! Куда это Вы с такой болонкой?

Я:

- На охоту.
- На медведя?
- Что попадется.
- А пакет для мелкой дичи?
- Нет. Для мусора, природу жалко.

Тут второй:

- Извините.

Подбирает валяющиеся салфетки и пытается мне в пакет положить.

- Мы стаканчики и пакет с собой заберем. Мусора не будет. Доброй охоты

Посмеялись, и мы пошли дальше.

24.10.2019

P.S.

Финя умер внезапно. Собачий бог даровал ему легкую смерть. Бегал вокруг меня на поляне, резвился, наскакивал на меня – и вдруг... Как искорка жил, радовал, радовался, так и ушел, в пару секунд. В полете, в прыжке. Искорка погасла мгновенно. После очередного прыжка – у моих ног его остывающее тело. Сразу даже не понял. Глаза теряют фокус, мутнеют, заволакиваются пленкой. На мои крики не реагирует. Ничего не помогло. Ни массаж сердца, ни дыхание рот в рот, ничего. Тромб. Врезалось в память: еще теплое его тело и мутные непрозрачные глаза...

Конечно, все мы не вечны, в пожилом возрасте это все более очевидно. Но нелепость ухода из жизни здорового, веселого существа, которому еще жить и жить, сильно бьет по психике. Эх, Финя, как же так...

Время запомнил на всю жизнь. 5 октября 2021г. 12:20

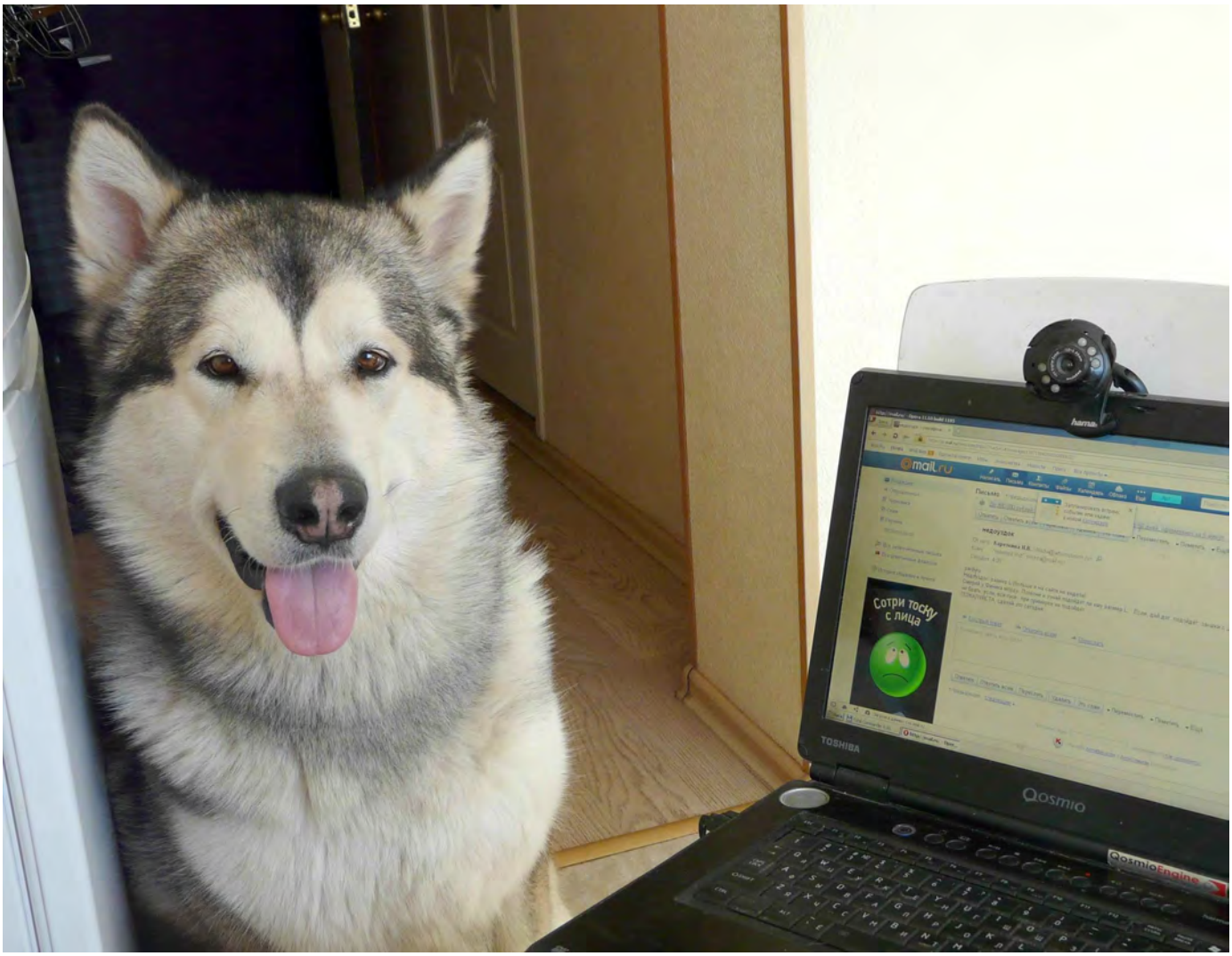
Такой друг у меня вряд ли уже будет.

05.10.2022

Масштаб 1:1

Юность

Зрелость



Сотри тоску с лица!

Мимолетная зарисовка

Послеобеденное время. Жарко. Даже очень жарко. Идем с Черным в парке по «неофициальной» аллее, там реже попадаются собаки, при встрече с которыми у хвостатого волной «вскипает ярость благородная». Пока не могу понять причину: защита ли хозяина, отголоски борьбы за место под солнцем, учитывая его «дворянское» происхождение, или же попросту врожденная, на уровне инстинктов, неприязнь к собратьям по полу.

Навстречу нам - бегун за здоровьем. Обычно такие встречаются нам рано утром, а чаще всего поздним вечером и даже ночью, когда попрохладнее.

Пес на такие встречи не реагирует, а меня заинтересовала нестандартность выбора времени для бега. В жару, когда дома босые пятки липнут к тапочкам, майка к спине приклеивается, так напрягать свой организм! Этот что, экстремал, или выскочил забыться от семейных неурядиц, побегать, не думать ни о чем, отвлечься от насущных проблем, или просто хочет сильно похудеть? Да нет, мужик повыше меня ростом, плотненький, но не толстоват. Возраст примерно мой. Его цель бега мне все-таки непонятна.

На ногах у него кроссовки, трусы «Адидас», майка с надписью (какая, не запомнил). Лысый. Усов нет. Ноги белые-белые, не тронутые солнцем.

Почему так привлек мое внимание. Бежит и УЛЫБАЕТСЯ, через 5-7 секунд громко выдыхает: «ххх, ххх, ххх». Вариант нестандартный. У бегунов лица обычно бесцветные, сосредоточенные, изможденные, а у этого – ну прямо радуга на лице.

Поравнялся с нами. Говорю:

- Легких километров Вам в ноги.

Остановился, засмеялся.

- Меня еще так не приветствовали.

Пара реплик, и мы разошлись. Поточнее так: один, «ххх, ххх, ххх» побежал дальше, а пес с хозяином пошли в другую сторону. О цели его пробежки не спросил. Здоровье – его, хозяин – барин. А по-моему, в жару «для здоровья» бегать не стоит.

15.06.23, 16:50

«Не верю...»
К.С. Станиславский

Казусы симметрии и C_2H_5OH

В каждом общежитии случались и случаются невероятные истории. Например, рассказывали, как студент с 21-го этажа общежития в Главном здании МГУ свалился пьяный при переходе по карнизу из одной комнаты в другую и только руку сломал. Все ахали да охали. А свалился-то он с 21-го и упал на широкий выступ карниза 19-го этажа Повезло. Был бы трезвый – убился бы. В зоне «Б» или «В» — не помню и в достоверности не уверен. Зато помню несколько историй, касающихся меня, связанных с осевой симметрией зон «Б» и «В». Вот одна из таких историй.

Общежитие физиков находилось в зоне «Б», химиков – в зоне «В». В жилом боксе две комнаты, душ и туалет общие. В комнате живут двое. Мой постоянный «сожитель» (с 3-го по 6-й курс, 1968-1972 г.г.) Вадик, ярый преферансист (увы, уже ушел), раз приперся пьяный и хохочущий часа в 3 ночи. Рассказывает...

После префа пошли в кабак. Обычно его компания любила кафе «Хрустальное» на Кутузовском проспекте, недалеко от Киевского вокзала. Выйдя из кафе, добавили в скверике что у кого было. Не хватило. Потом еще где-то сделали «плюс». Наконец, сработал инстинкт: надо домой в общагу. Далее, опуская нелитературные выражения, излагаю рассказ главного действующего лица.

Шел сам. Машин мало, но шел по тротуару. Включил автопилот. Начало маршрута – где-то м. «Киевская». Откуда точно – не помню, куда – знал твердо: МГУ. Шел долго. Тепло, настроение прекрасное. Вот и знакомая общага. Внешняя проходная открыта, ничего не спросили. Привыкли к поздним «возвращенцам». На входе в общагу постучал в закрытые двери, буркнул что-то заспанной вечно недовольной вахтерше, поднялся на наш этаж. Думаю: чтобы Севку не разбудить, свет не буду включать. Тихо-тихо вхожу в «нашу» комнату. Как обычно, открыта. Слышу, Севка посапывает на своем диванчике. Стараюсь тихонько, бесшумно раздеться, кидаю шмотки на стул, туфли, носки на пол куда попало, и заваливаюсь в свою койку. Вдруг…

Подо мною девичий писк, включается свет! Вижу девицу, вылезающую из под одеяла, сверху голую, прикрывается руками, в одних белых трусиках, да я и сам сижу на этом одеяле только в трусах. Подшофе не врубился, что у нас окно без занавески, не темно, как здесь. Понял, что занесло меня к химикам, в симметричную зону «В». Тут и началось... Моя вскочила и убежала одеваться...

Выскочившие три девицы, в одних ночнушках, ржут:

- Вот дура! Мужчинка сам к тебе пришел, соблазнять даже не надо, готовенький, уже в одних трусах, чего вопишь! Его не выгонять, а тихо от нас надо было бы приласкать и употребить!

Сосредоточенно ищу брюки. Слава богу, студенческий в кармане. А языкастые девицы все ржут, предлагают остаться на пару суток. Говорят, что раз с одной не повезло, ерунда, иногда они тоже бывают разочарованы в таких случаях. Но ведь есть еще трое, остались три попытки. Может и срастется, вдруг друг другу понравимся. Если занесло на эту худобу, не понравилось на костях, и мы тоже не нравимся, то у нас на этаже есть пухленькие девочки с нашего курса, не такие костлявые как мы.

Можем щас их разбудить. Но им не хотелось бы меня кому-то отдавать. Подкормим, еда и выпивка будет. Мальчики химики ничего не узнают. Ну как? А я ошалел от их трескотни, языки без костей Мне не до их красот, либидо на нуле, да какое нахрен либидо, только бы брюки надеть и в свою койку нырнуть! Напяливаю носки, туфли. Чувствую себя как котяра, на которого вылили ведро холодной воды. Под их гогот одеваюсь. Еще, язвы химические, говорят, что могут помочь мне пуговки на брюках застегнуть и щнурки завязать на туфлях. Им нравятся мальчики физики без штанов, химиков в таком виде они еще не видели. Девочки не против подружиться с комнатой из зоны «Б». Номер комнаты они теперь знают. Выскочил - и домой, в свою зону «Б» вокруг главного здания, мимо родного физфака.

Потом я Вадика подкалывал:
- Ну что, вздрогнем, сходим как-нибудь в ночное? Девочки ведь тебе доверяли. Был же паритет: они в ночнушках, ты в трусах. Побреемся, захватим шампанского, они его любят, а для себя возьмем огненной воды, еще тортик для девушек, будем их учить преферансу… На мизер не соглашаемся.

Вот такая была история. Были и другие курьезные случаи, связаннык с «Б»-«В» симметрией. Скучной жизнь в общежитии не назовешь.

Еще вспомнился случай центральной симметрии. Как-то в общаге собрались мы что-то отметить. Повод был обычный. То ли окончание учебной недели, то ли очередной квазирегулярный день рождения Уолта Диснея. Наш друг однокурсник N, москвич, после «чаепития» поехал домой.
Уже поздно. Часа три-четыре спустя, когда мы уже спали, вдруг открывается дверь и загорается свет. Репин. «Не ждали». Явление N народу! Подъем! Почти 3 часа ночи. Излагает все красиво, с его слов предыстория явления такова.

Точка входа в метро – станция «Университет», пересадка в центре (бывшая «Проспект Маркса»). Сел в поезд. Тепло. После «чая» и прогулки по морозцу сморило, истома обволокла. Молодой здоровый сон. И в итоге зациклило меня в метро. Стал отражаться от конечных точек: «Преображенская площадь» - «Юго Западная», никак не попаду в нужный мне центр. На «Преображенской» выдернула из сна дежурная по перрону:
- Парень, конечная. Я тебя второй раз бужу. Тебе куда? Сейчас пойдет до «Юго-Запада» последний. Учти, все пересадки уже закрыты, только выход. Не проспи.

Вот так я к вам и вернулся. Внешнюю проходную преодолел спокойно, вахта спала, а на входе в общагу дверь закрыта. Стучал, стучал... Куда теперь деваться? Наконец, открывает заспанная вахтерша, бурчит:

- Третий час ночи, а они все идут и идут!

Выпить уже не было. Выслушав рассказ, попили чаю с оставшимся хлебом и улеглись спать.

Ноябрь 2017 г. Доработка 2024 г.

Вспоминая Alma Mater

Футбол и Фредгольм 1-го рода

Если помните, два наших преподавателя, Ю.Н.Днестровский (лекции по матанализу, 2-й поток) и Д.П.Костомаров (вел у математиков семинары на 3-ем курсе), любили играть в футбол. Я тогда жил в зоне «Б» и по субботам и воскресеньям выходил тоже поиграть. Уже после окончания универа мы с некоторыми нашими однокурсниками и примкнувшими приятелями весну-лето-осень по субботам «рубились» на других площадках. Там игра была более суровая. Играли обычно 5 на 5, ворота — рамка в баскетбольной конструкции или гандбольные ворота. Игра по 10-20 мин., как договоримся. Если ничья — с центра поля игроки каждой команды бьют по мячу так, чтобы он влетел а обозначенную рамку конструкции или ворота не касаясь земли. Проигравшая команда уступает место следующей в очереди. Состав игроков в универе был случайный, кто пришел и хочет играть — пожалуйста, в очередь. В универе игра была только на интерес. А в других местах — бывало что и на пиво. Но всегда играли азартно, «с огоньком», пиво стимулом не было.

Как-то раз, помню, что были выходные, играют против моей команды Костомаров и Днестровский. Баскетбольная площадка у 8-й столовой. Договариемся о рамке: нижняя или верхняя (на уровне плеч, в нее попасть сложнее). Сыгрываемся, как обычно, по ходу игры. Подбор игроков случайный, кто что может — не знаем. Выяснится по ходу игры. Поехали. Игра. Что-то продувает команда ДП и ЮН. Днестровский, как более импульсивный, кричит на Дмитрия Павловича. Смысл таков:

— Дима, какого хрена! (Выражение я смягчил. Интеллигент всуе обсценную лексику не употребляет).

А мне как неудобно! Сдуру ляпнул, якобы подбодрить:

— Дмитрий Павлович, не переживайте, Юрий Николаевич сам «дырка» в защите, он хуже играет.

Дмитрий Павлович отреагировал корректно:

— Я вот тебе вмажу пару на экзамене, дырка будет побольше! Бегай иди!

Побежал, но с ДП и ЮН жестко сталкиваться избегал. Вот уж не думал, что они такие эмоциональные и бранных слов не избегают, когда слова адекватно к ситуации подходят. Еще подумал: «бегай-иди», это как? Это почти как Фира провинившемуся Моне говорила:

— Стой здесь, паразит, иди туда.

На экзамен по интегральным уравнениям шел трясясь. ДП любил подшутить в хорошем настроении. На семинарах голос никогда не повышал, как и П.С.Моденов, который вел у нас на первых двух курсах семинары по матанализу и линейной алгебре. Спокойный, монотонный голос, обычная окраска тембра. И говорил как настоящий интеллигент. От таких людей просто (подбираю слово) «разит» интеллигентностью. Нет, слово избитое, не то; сейчас у всех на слуху «Искусственный интеллект», скоро появится или уже появился искусственный интеллигент. Еще у них чувствовалось уважение к собеседнику, даже к занюханному перво-второкурснику. Иногда прорывалось некое сострадание что ли (неужели Вы, сударь, не сможете объяснить, будьте добры, уж пожалуйста, подтяните хвосты).

— Так-так, рассказывайте, ничего не утаивайте. Что там у вас за жребий?

Мне достался билет с Фредгольмом 2-го рода. Я четко это знал. А у него (и не только у него) свет в окошке — это некорректные задачи по Тихонову и, соответственно, интегральные уравнения Фредгольма 1-го рода (как же они мне на дипломе и потом пригодились!).

Дал еще какую-то задачку. Синус-косинус в решении. Эти хохмы экзаменаторов мы знали. Коэффициенты меняют, только и всего. Задачи простые.

Спокойно. Решил, дрожу. Ни да, ни нет от экзаменатора. Наконец, голос ДП:

— А что Вы еще слышали о других интегральных уравнениях?

Ну все! Начал копать. Так как до меня прошло не более половины группы, он еще не устал, не исчерпал свои заготовки каверзные. Держись, студент! Но как изощренно вопрос сформулировал — "слышали"! А потом — «какие?» и далее по существу. А чем больше вопросов, тем больше вероятность «споткнуться».

— Да, Фредгольм 1-го рода, он есть у нас в билетах. У меня сейчас начинается специализация у Свешникова по электродинамике, он меня хочет направить на обратные задачи, синтез фазированных антенных решеток. Как и большинство обратных задач, все они некорректные. После слова «некорректные» перестал он меня «пытать» и «вмазал» 5.

Прекрасный ДП человек был. Светлая ему память. (Почему-то меня коробит от таких фраз, они отдают чем-то протокольным, не искренним чувством, особенно когда при прощании произносят их не близкие, официальные люди).

На футбольных площадках я с ними более не встречался.

Доработка 2024 г

Падре

Как его звали - уже не вспомню. С падре связана интересная история.

История такова. Летом, в середине 80-х две недели мы провели в Риге. Пригласил нас мой одногруппник по кафедре Валера Агладзе.

Жили мы на квартире, предоставленной нам родственниками его жены Галины, недалеко от центрального вокзала. Уже не помню точно, по-моему на ул. Пушкина, и часто (нет, не так, не часто, иногда по вечерам) после поездки на взморье ходили слушать орган в Лютеранскую церковь поблизости. Афиш не было. Концертами это трудно назвать, но репертуар менялся и чувствовался хороший органист. Падре нас заприметил и однажды разговорился с нами. Говорил по-русски без акцента.

Как обычно, сначала настороженный холодок общения, потом возникшее чувство симпатии, холодок ушел. Кто, что, как - и т.п.

Его семья была репрессирована, отец был тоже священником, более десяти лет они провели в Сибири. Не все выжили, а кто выжил в ссылке кроме него, не помню.

Говорил, что к ним простые люди в Сибири хорошо относились.

Вернулся, жизнь налаживать пришлось с нуля. Прошел чистку и т.д. Наконец, КГБ его утвердил, стал священником. Так всех священников утверждали, по крайней мере в Риге, про другие места он утверждать не будет, точно не знает.

Потом он пригласил нас к себе в гости, благо жил рядом. Оказался падре страстным меломаном, его главные интересы - это "Ave Maria". Подчеркиваю: главные. Коллекция у него была богатейшая.

Но из классики, оказалось, мне ему предложить нечего или почти нечего. Джаз, итальянская эстрада его не интересовали. Баха, Моцарта, Вивальди у него было предостаточно. В итоге я переписал у него несколько "Аве" на скорости 19 см/сек (падре был грамотный, знал о сотношении скорости записи на ленте и воспроизводимом частотном диапазоне

В итоге. А что в итоге? Только спустя годы, вспоминая (естественно, воспоминания "подгребаешь" под себя, они не всегда объективные), вспомнил: не было у него настороженности, некой враждебности к нам, приехавшим из Москвы. Общение было открытым, иногда немного резким.

Я ему даже как-то сказал: слушайте, а Вы себя не ограничиваете из-за Вашего сана в резких высказываниях или это Ваши естественные человеческие убеждения? Ответил он как бы уклончиво, 50 на 50.

Да кто я такой, не этично касаться его пережитой жизни. Больше подобных вопросов я не задавал. Вскоре наше двухнедельное пребывание в Риге закончилось, и наши контакты прекратились.

01.07.2024

Послесловие Издателя

Я не знаю, просмотр каких старых фото вызвал у автора такие воспоминания. Но чтение вернуло меня в годы молодости, в мою страну, где жил и вел похожие разговоры со своими прибалтийскими коллегами по работе и друзьями. С конца 1970-х по середину 1990-х я часто бывал по делам и просто так в Прибалтике. У нас были очень теплые отношения с латышскими и литовскими коллегами. Со многими из них мы подружились и оставались друзьями долгие годы. Мы умели слушать, слышать и понимать друг друга, не искали подвоха и/или каких-то признаков скрытого врага. Мне вспомнились наши первые поездки на рижское взморье, в Юрмалу, Дублты и Майори (я много раз потом туда приезжал и жил), на Куршскую косу в Ниду и Нерингу, в Тракай и Каунас. В Тракае нас очень долго не отпускали и мы катастрофически опаздывали в музей Чюрлёниса. Туда мы пришли за 15 минут до закрытия. Народу в музее, кроме меня уже не было. И никто из "местных", видя, что я русский, не намекнул и слова не сказал, что уже поздно. Без спешки меня провели по залам. Я стоял перед картинами и меня никто не торопил. Более того, для меня одного включили музыку («Море»), которая уже была отключена по причине закрытия музея. Я стоял и восхищался, мы много говорили с сотрудниками музея о творчестве. Обратил внимание, что они демонстративно не смотрят на часы. И понимал, чувствовал - они не считают меня ни "чужаком", ни варваром-захватчиком.

По окончании мы еще посидели в ближайшей кафешке и долго разговаривали уже не только "за искусство". А подаренный за мое восприятие творчества Чюрлёниса альбом по сей день стоит в ряду самых драгоценных книг - Калевалы с иллюстрациями Юффы, альбомов Нерингы, Вильнюса и Таллина. В те времена такое купить было невозможно. Это были подарки мне. Подарки от друзей.

Подошел к полкам книжным. Увидел и южные дорогие книжные подарки от друзей из Молдавии, Азербайджана, Украины. Было что вспомнить и мне...

Вот такой был первый всплеск моих воспоминаний и чувств от прочитанного.

Второй поток эмоций, связан с главными интересами Падре. Волшебное и ключевое слово, естественно, это "Ave Maria". Об этом разговор будет отдельный на моей страничке у нас на сайте. Здесь я укажу только самое важное для меня.

Должен обязательно рассказать про звуки и свою Музыку для барышень и дам.

Дамский музыкальный пьедестал в моей музыке.

Мама моя очень любила Грига и песнь Сольвейг в доме звучала чаще всего.

А вот клавир Beethoven Bagatelle No. 25 in A minor, WoO. 59 : "Für Elise" стал очень на долго моим основным музоном. Сыграл сам первый раз еще учась в 6 классе обычной школы и 1/2 музыкальной, кою экстерном закончил за 3,5 года. Через полтора лесятка лет с появлением компьютеров с динамиком собственными ручками переложил эти ноты в коды и звуки - сделал свой первый муз-экзешник из всего произведения. А по прошествии еще десятка с гаком лет, когда появится свой собственный сотовый еще кнопочный телефон, написал свой первый рингтон именно на основе багатель No. 25 ля минор для фортепиано. Все это хранится где-то в гараже на 7" и 5" дискетках.

Вернусь к списку своих классических музыкальных пристрастий.

Шубертовская Ellens dritter Gesang Ave Maria! (Schubert: Op.52 No.6, D.839) и Mozart Piano concerto N.21, pt.2 Andante "Elvira Madigan" присоединились чуть позже.

Знакомство с "Нормой" Беллини сразу на первое место поставило "Casta Diva" с незабываемым и завораживающим голосом Марии Каллас.

В 1970 г произошло эпохальное событие моего дамского пристрастия в музыке. Возможно повлияло, что это был период бурных любовно-добрачных (потом и семейных) отношений.

Это было знакомство с виниловым диском «Лютневая музыка XVI – XVII веков». На пластинке были 10 записей. Поразила и очень понравилась третья: "Неизвестный автор XVI в. — Ave Maria". С тех пор "Аве Мария" "Каччини" прочно закрепилась на первом месте, обогнав "Каста Диву".

Диск был перлюстрирован на пленку на магнитофоне "Дніпро 11" на катушку № 22 ёмкостью 500 м. ленты, естественно на скорости 19,05 см/с. Кафедра акустики, на коей тогда учился и позже закончил, обязывала знать и помнить уроки по музакустике и наставления мэтров: Кирилла Васильевича Чернышова, Калерии Андреевны Велижаниной и Сергея Николаевича Ржевкина.

Прошли полтора десятка лет и вскрылась история мистификации с "Каччии" И настоящее авторство всего содержимого любимого диска. Увы, уже после как не стало Автора - Великого композитора и музыканта Владимира Вавилова. Его "Аве Мария" "Каччини" за все годы безвестности настоящего автора распространилась по всему миру, исполнялась всеми великими (и не только), вошла в золотой фонд духовной музыки.

Посещение на шестом курсе учебы на физфаке Питера (тогда еще Ленинграда) и концерта в "Октябрьском" Дюка Эллингтона в сентябре 1971 г. навечно влюбило и поселило во мне гершвиновский "Summertime"... Он и был в "бронзовых призерах" моих пристрастий до середины 80-х, и до конца 90-х.

И третье место : знаменитый «хор евреев» — «Va, pensiero, sull’ali dorate».

Хор узников из "Набукко" Верди врывался мой рейтинг и обосновывался там дважды: временно в середине 80-х и постоянно с конца 90-х. Жизнь личная и ее ощущения в те годы у меня были именно такие: «Лети, мысль, на золотых крыльях».

Тройка лидеров с тех пор прочно закрепилась на своих местах. Как показали события следующих лет, это было не случайно.

Через почти два десятка лет я встретил своего Ангела... И случилось невероятное.

Первая тройка самых любимых мелодий из классики у нас совпала с точностью до занятых любимыми именами "призовых" мест: Вавилов, Беллини, Верди.

Возможно, расскажи мне кто такую историю, я б не поверил в ее реальность. А тут мне все это дано было в личном ощущении и восприятии. Чуть позже Ангел мне скажет:

- Не удивляйся. Реальная жизнь сложнее и удивительнее любых повестей и детективных романов. Неужели ты еще этого так и не понял?

P.S. О пользе длительных поездок в подземных кольцевых линиях метро в жаркую погоду.

Многократные посещения стран в различных частях света и житие там не как туристом, выработали у меня одну устойчивую привычку. Находясь в замкнутом пространстве общественного транспорта, я не хватаюсь за свои мобильные устройства с целью отыскать что-то нужненькое и не пропустить хрен знает чего в изобилии помоек и приколов виртуального мира.

Я просто сижу и рассматриваю меня окружающее, по возможности знакомлюсь и стараюсь поговорить/общаться. В крайнем случае - размышляю и записываю свои наблюдения.

Эта привычка сохраняется и дома.

Так что поехав на рынок за фруктами, я выбрал долгий путь по БКЛ. И за часик в комфортной прохладности метро записал все свои музыкальные воспоминания, нахлынувшие после чтения "Падре" ВсеЗа.

По возвращении домой я все это отредактирую, приправлю для аромата и куражу мультимедийными ссылками и вставлю в свое Послесловие к рассказу Севы.

Чем я сейчас и занимаюсь.

По дороге на Москворецкий рынок и обратно.
Кунцевская < --> Каховская. 3 июля 11:30 - 13:00

Остался последний штрих - привести выборочный список и ссылки на упоминаемые ранее музыкальные произведения.

Полный список, посвященный "Аве Мария" и вокруг, находится на страничке нашего сайта. И начинается он, естественно, с Владимира Вавилова

Список использованных произведений

Пьедестал

1. Владимир Вавилов

- Лютневая музыка XVI-XVII (LP 1970)

«Ave Maria» **тема** (пиано)

- "Неизвестный автор XVI в."
- Первое исполнение, с пластинки 1970 г. «Лютневая музыка XVI – XVII веков») 4:13 Надежда Вайнер (меццо – сопрано), Марк Шахин (орган), Владимир Вавилов (лютня)
- Анаит Мкртчян (сопрано), Артем Хачатуров (орган), 18 мая 2024, Органный зал “Макаров”, Светлогорск
- Надежда Данчева (сопрано), Артем Хачатуров (орган), 25 мая 2024, Органный зал “Макаров”, Светлогорск
- В.Вавилов/Дж.Каччини. Елизавета Канаузова (сопрано) / Юлия Иконникова (орган), Калининградский Кафедральный Собор. 2023 г.
- Giulio Caccini. Arr. Cullen for Cello and Orchestra. Royal Philharmonic Orchestra, 1999
- Giulio Caccini. Cello and Orchestra, cello László Fenyö
- Д.Каччини. Ирина Архипова (вокал), Олег Янченко (орган) 1986 г.
- Вавилов/Каччини. Елена Образцова, Санкт-Петербург, 21 декабря 2013
- Каччини. Елена Образцова (меццо-сопрано), Анатолий Кузнецов (фортепиано)
- Caccini. Elena Obraztsova (vocal), Borislav Strulev (cello), Anatoly Kuznetsov (piano)
- Каччини/Вавилов Хибла Герзмава (вокал), Фёдор Строганов (орган)
- Вавилов (Каччини). Ирина Долженко (меццо-сопрано), Егор Колесов (орган), Академический Большой хор "Мастера хорового пения"
- Caccini. Françoise Atlan et Caroline Casadesus (sopranos), Smahi El Harati (ténor), Orchestre Philharmonique du Maroc
- Islamo-Christian AVE Duomo Milan. Tania Kassis, Maen Zakaria, Fares Massaad
- Ave Maria - Giulio Caccini (1551-1618). Jarosław Bodakowski (baryton), Jacek Fornal (organy). Польская свадебная ценремония 27.04.2024 - типа Дж. Каччини был, творил и только он будет быть далее.

- Trois chanteurs de trois confessions chantent un hymne à la paix devant le pape François et le Roi Mohammed VI. Rabat, 30 Mar 2019.[1]
  "Аве Мария" Владимира Вавилова выбрана как гимн мира, исполнена в арабской, еврейской и каталической религиозной традициях на концерте в Центре подготовки имамов в присутствии Папы Франциска, короля Мухаммеда VI, в присутствии 1200 гостей. Рабат, 30 марта 2019.
  L'Orchestre Philharmonique du Maroc (OPM) et trois chanteurs de trois confessions religieuses différentes, chrétienne, musulmane et juive:
  Caroline Casadesus a interprété l'"Ave Maria" de Caccini,
  Smahi El Harati a chanté l'appel à la prière "Allahu Akbar",
  Françoise Atlan a entonné la prière juive "Adonaï".
  Вот истина и высшая точка величия русского духа.

Католичка, иудейка и мусульманин в знак всемирного единения, взявшись за руки, поют духовное произведение, написанное русским композитором Владимиром Вавиловым.

Так было. Так есть. Так будет всегда.

2. Bellini. "Norma".
Акт 1, каватина Нормы "Casta Diva"

- Maria Callas, Palais Garnier, 19 Dec 1958
- Montserrat Caballé. Barcelona, 6 Oct 2018
- Хибла Герзмава, концерт 21 апреля 2021
- Соня Йончева."Классика на Дворцовой", 7 сентября 2017

3. Verdi. "Nabucco"

Placido Domingo, Metropolitan Opera Orchestra and Chorus

"Va, pensiero, sull'ali dorate" («Лети, мысль, на золотых крыльях») (mp3)

- Hebrew Slaves Chorus
- 4600 coristi all'Arena di Verona
- MET 2002
- Metropolitan

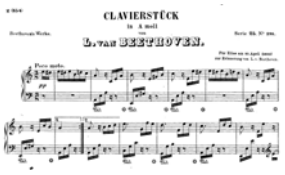
[1] Об этом событии первый раз я узнал случайно - в Касабланке, куда волею санкций меня занесло по не самому короткому пути к моему Ангелу. В ожидании прилета туда из далеких Южных морей моего друга и потом нашего рейса в Европу, мы провели некоторое время в зале, где на большом экране регулярно появлялось видео с событиями в Рабате в марте 2019. Слышно было плохо, но мелодия показалась тогда очень знакомой. Наши текущие дела не дали сосредоточиться. И только по возвращении домой я понял, что тогда было, когда нашел в Инете и посмотрел этот ролик.

ETC - ещё музыкальные произведения в порядке их явления в мою жизни.

Grieg. "Peer Gynt" Suite No. 2, Op. 55: "Solveig's Song"

- André Rieu & Johann Strauss Orchestra
- Orchestre Philharmonique de Radio France, 26 April 2019

Beethoven. Bagatelle No. 25 in A minor, WoO. 59 : "Für Elise"



- piano play clavier

Mozart. Piano concerto No. 21 part 2,

Andante: Elvira Madigan The Best

- Fransis Goya (mp3)
- PanFleute Zamfir (mp3)

Ave Maria

Schubert. Op.52 No.6, D.839: Ellens dritter Gesang (Ellens Gesang III) Ave Maria! Jungfrau mild

- Maria Callas
- Montserrat Caballé
- Celine Dion
- Andrea Bocelli (mp3)
- Connie Francis (mp3)
- Dolores O'Riordan, Luciano Pavarotti 1995 (mp3)

Bach. Prelude No. 1 in C major, BWV 846, from J.S. Bach's Book I, The Well Tempered Clove

- Maria Callas

К чему это все было?...

Чаще вспоминайте слова моего Ангела:

"***Перед тем, как что-то сделать***
Положи левую руку на правое сердце.
Внимательно все выслушай и постарайся понять."

ЕвА, 1-7 июля 2024 23:55

Среда, 19 июня, 19:30. Сценка у подъезда

Тащусь, влачусь. Второй глагол больше подходит к ситуации. Магазин рядом. Но ведь надо еще себя заставить сходить, успеть до ливня. Третий день льет, прямо разверзлись хляби небесные. А из дому я три дня не выходил, надо купить еды, кушать нечего. Супчики из пакетов надоели. Главое - овощей купить. Помидоров хороших! Которые хотя бы чуть-чуть помидорами пахли бы. Про аккерманские, с поля, грязные, сладкие я уже забыл. И хлеба еще надо. «Ессентуки» пока есть. Устал до чертиков.

Прошел сегодня две официальные инстанции. Восстанавливал карточки москвича и зарплатную карту. На третьей инстанции (по Интернету из дома) я сломался. Как компьютерщик я понимаю: записать, увязать, вопхнуть в базу данных часто нечеткие или такими кажущимися данные пользователей не так просто. Плюс, их миллионы. Ошибки неизбежны. Обкатка баз обычно проходит годами. Приказ – база готова! – и обкатка не прошла. Но надо! Приказ. А потом непонятки.

Запись в поликлинику. Третья инстанция. Звоню.

- Приходите лучше лично (при всем желании придти по-другому не смог бы!), желательно не позже 7:30. Попробуем что-нибудь с Вами сделать. Может, вставим Вас к врачу.

- А можно меня вставить (слово-то какое!) сразу к невропатологу? Я ведь проходил у вас диспансеризацию примерно в марте-апреле, терапевт мне ...не нужен.

– Нет! Нужен. Без него нельзя. Сначала получите направление на УЗИ брахиоцефальных артерий, только потом невропатолог. Очередь большая.

- Опять пальчик колоть будете и кровь из вены высасывать?

- Бросьте свои шуточки! Сказано ведь Вам, такая инструкция.

Не. Встать в 6:30 и мотануть в Олимпийскую деревню, в якобы свою поликлинику, да под ливнем, да еще и с неопределенным успехом – это токмо волею пославшей мя жены.

А ведь придется... Но так рано все равно не поеду. Сосуды... Когда-то в гидродинамике встречался закон Пуазейля для течения жидкости в трубке. Ни хрена не помню. А ведь была пятерка на экзамене. Ну, это объяснимо. Не встречал в жизни зрелого человека, которому бы помогла формула решения квадратного уравнения. Стоп! Разве годы учебы были напрасны? Нет, нет и нет!

Все. Опять дождик. Занудство свое заканчиваю. Вопросы решать будем завтра, по мере поступления оных.
Итак. Отягощенный такими мыслями, подхожу к двери подъезда, она открыта. Дама плотно ее держит ногой.
- Пожалуйста, заходите. Добрый день.

А я здороваюсь со всеми, даже с незнакомыми людьми. И в лифте, и в подъезде, и в парке. Как в деревне. Потом идешь к метро – якобы незнакомые люди здороваются, приятно. Жена удивляется:
- Откуда ты их знаешь?
А меня в детстве бабушка учила:
- Протягни людині відкриту долоню, і якщо він не зробить так само – не треба з ним спілкуватися[1].

Ситуация понятна. После гуляния мама впускает детей. Старший братик, лет шести, уже зашел, А меньшая сестричка канючит, тянет ноги, в подъезд не хочет.
Якобы ситуацию усугубляет.
-Мам, ну мам.
-Чего тебе?
-А у тебя дырка слева в кармане.
-С чего так решила?
-Ты мне орешки оттудова давала. А потом сказала, что из дырки все орешки
-высыпались.
-Вот покушаете, тогда я вам поищу орешки.
-Мам, ну мам. Поищи в другом кармане. Он без дырок. Дашь орешков - я буду хорошо себя вести и буду хорошо кушать. Ма-ам.
-Иди уже, вымогатель.

Девчушка - прелесть. Настроение пошло в плюс! Хотел их подождать в лифте, но они долго не подходили. Уехал.

22:40, 19.06.2024

[1] Протяни человеку открытую ладонь, и если он не сделает точно также - не следует с ним общаться. (Укр.)

Напарник Коля

Утраты настигают нас внезапно. Привыкнуть к этому невозможно. Так было и с Колей Комарем, моим напарником по обновлению программ в судах. Моложе меня лет на десять. И вот...
Позвонил мне Саня Данилов:

–Как живешь?
–Хорошо.
–А ты?
–Тоже. А вот Коля Комарь уже почти сутки не живет… Тромб.

И эта трагическая новость изложена спокойным-спокойным голосом. Сколько помню Саню, редко у него эмоции вырываются наружу. Как-то в голове не укладываются два таких события: одно — такое обыденное как разговор по телефону, вроде бы пустяковое, а второе, внезапное, переворачивающие твое нутро.
Я атеист, хоть бабушка меня и крестила втайне от родителей. И вот вспомнил, как после Звенигородского суда, где мы обновляли компьютерные программы, я предложил Коле зайти в Саввино-Сторожевский монастырь. Тамошний суд был маленький, управились быстро, электрички ходят редко. Ждать следующую долго. Неспешно вышли из суда. До электрички времени полно. Коля колеблется. Что делать?

Дальше будет рассказ по памяти. Естественно, кое-что улетучилось, но главное осталось в памяти.. Это дань уважения моему напарнику. Давно это было, более двадцати лет прошло. Почему-то вспомнился с мельчайшими деталями вот этот эпизод, хотя курьезных случаев было немало.
Попытаюсь показать Колин характер, его речь, манеру поведения.

–Слушай, время есть, давай все-таки зайдем в монастырь, ты ведь вроде бы согласился..

Пошли. Люблю я это место, бывал несколько раз. Но речь не о том. Зашли в храм. Две посетительницы шушукаются, диакон сделал им замечание, чтобы вели себя потише, поправили на голове сползшие на шею платки, и ушел. Девицы же громко продолжают болтать о своем. А Коля любит порядок, все-таки бывший полковник, шикнул на них:

–Тише! Прекратить! Прилично себя ведите! Вы в храме!

Затем зажег и поставил свечку, перекрестился. Я попытался съязвить:
–Ты что, верующий полковник?
–Заткнись! Пусть горит. И ты свечку поставь.

Расскажу вкратце о дальнейшем, на мой взгляд несущественные детали опущу.
Коля, обычно разговорчивый, после посещения храма стал молчаливым. Курил одну за другой свои сигареты. Что его заботило, о чем думал, не сказал. До электрички в Москву еще осталось часа полтора. Смеркается... Думаем, как время убить. Конец октября, вечером уже прохладно. Моросит дождик. Мелкий и противный.
Коля. Вдруг:

–Пошли.
–Куда???
–Туда. Сам знаешь.

Он всегда кратко, как команды, «рубил» что ему надо. «Туда» нашли быстро. Это оказался магазин «Красное и Белое».
Коля, оглядев ассортимент и заглянув в холодильник, поморщился и сразу к продавщице:

–Дайте нам самую лучшую холодненькую «Столичную» и докторской колбаски с жирком на закуску!

Он всегда предпочитал колбаску с жирком. Была у него такая мелкая страстишка.

– Мужчина, у нас все «Столичные» отличные, все водки одинаковы.
– Девушка, вы не понимаете. Одинаковых нам не нужно. Нужно нормальную, самую лучшую. Мы из суда, документ показать?
– Вас из-под стражи только что освободили?
– Дайте и все. Шутки неуместны.

А Коля всегда приобретал суровый вид, когда ему что-то не нравилось.
Удивительно. Из подсобки высовывается лицо восточной национальности:

– Люся, обслужи мужчин.
Не уверен, что Люся выдала бутылку лучшего качества, но Коля, по крайней мере внешне, успокоился.

– И два стаканчика. И хлебушек нарежьте.
– Стаканчики поштучно не продаем. В пачке 10 шт.
Мгновенно, пока Коля думал, из подсобки:

– Люся, дай им просто так!
– Нам еще салфетки и пакет.

Вышли, стали искать укромную лавочку. Ветрено. То одна не подходит, то другая, то Коля не позволяет примоститься на детской площадке, щепетильный товарищ. Наконец, лавочка его устроила. Не сильно мокрая, уютный дворик, защищенный от ветра, машин мало. Только расположились, хлеб с колбасой разложили на салфетки – открывается в здании дверь, и мы понимаем, что это второй, запасный вход-выход из Звенигородского ОВД! Благо не успели из пакета вытащить бутылку!
Товарищ в форме строго нас оглядел. Я был без очков, звания его не разглядел. Помню только, что это был офицер.

Коля со скамейки не встал чтобы показать свою офицерскую выправку, сказал спокойно:
– Добрый вечер, товарищ офицер, с утра не ели, командировочные.

Тот ответил на приветствие, понял, что люди мы приличные, и пошел своей дорогой.
А нас с этой лавочки «сдуло» как только колбаску в пакет убрали. Нашли подальше другую, даже менее удобную скамейку, исполнили желаемое и в тот вечер неизбежное.

Светлая тебе память, Николай Викторович!

24.06.2022

Кое-что про Аккерман

Случайно попался в Интернете пост про Аккерман, город моего детства, откуда я уехал после окончания школы в 1966 г. и куда возвращался только во время каникул и отпусков. Прошлое нет-нет да и вспыхнет воспоминаниями. Иногда такими реальными, что слышишь голоса давно ушедших друзей, голоса своих учителей, кстати, с интонацией каждого учителя.

Вдаваться в воспоминания не буду. Это не каждому интересно. Свой крест несет каждый.

Снимок из Интернета. Цитадель слева. Башня Пушкина справа

В комментариях к Аккерманской крепости нашел такое:

Внутри цитадели сохранился турецкий зиндан, подземная темница, в которой турки содержали основателя запорожской Сечи Байду - князя Вишневецкого. Кажется, учение Владимира Вернадского о ноосфере имеет физические основания. В советские времена, когда я туда спустился с 6-летним сыном, мальчик заплакал: "Папа, мне страшно!". Хотя никаких страхов я ему не рассказывал. В 90-е годы зиндан превратили в платный аттракцион с набором орудий пыток. Справа от входа в цитадель на уровне человеческой груди стена покрыта выбоинами от винтовочных пуль: у этой стены румыны в 1941-м расстреливали "коммунистов" и других "подозрительных" жителей. Евреев убивали в других местах. Когда я попросил жену сфотографировать меня у этой стенки, она отказалась: "Ты что, с ума сошел? Мне страшно". Неужели Вернадский прав?

Насчет зиндана, темницы, Вишневецкого, расстрела в крепости — сказки. Завлекушки для новоаккерманцев и туристов. Но выбоины от пуль действительно есть. Как мне говорили старожилы, и румыны, и наши, вместо стрельбища использовали место в крепости, чтоб далеко не ходить.

А вот внутри 2-го крепостного двора прямо перед цитаделью были остатки плит фундамента с покореженной взрывом арматурой. Румыны в 1941-м (в 1940-м наши вошли в Бессарабию) сразу взорвали установленный памятник Ленину-Сталину.

Остатки эти убрали где-то в конце 50-х годов. Я не видел фото памятника, но по разговорам старожилов это было непривлекательное создание. Небольшие фигуры на несоразмерном по площади постаменте. И место нашли подходящее! В крепости. Дураков и тогда не меньше было.

Насчет памятника еще вспомнил. Было продолжение. В центре города два уютных парка. Старый городской, еще дореволюционный (кстати, в Думу города тогда входил небезызвестный Пуришкевич) и новый. Старый — парк им. Ленина, с небольшим памятником ему в центре, и новый — им. Победы. В новом на главной аллее до моего 2-го класса стоял небольшой памятник Ленину-Сталину. Копия ли того, «крепостного», — не знаю. Ценность памятника — только идеологическая, не художественная. Памятник таков. Сегмент клумбы. В клумбе на низком постаменте скамейка. На ней сидят два вождя из белого почерневшего гипса или алебастра.

По левую руку от Ильича сидит Сталин без головного убора и в сапогах, справа — Ильич в кепке, костюме и в ботинках. Ильич правую руку положил себе на колено, а левую положил на спинку скамейки, не обнимает Сталина за плечи, но издалека похоже. Сталин с высоко поднятой головой глядит прямо перед собой, Ильич, повернув голову, — смотрит на Сталина, вроде советуется. Оба одеты налегке. Время — весна-осень, и не на Капри же!

Утром, уже после XX-го съезда, весной на лавочке грустно сидел один Ильич. Народное творчество изгалялось: был «1+1», стал «2-1», «Подруга втікла», больше не помню. В таком виде рукотворное творение простояло несколько месяцев. Потом до «отцов города» дошел комизм ситуации. Ильич тоскует, от будущего отвернулся. Опять же ночью, не факт, что до первых петухов, памятник снесли и на его месте разбили по форме постамента сегментообразную цветочную клумбу. Она на том же месте и поныне. Во всяком случае, когда я был в парке лет 8 назад, существовала.

Еще о памятниках. В парке им. Ленина (теперь Михайловском) был ему памятник в виде бюста из гипса. На низком постаменте, не выше человеческого роста. В 1991 г. или даже раньше бюст повредили. Восстановленный бюст через некоторое время измазали черной краской. Отмыли. Снова измазали. Вредителя не поймали. И тогда было принято гениальное архитектурно-идеологическое решение. Сделали новый постамент, бюст позолотили и подняли его на недосягаемую высоту. Так он и простоял, пока не начался «ленинапад» на (в) Украине.

«Что имеем – не храним, потерявши – плачем», вспоминается поговорка при виде этого красивого разрушающегося здания. Это так называемый особняк Ярошевича. Когда-то в нем была детская больница, меня там лечил от дизентерии и бронхаденита доктор Кац. Давно это было, 50-е и начало 60-х годов. Вспоминаю его с благодарностью.

В Интернете хорошо изложена история дома (см. Приложение 1 и Приложение 2)

03.2019

Приложение 1

https://m.ok.ru/group/57540906647605/topic/66775259632949?ysclid=mhxh9woh4i685874731

8 апр 2017

Грустная история старого дома

Кроме средневековой крепости нет в Белгороде-Днестровском более такого объекта, в спорах о судьбе которого не преломлено столько копий по части скандалов, сплетен и пиар риторики, чем печально известный особняк Ярошевича.

Он охватывает пролёт улицы Калинина (ныне — Независимости) между пересекающими её улицами Пушкина и Ленина. У данного старинного здания непростая история… Хроники в минор.

Об этом шикарном доме, помнится, в своё время я уже писал не раз. У различных краеведов и исследователей древностей Белого города до сих пор нет однозначного мнения по поводу первого хозяина особняка. Большинство склонно полагать, что он изначально принадлежал не Ярошевичу.

Есть мнение, что дом построен в 1890 году членами семьи князя Волконского. Здание уникально по своей архитектурной композиции. Много вычурной лепки. Особняк осенял с двух сторон кованный высокий забор, а со стороны ул. Ленина (раньше и сейчас – ул. Михайловской) возвышался мощный забор из дикого ракушечника, так называемого «бута».

В глубине двора искусственно сложен грот. Есть и хозпостройки. Видимо, в прошлые годы – для обслуги. Позже дом выкупил известный в своё время аккерманский землевладелец и общественный деятель Ярошевич. В Аккермане дом с тех пор так и окрестили – «особняк Ярошевича».

Во времена румынской оккупации здесь располагалось отделение румынского Национального банка. Даже я помню, на кованой калитке со стороны ул. Калинина была вделана ажурная аббревиатура BNR (банк националь ромэняско). По происшествию времён начала «незалежности», буквы на калитке кто-то сломал.

После изгнания румыно-фашистской нечисти из города в 1944 году, новой советской властью было решено тут устроить больницу для местных детей и несовершеннолетних аккерманского уезда. Думаю, не совру, если скажу, что через больницу прошёл каждый второй подросток, которому случалось серьёзно заболеть.

Здесь, в 50-70 годы прошлого века работал уникальный человек и искуснейший педиатр – доктор Александр Михайлович Кац. Об этом удивительном человеке я расскажу в очередных своих заметках по истории нашего города. Позже, уже в 90-х годах агонизирующего, уходящего тысячелетия под сводами особняка разместилось неврологическое отделение городской больницы. В отличие от педиатрического, это отделение просуществовало недолго. Горбольница не смогла дополнительно «тянуть» на себе содержание дополнительного здания, которое потребляет и воду, и тепло, и электричество. За все эти блага, как известно, платить надо. А платить было не за что.

С тех пор здание осталось предоставлено само себе. Если более правильно, то не столько себе, сколько всякому любопытному жителю с хозяйским прищуром. Безвестные несуны вытащили всё, что можно было мало-мальски годным из больницы: окна, двери, карнизы, радиаторы отопления, доски и прочее.

Вандалы изуродовали мраморную скульптурную композицию авторства итальянского мастера…В конце концов, начало 2000-х годов ознаменовалось тем, что особняк Ярошевича, как памятник архитектуры, был передан под крыло управлению охраны недвижимых объектов культурного наследия Одесской облгосадминистрации. Правда, это никак не отразилось на его судьбе в плане благополучия. На то время для ремонта дома требовалось 5 миллионов гривен.

Тех гривен, которых никогда Белгороду-Днестровскому не хватало на нужные дела. Их проедали, латали

трубы, прогуливали на различных массовых шоу, воровали, в конце концов. Но вот для средневековой крепости или дома Ярошевича их не хватало…

Одно время власти города вкупе с депкорпусом воспылали желанием устроить здесь Дворец бракосочетаний. После депутат Коломийченко предлагал выставлять тут свои коллекции-выставки старинных фото довоенного Аккермана.

Ещё была в ходу идея расположить в залах особняка артефакты краеведческого музея. И даже аргументом били по нервам, типа, «А вы знаете, что краеведческий музей в своих залах представляет всего 4% от собранного, а остальное хранится в фондах?». Ну, и так далее и тому подобное…Неудавшийся пиар.
Дело дошло до того, что в старинных развалинах поселились вездесущие бомжи, которых оттуда периодически изгоняла городская власть. Несколько лет назад в городе неожиданно появился энергичный молодой человек, который попросился в советники городскому голове. Молодой человек (в миру – Ваня Карасёв) обладал связями в министерстве инфраструктуры Украины и определённой хваткой. Он активно развил деятельность на поприще благосостояния города. А ещё больше – пиара на этом благодатном поле. Ваня явно хотел в нардепы. В одной из статей, в той части, где шлось о его предках, молодой человек поведал горожанам, что, дескать, он как бы тоже из «своих». Мол, его предки работали горничными в особняке Ярошевича, а это, сами понимаете – не махорку на ветру курить…Ваня в нардепы не прошёл и по истечении короткого времени так же стремительно исчез с аккерманских горизонтов, как и появился здесь, в доспехах долгожданного «возродителя» древнего города.

Есть надежда?…Что же происходит в настоящее время с многострадальным особняком Ярошевича? Новая команда городской власти во главе с мэром Гинак, разумеется, прекрасно понимает, что в центре города расположен великолепный памятник архитектуры, остро нуждающийся в восстановлении. Не раз и не два в различные инстанции власти направляли тревожные письма с просьбой передать особняк в подчинение громады.

В частности, Белгород-Днестровский горсовет обращался в главное территориальное управление юстиций в Одесской области, которое на сегодня является балансосодержателем особняка Ярошевича. Видать, небеса услышали нас — на сегодняшний день уже получено соглашение. Подготовлено письмо в министерство экономии развития и торговли, согласно постановлению Кабмина Украины о передаче объектов государственной коммунальной собственности.

Есть надежда, что к весне будут получены соответствующие документы. Отметим, что это последняя инстанция, которая должна согласовать и гарантировать передачу городу особняка Ярошевича.

Есть проект по созданию на месте знаменательного памятника архитектуры культурного центра. В то же время, городские власти отчётливо понимают, что силами городского бюджета потянуть полную реставрацию объекта неподъёмно. Поэтому на помощь будут привлекаться инвесторы или спонсоры. Пока ситуация выглядит именно так. Будем надеяться, что сообща особняк Ярошевича нам, громаде древнего города, удастся отстоять. И возродить его на радость всем тем, кто будет жить в этом прекрасном полисе – в Белом городе, что в устье Днестра.

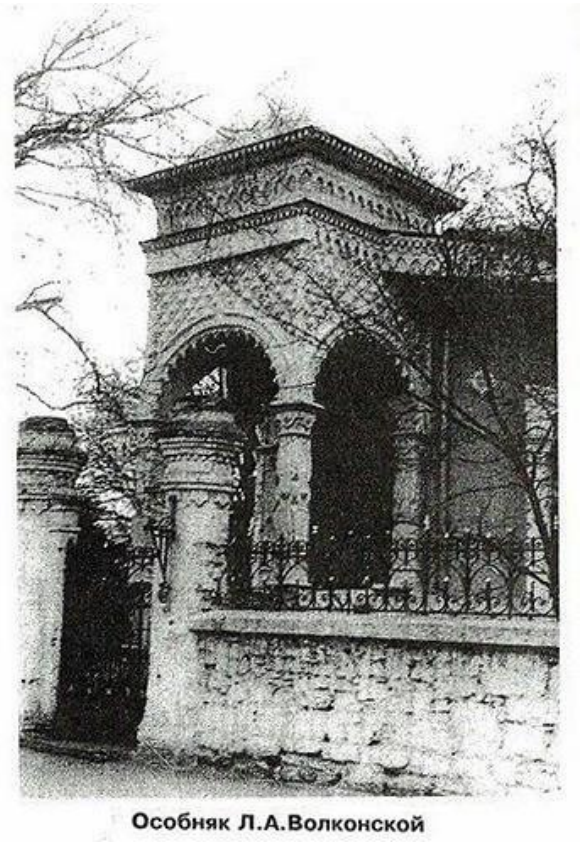
Владимир Воротнюк, специально для «Правда Аккермана»

Приложение 2

https://vk.com/wall-54299315_925025?ysclid=mhvvnt17h1954968203

2 июл 2019

Кто построил «особняк Ярошевича» ?



Особняк Л.А.Волконской

… На берегу днестровского лимана, в имении Сеймены, доживал свой век престарелый князь Григорий Петрович Волконский.

Его отец был ближайшим другом Александра I и прообразом князя Болконского в романе Толстого "Война и Мир", мать была фрейлиной двух императриц.

Григорий получил блестящее образование. В 1822 году поступил на службу в Коллегию иностранных дел. В 1839 г. он уже помощник попечителя Петербургского учебного округа, в 1845 г. - попечитель Одесского учебного округа. Впоследствии молодой князь находился при российской миссии в Риме, заведовал Археологической комиссией, учрежденной „для приискания древностей".

Женился Григорий очень удачно, на Марии Бенкендорф, дочери всемогущего шефа жандармов. Среди прочего приданного были и земли в Бессарабии под Аккерманом.

Все изменилось в начале 1860-х годов. Император Александр II заподозрил князя в участии в тайном обществе «Земля и воля». Это неудивительно – Григорий был племянником ссыльного декабриста Сергея Волконского.

По воле Императора в 1864 году князь Григорий Волконский был отправлен в ссылку в Бессарабию. Его мать купила для сына у наследников генерала Марини участок земли на берегу лимана. Небольшое имение получило название Сеймены (от турецкого seymen – солдаты-пехотинцы).

Для охраны имения и для наблюдения за ссыльным выделялся отряд казаков из местного Новороссийского казачьего войска.

Только незадолго до смерти Григория Петровича новый император Александр III даровал ему прощение.

Мать Григория, София Григорьевна, также не могла простить императору ссылку ее родного брата-декабриста, и почти всю жизнь провела за границей.

Даже после смерти она не хотела быть похороненной в Петербурге. После кончины в 1868 году ее по завещанию привезли к сыну в Сеймены и похоронили в специально построенном склепе.

Семейная жизнь князя Григория тоже не задалась. Жена Мария, урожденная Бенкендорф, была холодна с мужем и большую часть жизни также провела за границей.

Хозяйство одинокого князя вела бывшая компаньонка его матери, Лидия Александровна Ваксель. Когда-то ее прадед, Свен Ваксель, поступил на службу в русский флот, был в Камчатской экспедиции и открыл много островов.

Лидия Ваксель была одаренная женщина, сочиняла стихи, писала картины. И в наши дни на аукционах время от времени продаются ее полотна. На одну из таких картин – «Жница(Руфь)» – вы можете взглянуть.

В 1880 году Мария Волконская умирает.

И тут 74-х летнего вдовца "охмуряет" его экономка. В 1881 году она женит на себе престарелого князя Григория.

Через год, в 1882 году, князь скончался, и новоиспеченная светлейшая княгиня Лидия Волконская в 48 лет становится наследницей огромного состояния.

Она была очень набожна, много жертвовала нашей Болгарской церкви (ближайшей к их имению). Лидия Александровна пожертвовала церкви около полумиллиона рублей (2 иконы, лампады, серебряные кресты и 125000 рублей наличными).

В 1890 году она строит в Аккермане особняк в модном тогда псевдорусском стиле. Проектировал здание Евгений Ермаков, молодой архитектор Киево-Печерской лавры - мы же помним, что Лидия была очень религиозна. И сейчас в лавре есть много зданий в таком же псевдорусском стиле, "родственников" нашего особняка.

В 1894 году Лидия продает всё своё бессарабское имущество и уезжает в Петербург. В 1897 году она скончалась, по завещанию была привезена в Аккерман на пароходе "Тургенев" и похоронена с Волконскими в Болгарской церкви.

А её особняк купил сосед - помещик Алоизий Ярошевич, владелец имения Карловка (Быкоза).

После смерти в 1899 году почетного судьи Алоизия Ярошевича в особняке стал жить его второй сын, Александр, выпускник Петербургского института инженеров путей сообщения, строитель и управляющий Аккерманской железной дороги.

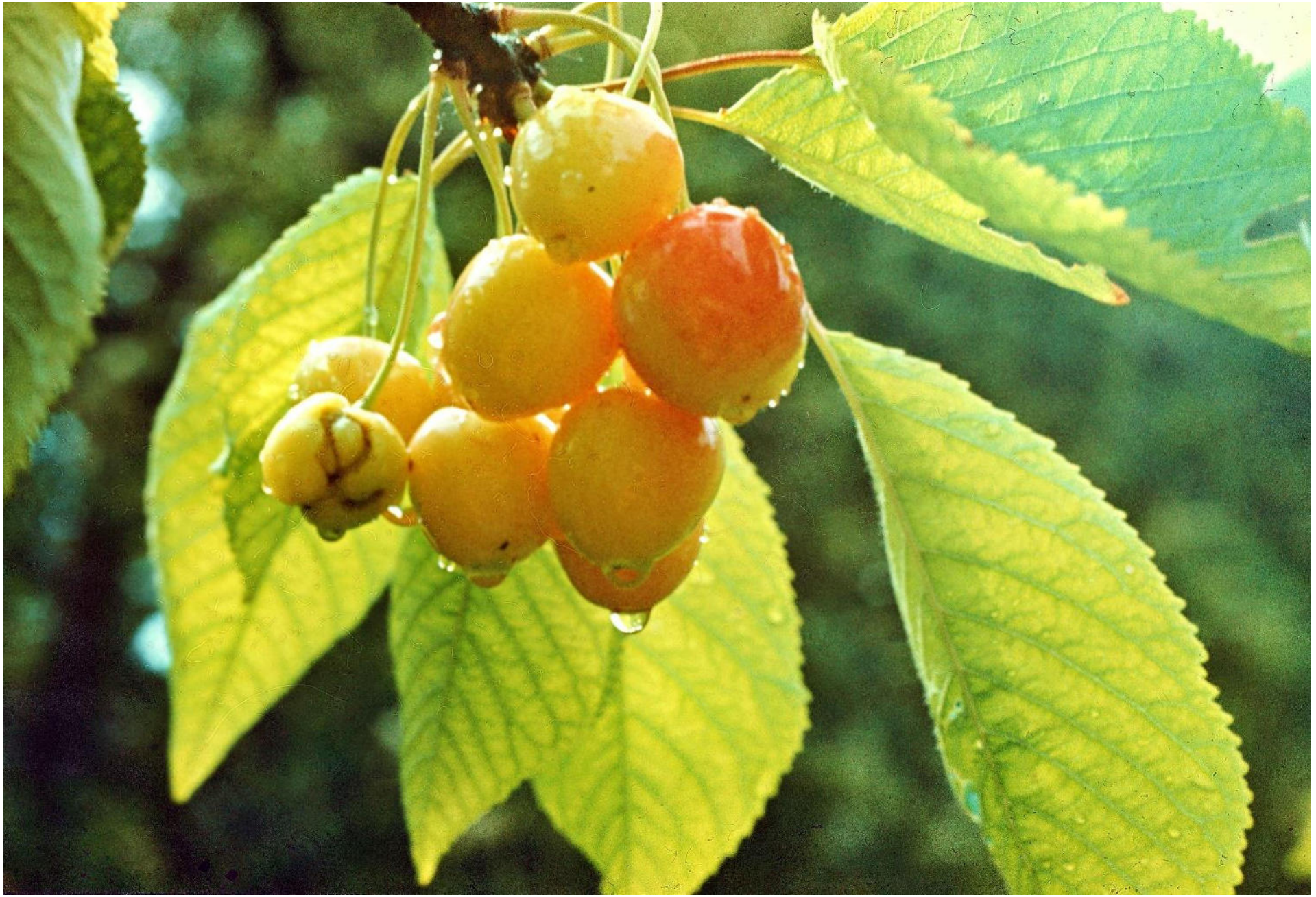
В румынский период здание было продано и там разместилось отделение Румынского национального банка, об этом напоминают буквы на решетке калитки - BNaR (Banca Naţională a României).

В 1940 году, после прихода Советов, все брошенные особняки приспособили под городские нужды. В этом здании разместилась городская поликлиника. После войны там опять была поликлиника, а впоследствии работала детская больница.

Ну, а современную историю этого памятника архитектуры все знают...

Алексей Перминов

Немного аккерманских фото



Аккерман. Черешня под моим окном. После дождя

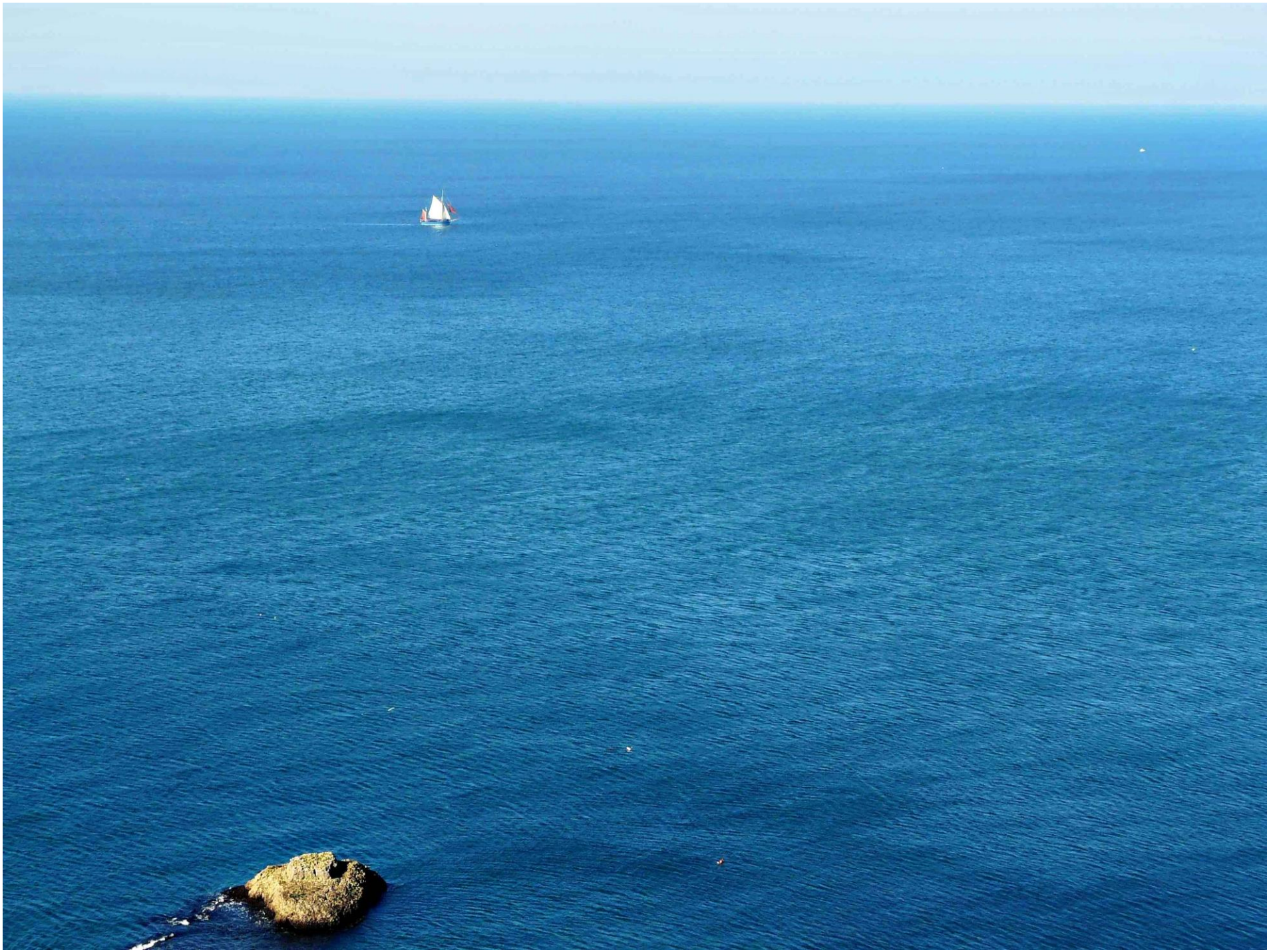
Вид на башню Пушкина со второго двора крепости

Вечер. Вид с башни Пушкина на лиман и Чаиры вдалеке

Отцовский виноград. Сорт «Шасла». С четырех кустов – 8-10 литров отличного белого сухого

Каролино-Бугаз. Дочь Оля. Веснушки, минус зубы плюс черешня

Королино-Бугаз. Вечерняя пастель



Белеет парус одинокий

Старичок. Мимолетная зарисовка

Решил вчера погулять с пользой. Окрыленный после посещения выставки русских икон иду за насущным – за едой. В далекой «Ленте» наггетсы вкуснее и приличнее, чем в нашем близлежащем «Дикси». И еще, «тварь я дрожащая или право имею». Сертификат от жены на вино получен. Вперед. Как говорят, «дорогу осилит идущий».

Итак, зарисовка.

Иду неспешно по длинной извилистой асфальтовой дорожке. Обгоняет меня молодое девичье чудо. Примерно 18+. Ведь сейчас плюсы принято ставить везде.

Кстати, а почему минусы явно не подписывают? Боятся, что люди к «минусам» потянутся?

Короткие джинсовые шортики грязно синего цвета с бахромой, сверху что-то вроде лифчика, не знаю, как описать. Не холодно. Издалека все прилично. Белые кроссовки, а в них ножки. Ножки… ножки… Если бы в «Рождение Венеры» Боттичелли вставили бы эти ножки… да было бы только лучше. Пропорции тела – золотое сечение, примерно 8:13, почему-то запомнил.

– Девушка, не идите так быстро. Я же за вами не успеваю.
Она, не оборачиваясь:
– Старичок, а у тебя денег не хватит.

Но почему «старичок»? Шел бодро, правда медленно, думал о выставке, спину держал прямо, ногами не шаркал.

Оба-на. Шибанула крепко. Я ведь об Этом даже и не думал! Надо же так деньги любить! А такая сзади красивая.

Я просто вспоминал молодость. Правильно, воспоминания лучше хранить молча.

А денег маловато, продукты стали дорогие.

Сначала я как-то обмяк. Но бодрый дух остался!

Горжусь!

Но пока чем – не знаю.

25.08.2026

От издателя

Дню пожилых людей, сохранивших чувство юмора молодости, посвящается:

"Береги руку, Сева"

редакция 19.09.2026

"Что я видел"
Как это было на самом деле

Испания и ...

Эскориал. Фреска, видео.

Эскориал. Бенвенуто Челлини

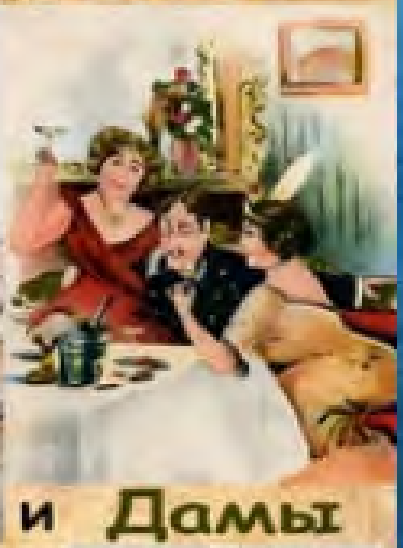
Барселона. Жирона

Pedralbes. Монастырь Педрадьбес.

Художник Феррер Басса

Нижний Новгород

БЫЛОЕ



и Дамы

В.В. Зарубанов

Это было недавно...
Это было давно

2024

